

ISSN 2658-3321

КАЗАНСКИЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

2023, том 6, № 1

KAZAN LINGUISTIC JOURNAL

2023, volume 6, No. 1

КАЗАНСКИЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Журнал основан в июне 2018 года

2023, том 6, № 1

Международный научный журнал

«Казанский лингвистический журнал» – международное научное рецензируемое издание открытого доступа, придерживающееся следующего принципа: свободный открытый доступ к результатам исследований способствует увеличению глобального обмена знаниями.

Публикуемые в журнале материалы прошли процедуру рецензирования и экспертного отбора. Научное содержание публикаций, наименования и содержание разделов соответствуют требованиям к рецензируемым научным изданиям Высшей аттестационной комиссии при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации. К публикации в журнале принимаются наиболее значимые научные труды, соответствующие тематике, обладающие научной новизной и содержащие материалы собственных научных исследований автора по следующим группам научных специальностей:

5.8. Педагогика*

- 1) 5.8.1. Общая педагогика, история педагогики и образования
- 2) 5.8.2. Теория и методика обучения и воспитания (по областям и уровням образования)
- 3) 5.8.7. Методология и технология профессионального образования

5.9. Филология*

- 1) 5.9.1. Русская литература и литература народов Российской Федерации
- 2) 5.9.2. Литературы народов мира
- 3) 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (английский, китайский языки)
- 4) 5.9.8 Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика

Информация об издании

Казанский лингвистический журнал выходит с 2018 года с периодичностью 4 номера в год на *русском, татарском, английском, немецком, французском, турецком, китайском, испанском, итальянском* языках. Журнал приглашает к публикации авторов исследовательских и обзорных статей по проблемам русской и зарубежной лингвистики, литературоведения и педагогики. Формат журнала и принцип открытого доступа позволяют обеспечить широкий охват читательской и авторской аудитории.

Цель журнала заключается в ознакомлении российского и международного научного сообщества с результатами деятельности научных школ и самостоятельных исследователей в области языкознания, литературоведения, теории и методики обучения, воспитания, профессионального образования.

Задачи журнала:

- публикация научных, обзорных и информационных статей, отражающих актуальные вопросы в заявленных областях;
- информирование об основных результатах научных работ, выполняемых в рамках приоритетных направлений исследований;
- публикация статей, посвященных разработке и реализации новых перспективных проектов;
- информирование об исследованиях молодых ученых и результатах их научной работы.

Зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций РФ. **Свидетельство о регистрации:** ПИ № ФС 77 – 72979, дата регистрации: 06.06.2018.

Форма распространения: печатное СМИ (журнал)

Территория распространения: Российская Федерация, зарубежные страны

Журнал зарегистрирован в Национальном центре ISSN Российской Федерации, номер ISSN: ISSN 2658-3321 (Print).

Учредители: Сакаева Лилия Радиковна, Тахтарова Светлана Салаватовна, Хабибуллина Эльмира Камилевна.

Издатель: Автономная некоммерческая организация «Институт культурного наследия»

ИНН 1655080432: ОГРН 1041621009660

Адрес: 420111, Российская Федерация, г. Казань, ул. Кремлевская, д. 10/15

Редакция: 420008, Российская Федерация, г. Казань, ул. М. Межлаука, д. 3, каб. 117

Сайт: <http://kaz-linguo-journal.ru/>

Телефон: +7 (843) 221-34-79

E-mail: kaz-linguo-journal@mail.ru

Индекс 64986

ГК «Урал-Пресс»

Выходит 4 раза в год

Главный редактор

Тахтарова Светлана Салаватовна – доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой теории и практики перевода, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия

Редакционная коллегия

Адельгейм Ирина Евгеньевна – доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института славяноведения Российской академии наук, г. Москва, Россия

Аврутина Аполлинария Сергеевна – доктор филологических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия

Беленцов Сергей Иванович – доктор педагогических наук, профессор, заместитель директора по учебно-методической работе, Курский государственный университет, г. Курск, Россия

Бокова Татьяна Николаевна – доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры методики обучения английскому языку и деловой коммуникации, Московский городской педагогический университет, г. Москва, Россия

Бушканец Лия Ефимовна – доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой иностранных языков в сфере международных отношений, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия

Гревецкая Гульсина Якуповна – доктор педагогических наук, профессор кафедры педагогики и психологии, Челябинский государственный институт культуры, г. Челябинск, Россия

Громова Нелли Владимировна – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой африканистики ИСАА при МГУ, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия

Загидуллина Дания Фатиховна – доктор филологических наук, профессор, вице-президент, ГНБУ «Академия наук Республики Татарстан», г. Казань, Россия

Закирьянов Альфат Масгумзянович – доктор филологических наук, доцент, заведующий отделом литературоведения, Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан, г. Казань, Россия

Ионова Светлана Валентиновна – доктор филологических наук, профессор, Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, профессор кафедры общего и русского языкознания, г. Москва, Россия

Калимуллина Ольга Анатольевна – доктор педагогических наук, профессор, Казанская государственная консерватория им. Н.Г. Жиганова, г. Казань, Россия

Корнеева Лариса Ивановна – доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой иностранных языков и перевода, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, г. Екатеринбург, Россия

Крылов Вячеслав Николаевич – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия

Миннуллин Ким Мугаллимович – доктор филологических наук, профессор, директор, Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан, г. Казань, Россия

Митягина Вера Александровна – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и практики перевода, Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия

Морозкина Евгения Александровна – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой лингводидактики и переводоведения, Башкирский государственный университет, г. Уфа, Россия

Мурашов Рахим Закиевич – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры немецкой и французской филологии, Башкирский государственный университет, г. Уфа, Россия

Несмелова Ольга Олеговна – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русской и зарубежной литературы, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия

Пенская Елена Наумовна – доктор филологических наук, профессор, руководитель Школы филологических наук факультета гуманитарных наук, Национальный исследовательский институт «Высшая школа экономики», г. Москва, Россия

Ратнер Фаина Лазаревна – доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры теории и практики перевода, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия

Рябцева Надежда Константиновна – доктор филологических наук, профессор, заведующий сектором прикладного языкознания, Институт языкознания Российской академии наук, г. Москва, Россия

Сабирова Диана Рустамовна – доктор педагогических наук, доцент, декан Высшей школы иностранных языков и перевода, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия

Сакаева Лилия Радиковна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры иностранных языков, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия

Сдобников Вадим Витальевич – доктор филологических наук, доцент, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, г. Нижний Новгород, Россия

Сторожук Александр Георгиевич – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой китайской филологии, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия

Тахтарова Светлана Салаватовна – доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой теории и практики перевода, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия

Фаткуллина Флюза Габдуллиновна – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русской и сопоставительной филологии, Башкирский государственный университет, г. Уфа, Россия

Шамина Вера Борисовна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия

Яроцкая Людмила Владимировна – доктор педагогических наук, доцент, заведующий кафедрой психологии и педагогической антропологии института гуманитарных и прикладных наук, Московский государственный лингвистический университет, г. Москва, Россия

Яхин Фарит Закизянович – доктор филологических наук, профессор, заведующий отделом текстологии, Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан, г. Казань, Россия

KAZAN LINGUISTIC JOURNAL

The journal was founded in June 2018

2023, volume 6, No. 1

International scientific journal

“Kazan linguistic journal” is an international peer-reviewed open access journal that adheres to the following principle: free open access to research results increases the global exchange of knowledge.

The papers published in this journal have passed expert selection and peer review procedures. The scientific content of publications, the titles and content of sections correspond to the requirements for peer-reviewed scientific publications of the Higher Attestation Commission under Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation. The most significant scientific works corresponding to the subject and containing materials of the author's own scientific research in the following groups of scientific specialties are accepted for publication in the journal:

5.8. Pedagogy*

- 1) 5.8.1. General pedagogy, history of pedagogy and education
- 2) 5.8.2. Theory and methodology of training and education (by areas and levels of education)
- 3) 5.8.7. Methodology and technology of vocational education

5.9. Philology*

- 1) 5.9.1. Russian literature and literature of the peoples of the Russian Federation
- 2) 5.9.2. Literature of the peoples of the world
- 3) 5.9.6. Languages of peoples of foreign countries (English, Chinese)
- 4) 5.9.8 Theoretical, applied and comparative linguistics

Information about the journal

Kazan linguistic journal has been published since 2018 with a frequency of 4 issues per year. The works can be submitted in 9 languages: Russian, Tatar, English, German, French, Spanish, Italian, Chinese, Turkish. The journal invites doctors and candidates of sciences, university professors, doctoral students, graduate students, undergraduates, as well as everyone who is interested in the issues under consideration to take part in the discussion on the proposed heading and publish for free. The format of the journal and the principle of open access allows providing the widest coverage of the readers and authors' audience.

The editorial board of “Kazan linguistic journal” sees **the main goal** of its activity as promotion and dissemination of information about the most significant research achievements and innovative solutions in the field of philology and linguistics, as well as facilitating the exchange of professional experience in the Russian and international community.

Achieving this goal is carried out by solving the following **tasks**:

- creation of an open discussion platform to support the exchange of views and dissemination of information in the scientific community;
- constant expansion of the range of authors in geographical (overcoming the localization of the publication process) and research plan (increasing the range of issues under consideration);
- promotion of interdisciplinary relationships and an integrated approach to the phenomena under study;
- ensuring compliance of the journal with international requirements for scientific periodicals, as well as careful and objective selection of manuscripts for publication.

The number of the certificate media: ПИИ № FS 77 – 72979, registration date: 06.06. 2018

The shape of the distribution: print media (magazine)

Territory of distribution: Russian Federation, foreign countries.

Registered in the Russian Federation ISSN National Agency, ISSN registration number: ISSN: ISSN 2658-3321 (Print).

Founders: Sakaeva Liliya Radikovna, Takhtarova Svetlana Salavatovna, Khabibullina Elmira Kamilevna.

Publisher: Autonomous non-profit organization "Institute of cultural heritage": INN 1655080432: OGRN 1041621009660

Address: 10/15, Kremlin str., Kazan, Rep. Tatarstan, Russia, 420111

Editorial office: room 117, 3 M. Mezhlauk str., Kazan, Russia, 420008

Website: <http://kaz-linguo-journal.ru/>

Index 64986

Phone: +7 (843) 221-34-79

“Ural-Press”

E-mail: kaz-linguo-journal@mail.ru

Published 4 times a year

Head editor

Takhtarova Svetlana Salavatovna – Doctor of Philology, Associate Professor, Head of the department of theory and practice of translation, Kazan (Volga region) Federal University, (Kazan, Russia)

Editorial Board

Adelgym Irina Evgenevna – Doctor of Philology, Professor, Lead Reasecher, Institute of Slavic studies of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

Avrutina Apollinaria Sergeevna – Doctor of Philology, Professor, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russia)

Belentsov Sergey Ivanovich – Doctor of Pedagogics, Professor, Deputy director for education, Kursk State University (Kursk, Russia)

Bokova Tatyana Nikolaevna – Doctor of Pedagogics, Professor, Professor of the department of English studies and crosscultural communication, Moscow City University (Moscow, Russia)

Bushkanets Liya Efimovna – Doctor of Philology, Associate Professor, Head of the department of foreign languages in international relations, Kazan (Volga region) Federal University (Kazan, Russia)

Grevtseva Gulsina Yakupovna – Doctor of Pedagogics, Professor of the department of pedagogy and psychology, Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts (Chelyabinsk, Russia)

Gromova Nelli Vladimirovna – Doctor of Philology, Professor, Head of the department of African studies of Institute of Asian and African studies, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

Zagidullina Daniya Fatikhovna – Doctor of Philology, Professor, Vice President, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (Kazan, Russia)

Zakirzyanov Alfat Magsumzyanovich – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Literary Studies, G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (Kazan, Russia)

Ionova Svetlana Valentinovna – Doctor of Philology, Professor, State Institute of the Russian Language. A.S. Pushkina, Professor of the Department of General and Russian Linguistics (Moscow, Russia)

Kalimullina Olga Anatolevna – Doctor of Pedagogics, Professor, N.G. Zhiganov Kazan State Conservatory (Kazan, Russia)

Korneeva Larisa Ivanovna – Doctor of Pedagogics, Professor, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin (Ekaterinburg, Russia)

Krylov Viacheslav Nikolaevich – Doctor of Philology, Professor, Professor of the department of Russian and world literature, Kazan (Volga region) Federal University (Kazan, Russia)

Mimullin Kim Mugallimovich – Doctor of Philology, Professor, Director, G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (Kazan, Russia)

Mityagina Vera Alexandrovna – Doctor of Philology, Professor, Head of the department of Translation Theory and Practice, Volgograd State University (Volgograd, Russia)

Morozkina Evgenia Aleksandrovna – Doctor of Philology, Professor, Head of the department of linguodidactics and translation studies, Bashkir State University (Ufa, Russia)

Muryasov Rakhim Zakievich – Doctor of Philology, Professor, Head of the department of German and French philology, Bashkir State University (Ufa, Russia)

Nesmelova Olga Olegovna – Doctor of Philology, Professor, Head of the department of Russian and world literature, Kazan (Volga region) Federal University (Kazan, Russia)

Penskaya Elena Naumovna – Doctor of Philology, Professor, Academic Supervisor of Faculty of Humanities, Higher School of Economics National Research University (Moscow, Russia)

Ratner Faina Lazarevna – Doctor of Pedagogics, Professor, Professor of the department of Theory and Practice of Translation, Kazan (Volga region) Federal University (Kazan, Russia)

Riabtseva Nadezhda Konstantinovna – Doctor of Philology, Professor, Head of the sector of Applied linguistics, Institute of Linguistics of Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

Sabirova Diana Rustamovna – Doctor of Pedagogics, Associate Professor, Dean of the Higher school of foreign languages and translation, Kazan (Volga region) Federal University (Kazan, Russia)

Sakaeva Liliya Radikovna – Doctor of Philology, Professor, Professor of the department of foreign languages, Kazan (Volga region) Federal University (Kazan, Russia)

Sdobnikov Vadim Vitalievich – Doctor of Philology, Associate Professor, Head of the Department of the English language and translation theory and practice, Nizhny Novgorod State Linguistic University named after N.A. Dobrolyubov (Nizhny Novgorod, Russia)

Storozhuk Aleksandr Georgievich – Doctor of Philology, Professor, Head of the department of Chinese Philology, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russia)

Takhtarova Svetlana Salavatovna – Doctor of Philology, Associate Professor, Kazan (Volga region) Federal University, Head of the department of theory and practice of translation (Kazan, Russia)

Fatkullina Fluza Gabdullinovna – Doctor of Philology, Professor, Head of the department of Russian and comparative philology, Bashkir State University (Ufa, Russia)

Shamina Vera Borisovna – Doctor of Philology, Professor, Professor of the department of Russian and world literature, Kazan (Volga region) Federal University (Kazan, Russia)

Yakhin Farit Zakirzyanovich – Doctor of Philology, Professor, G. Ibragimov Institute of language, literature and art of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russia)

Yarotskaya Ludmila Vladimirovna – Doctor of Pedagogics, Associate Professor, Head of the Department of Psychology and Pedagogical Anthropology, Institute of Humanities and Applied Sciences, Moscow State Linguistic University (Moscow, Russia)

СОДЕРЖАНИЕ

• Педагогика. Теория и методика обучения и воспитания Сигачева Н.А. Взаимодействие педагогов и студентов в цифровой образовательной среде в процессе обучения профессиональному иностранному языку	7
• Педагогика. Методология и технология профессионального образования Захватова Е.А., Панкратова М.В. Анализ лексико-грамматических ошибок в академическом эссе в рамках IELTS среди студентов неязыковых вузов (на материале английского языка).....	16
• Филология. Русская литература и литература народов Российской Федерации Бобыкина Е.Н. Содержательно-стилевые маркеры публицистического дискурса в сборнике С. Довлатова «Марш одиноких».....	26
Махинина Н.Г., Насрутдинова Л.Х. Смерть-уход в зеркале русской литературы XI–XXI веков.....	36
Нигматуллина А.М., Вдовина А.О. Толкование романа «Любовь» Элиф Шафак через призму «новой эстетики» метамодернизма.....	47
• Филология. Литературы народов мира Лисенко А.Р., Абдрахманова А.А. Тема иммиграции в немецкоязычной документальной драматургии (на примере пьесы М. Обексер «Незаконная помощь»).....	58
• Филология. Языки народов зарубежных стран Ван Цуй. Анализ названий китайских блюд с топонимами на фоне лингвистической типологии.....	69
Калинина А.Г., Сакаева Л.Р., Тахтарова С.С. Семантическое поле “Alimento” как отражение испанской национальной культуры.....	80
• Филология. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика Ахмадеев И.Р. Гендерная специфика самопрезентации современных британских политиков.....	90
Доржиева Д.Ц., Универсальюк Е.А. Языковая репрезентация результатов выборов в Италии в британских, немецких и итальянских СМИ.....	101
Дымова А.В., Яценко О.Ю. Экспериментальное исследование трактовок красного цвета в британской и американской лингвокультуре.....	111
Красавский Н.А. Коммуникативная стратегия дискредитации России в немецких СМИ при освещении событий на Украине (март-май 2022 года).....	123
Подлесная Ю.Е. О разнице употребления в турецком языке конструкций с именами действия <i>-diđi / -acađı</i> и усечённым инфинитивом <i>-ması</i>	134

CONTENT

• Pedagogical studies. Theory and methodology of training and education	
Sigacheva N.A. Interaction of Teachers and Students in the Digital Educational Environment in the Process of Teaching a Professional Foreign Language.....	7
• Pedagogical studies. Methodology and technology of vocational education	
Zakhvatova E.A., Pankratova M.V. Analysis of Lexical and Grammatical Mistakes in English Written Academic Discourse (IELTS) of Russian-speaking Students of Non-linguistic Specializations (based on the English Language Material).....	16
• Philological studies. Russian literature and literature of the peoples of the Russian Federation	
Bobykina E.N. Content and style markers of journalistic discourse in the book “March of the lonely” by S. Dovlatov.....	26
Makhinina N.G., Nasrutdinova L.H. Death-departure in the Mirror of Russian Literature of the XI–XXI centuries.....	36
Nigmatullina A.M., Vdovina A.O. Interpretation of the Novel “Love” by Elif Shafak through the Prism of “a New Aesthetic” of Metamodern.....	47
• Philological studies. Literature of the peoples of the world	
Lisenko A.R., Abdrakhmanova A.A. The Topic of Immigration in German-language Documentary Dramaturgy (on the Example of M. Obexer’s Play “Illegal Helpers”).....	58
• Philological studies. Languages of peoples of foreign countries	
Wang Cui. Analysis Of Chinese Dish Names with Toponyms Against the Background of Linguistic Typology.....	69
Kalinina A.G., Sakaeva L.R., Takhtarova S.S. The Semantic Field “Alimento” as a Reflection of the Spanish National Culture.....	80
• Philological studies. Theoretical, applied and comparative linguistics	
Akhmadeev I.R. Self-presentation Gender Specificity of Modern British Politicians.....	90
Dorzheva D.Ts., Universalyuk E.A. Language Representation of the Results of the Elections in Italy in British, German and Italian Mass Media.....	101
Dymova A.V., Yatsenko O.Yu. Experimental Research on the Colour Red Interpretations in British and American Linguocultures.....	111
Krasavsky N.A. Communicative Strategy of Discrediting Russia Used in German Media Covering the Events in Ukraine (March-May 2022).....	123
Podlesnaya Y.E. About the Difference in the Use of Constructions with Adjective-verbs - <i>diği</i> / <i>-acağı</i> and Truncated Infinitives <i>-ması</i> (noun-verbs) in Turkish.....	134

**ПЕДАГОГИКА. ТЕОРИЯ И МЕТОДИКА ОБУЧЕНИЯ И ВОСПИТАНИЯ
PEDAGOGY. THEORY AND METHODOLOGY OF TRAINING AND
EDUCATION**

Научная статья
УДК 378

Педагогические науки
<https://doi.org/10.26907/2658-3321.2023.6.1.7-15>

**ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ПЕДАГОГОВ И СТУДЕНТОВ В ЦИФРОВОЙ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЕ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАН-
НОМУ ЯЗЫКУ**

Н.А. Сигачева

*Казанский (Приволжский) Федеральный Университет, Казань, Россия
nsigacheva@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8746-6828>*

Аннотация. Процесс цифровизации высшего профессионального образования актуализирует необходимость теоретического осмысления и обоснования сложившегося и устойчивого педагогического явления взаимодействия участников образовательного процесса в новых условиях. Государственный стандарт высшего образования требует, чтобы современный выпускник обладал высоким уровнем компетентности в иноязычной коммуникации, поэтому повышение качества и эффективности учебного процесса является в настоящее время важной частью образовательного процесса в университете. Педагогическое взаимодействие, как структурный компонент системы обучения, позволяющий повысить уровень знаний иностранного языка у студентов, становится объектом растущего научного интереса. Целью статьи является выявление уровня мотивации студентов к взаимодействию с преподавателями на уроках иностранного языка в цифровой образовательной среде университета. В процессе исследования использовались методы изучения, обобщения, анализа педагогической литературы и педагогического опыта, а также метод анкетного опроса. В результате исследования были получены эмпирические данные о мотивации студентов к взаимодействию с преподавателями в цифровой образовательной среде университета; рассмотрена сущность, определена структура и специфика взаимодействия преподавателей и студентов в процессе обучения иностранному языку. Материалы статьи могут быть полезными для магистрантов, аспирантов, исследователей в области педагогики.

Ключевые слова: педагогическое взаимодействие; высшее образование; иностранный язык; цифровая образовательная среда

Для цитирования: Сигачева Н.А. Взаимодействие педагогов и студентов в цифровой образовательной среде в процессе обучения профессиональному иностранному языку. *Казанский лингвистический журнал*. 2023;6(1): 7–15. (In Eng.) <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2023.6.1.7-15>

Original article
<https://doi.org/10.26907/2658-3321.2023.6.1.7-15>

Pedagogy studies

**INTERACTION OF TEACHERS AND STUDENTS IN THE DIGITAL
EDUCATIONAL ENVIRONMENT IN THE PROCESS OF TEACHING
A PROFESSIONAL FOREIGN LANGUAGE**

N.A. Sigacheva

*Kazan (Volga region) Federal University, Kazan, Russia
nsigacheva@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8746-6828>*

Abstract. The process of digitalization of higher professional education actualizes the need for theoretical understanding and justification of the established and sustainable pedagogical phenomenon of interaction between participants in the educational process in the new conditions. The State standard of higher education requires a modern graduate to have a high level of competence in foreign language communication. Therefore, improving the quality and efficiency of the educational process is currently an important part of the educational process at the university. Pedagogical interaction, as a structural component of the educational system, which allows increasing the level of students' knowledge of a foreign language, is becoming an object of growing scientific interest. The purpose of the article is to reveal the level of students' motivation for the interaction with teachers in foreign language lessons at the university, considering work in a digital educational environment. Methods of studying, generalizing, analyzing pedagogical literature and pedagogical experience were used in the study as well as the method of questionnaire survey. As a result of the study, empirical data on the students' motivation to interact with teachers in the digital educational environment of the university were obtained; the concept, the essence, the structure and specifics of the interaction between teachers and students in the process of teaching a foreign language were clarified. The materials of the article can be useful for undergraduates, graduate students, researchers in the field of pedagogy.

Keywords: pedagogical interaction; higher education; professional foreign language; digital educational environment

For citation: Sigacheva N.A. Interaction of Teachers and Students in the Digital Educational Environment in the Process of Teaching a Professional Foreign Language. *Kazan Linguistic Journal*. 2023;6(1): 7–15. <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2023.6.1.7-15>

The interaction of teachers with students is the object of scientific research and a condition for the effectiveness of the pedagogical process. Research is carried out in all areas of pedagogical interaction, including the field of teaching foreign languages. The need to organize continuous feedback with students in order to receive information about effectiveness of pedagogical tools and methods, actualizes the scientific task of studying the theory and practice of pedagogical interaction between teachers and students in a digital educational environment.

The purpose of this study is to describe theoretical approaches to determining the interaction of foreign language teachers with students in the digital educational environment. Theoretical methods of study, generalization, analysis of scientific and methodological literature and practical experience as well as the method of questionnaire survey were used as key research methods.

The study and analysis of pedagogical research showed the interest of scientists in considering problems associated with various aspects of pedagogical interaction. So,

A.V. Andrienko [1], Z.P. Barabanova [2], L.V. Nikolaeva [3], Yu.Yu. Rubleva [4], Che Ahmad [5], R. Moirano [6] explore pedagogical interaction as an important requirement for the effectiveness of educational activities at a university. It should be noted that the digital educational environment is also put forward as a condition for ensuring the effectiveness of pedagogical interaction and the quality of student training [7; 8; 9]. At the same time, despite the identified scientific interest in this problem, we note the lack of research on the interaction of foreign language teachers with students in the digital educational environment of the university. This makes it necessary to consider the theoretical justification, definition, identification of the essence and structure of pedagogical interaction in foreign language classes, taking into account work in a digital educational environment.

Currently, scientists offer various approaches to the definition of such a phenomenon as pedagogical interaction. Some researchers emphasize the activity and communicative nature of pedagogical interaction and its target orientation. M.S. Ananin believes it is necessary to form individual styles of interaction between teachers and students, taking into account the stages of its formation and development [10]. E.V. Korotaeva notes the social status of the pedagogical phenomenon and the ability to have a developing impact on each participant in the educational process [11].

Thus, it can be assumed that the interaction of professional foreign language teachers with students in the digital educational environment at the university is a complex multicomponent process that includes didactic, educational, social and psychological aspects, due to the set educational goals, having its own structure, both positive and negative consequences, formed and developed in stages, having its own levels and criteria for evaluating effectiveness.

Considering the essence of the phenomenon under study, we note that pedagogical interaction is the very essence of the educational process, since it consists of two interrelated forms of activity, teaching and learning. At the same time, the essence of pedagogical interaction between teachers and students in foreign language classes comes from its goal, namely, the creation of the most effective conditions for

achieving a high level of foreign language communication, increasing the level of self-motivation for joint activities with the teacher. Effective pedagogical interaction helps to ensure the individual development path of each student, taking into account abilities, individual typological and personal characteristics [11].

In the pedagogical community, it is customary to consider pedagogical interaction as a special activity that should be analyzed considering the structure of activity, including such components as need, motive, goal and conditions for achieving it, tasks and methods for solving them, actions and, finally, the result. A special characteristic feature of the structure of pedagogical interaction between teachers and students in foreign language classes is its dynamism, mobility and variability, due to the presence of external and internal influencing factors, the unpredictability of results, the participation of more than one subject of the educational process and the very specifics of the activity.

For a deeper study of the structure of the phenomenon, within the framework of this study, it is necessary to consider the main areas (spheres) of pedagogical interaction, which differ in content and form. The megasphere is associated with the interaction of state and educational social institutions and is reflected in the educational strategy of the state for digitalization and regulations aimed at developing the foreign language competence of university graduates. The metasphere is represented in the system of higher vocational education, taking into account the level of education, the type of educational institution, and its content side is manifested in the concept of higher vocational education. The metasphere is implemented in the form of organizing the process of education, training, upbringing at the educational institution, while the content is implemented through curricula that take into account state, national, and regional components. The microsphere occupies a significant place in the structure of interaction and participates in the formation of the connection between the participants in the educational process. Theoretical and practical studies show that it is the microsphere that is fundamental for pedagogical interaction, since the above are based on it.

G.M. Frolova notes that the process of teaching students a foreign language is determined by the special nature of the interaction of its subjects, which implies continuity of feedback in order to receive information about the knowledge, skills and abilities acquired by students and correct pedagogical methods for presenting and consolidating educational material [12]. This approach allows you to distribute the teaching material optimally, choose effective teaching methods correctly.

A systematic analysis of the phenomenon under study made it possible to refer to the specific features of effective pedagogical interaction in foreign language classes:

- 1) the need for unity of internal and external relations, in which the social component determines the main result of pedagogical interaction; the psychological one indicates the mechanism for its implementation, and the pedagogical one creates conditions for the implementation of the goals set in practice;
- 2) the orientation of the teacher not only on the result, but also on the process itself, during which it is necessary to give a positive assessment of the internal state of the interaction participants;
- 3) building a constructive (developing) type and empathic style of communication with students, which allows creating favorable psychologically comfortable conditions for students' personal growth;
- 4) focus on a high level of motivation in the use of digital technologies in foreign language classes, as well as creative orientation in solving learning problems.

In the process of research, in order to reveal the level of motivational focus on interaction between teachers and students in foreign language classes, the method of questioning was used. The questionnaire with closed-type tasks as a diagnostic tool was developed. 141 second year students of the Institute of Computational Mathematics and Information Technologies of Kazan federal university took part in the questionnaire survey.

Questioning of students allowed finding out:

- whether the level of pedagogical interaction affects the level of students' knowledge;
- the level of interaction between teachers and students on a five-point scale;
- what style of pedagogical interaction creates a more favorable environment for conducting classes, according to students;
- what digital educational resources students prefer to use in the process of interaction with the teacher;
- what pedagogical technologies will improve the level of pedagogical interaction in the digital educational environment of the university;
- what digital educational resources are most effective, according to students.

The survey results showed:

107 (76%) students surveyed believe that the level of pedagogical interaction largely affects the level of students' knowledge, 30 (21%) – can influence, 4 (3%) – practically does not affect;

38 (27%) students rated the level of interaction between teachers and students at five points, 90 (64%) – at four points, 11 (8%) – at three points, 1 (2%) – at 1 point;

120 (85%) respondents believe that the democratic style of pedagogical interaction creates a more favorable environment for learning a professional foreign language, according to students, 21 (15%) – liberal style, 0% – authoritarian.

123 (87%) students surveyed noted the active use of YouTube educational channels – BBC Learning English and sapSCIENCE; Google Translate service, an online platform for designing graphics, posters and videos – PosterMyWall and PowerPoint for creating presentations, 18 (13%) use only entertainment platforms and PowerPoint.

61 (43%) respondents indicated that information and communication technologies correspond to the goal of increasing the effectiveness of pedagogical interaction in the digital educational environment of the university, 53 (38%) – chose project technologies; 27 (19%) – consider gaming technologies to be the most effective.

Theoretical analysis of scientific pedagogical literature and the research led to the conclusion that:

- 76% of the students surveyed are aware of the impact of pedagogical interaction on the level of knowledge and have a fairly high level of motivation to interact with teachers using digital educational resources in the process of learning a foreign language;
- it is necessary to consider the interaction of teachers with students at the university as a complex multicomponent process that has its own structure, internal and external relationships and specific activities;
- the essence of pedagogical interaction between teachers and students in foreign language classes is considered to be based on its goal, namely the creation of the most effective conditions for achieving learning outcomes;
- the structure of the phenomenon includes not only the goal, tasks, motives, but external and internal socio-psychological, pedagogical superstructures and relationships;
- the specifics of the interaction of foreign language teachers with students in a digital educational environment in the university is determined by its special communicative character, the purpose of the process itself, which is to increase the level of competence of communication in a foreign language, in the need to consider the individual abilities of each student.

Список литературы

1. Андриенко А.В. Взаимодействие преподавателей и студентов в контексте профессиональной педагогики. *Мир науки, культуры, образования*. 2008; 2(9): 107–111.
2. Барабанова З.П. Организация образовательного взаимодействия между педагогом и учащимися. *Современные наукоемкие технологии*. 2008; 1:40–42.
3. Николаева Л.В., Саввинова Р.В. Взаимодействие преподавателя и студента как условие эффективности профессиональной подготовки будущих специалистов. *Современные наукоемкие технологии*. 2015; 12(2): 351–354.
4. Рублева Ю.Ю. Сущность педагогического взаимодействия как фактора развития всех участников воспитательно-образовательного процесса. *Интернет-журнал «Мир науки»*. 2016; 4(3): 16–19. URL: <http://mir-nauki.com/PDF/43PDMN316.pdf> [дата обращения: 21.01.23].
5. Che Ahmad Che Nidzam, Shaharim Saidatul Ainoor, Abdullah Mohd. Teacher-student interactions, learning commitment, learning environment and their relationship with student

learning comfort. *Journal of Turkish Science Education*. 2017; 14: 57–72. DOI: 10.12973/tused.10190a. URL: https://www.researchgate.net/publication/317029230_Teacher-student-interactions-learning-commitment-learning-environment-and-their-relationship-with-student-learning-comfort/link/592fcf6b45851553b67ed652/download [дата обращения: 19.01.23].

6. Moirano R., Sánchez M.A., Štěpánek L. Creative interdisciplinary collaboration: A systematic literature review. *Thinking Skills and Creativity*. 2020; 35: 1–14. <https://doi.org/10.1016/j.tsc.2019.100626>. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S1871187119302196>.

7. Лапин В.Г. Цифровая образовательная среда как условие обеспечения качества подготовки студентов в среднем профессиональном образовании. *Инновационное развитие профессионального образования*. 2019; 1(21): 55–59.

8. Монспан Т.С. Формирование профессионально важных качеств будущих педагогов для работы в цифровой образовательной среде: дис. ... канд. пед. наук: 13.00.08. Иркутск; 2020. 183с.

9. Петров П. К. *Теоретические и методические основы подготовки специалистов физической культуры и спорта с использованием современных информационных и коммуникационных технологий*: монография. М.; Ижевск: Издательский дом «Удмуртский университет»; 2003. 473с.

10. Ананьин М.С., Николаев И.В. Педагогическое взаимодействие как условие эффективности образовательной деятельности в сфере физической культуры и спорта. *Теория и методика физической культуры, спорта и туризма*. Межвузовский сб. науч.-метод. работ. Санкт-Петербург; 2021: 238–241.

11. Коротаева Е.В. *Основы педагогики взаимодействий: теория и практика*: монография. Екатеринбург: Изд. УрГПУ; 2013. 203 с.

12. Фролова Г.М. Учет возможностей педагогического взаимодействия при планировании учебных занятий. *Вестник Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки*. 2022; 3(844):94–99. DOI: 10.52070/2500-3488_2022_3_844_94

References

1. Andrienko A. V. Interaction of teachers and students in the context of professional pedagogy. *The world of science, culture, education*. 2008; 2(9): 107–111. (In Russ.).

2. Barabanova Z.P. Organization of educational interaction between the teacher and students. *Modern science-intensive technologies*. 2008; 1:40–42. (In Russ.).

3. Nikolaeva L.V., Savvinova R.V. Interaction between a teacher and a student as a condition for the effectiveness of the professional training of future specialists. *Modern science-intensive technologies*. 2015; 12(2): 351–354. (In Russ.).

4. Rubleva Yu.Yu. The essence of pedagogical interaction as a factor in the development of all participants in the educational process. *Internet journal "World of Science"*. 2016; 4(3): 16–19. Available from: <http://mir-nauki.com/PDF/43PDMN316.pdf> [accessed: 21.01.23]. (In Russ.).

5. Che Ahmad, Che Nidzam, Shaharim Saidatul Ainoor, Abdullah, Mohd. Teacher-student interactions, learning commitment, learning environment and their relationship with student learning comfort. *Journal of Turkish Science Education*. 2017; 14: 57–72. DOI: 10.12973/tused.10190a. Available from: https://www.researchgate.net/publication/317029230_Teacher-student-interactions-learning-commitment-learning-environment-and-their-relationship-with-student-learning-comfort

stu-

dent_interactions_learning_commitment_learning_environment_and_their_relationship_with_stude
nt_learning_comfort/link/592fcf6b45851553b67ed652/download. [accessed: 01.19.23].

6. Moirano R., Sánchez M.A., Štěpánek L. Creative interdisciplinary collaboration: A systematic literature review. *Thinking Skills and Creativity*. 2020; 35: 1–14. <https://doi.org/10.1016/j.tsc.2019.100626>. Available from: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S1871187119302196>.

7. Lapin V.G. Digital educational environment as a condition for ensuring the quality of student training in secondary vocational education. *Innovative development of vocational education*. 2019; 1(21): 55–59. (In Russ.).

8. Monspan T.S. Formation of professionally important qualities of future teachers for work in a digital educational environment: dis. ... cand. ped. sciences: 13.00.08. Irkutsk; 2020. 183 p. (In Russ.).

9. Petrov P.K. Theoretical and methodological foundations for the training of specialists in physical culture and sports using modern information and communication technologies: monograph. M.; Izhevsk: Publishing House “Udmurt University”; 2003. 473p. (In Russ.).

10. Ananyin M.S., Nikolaev I.V. Pedagogical interaction as a condition for the effectiveness of educational activities in the field of physical culture and sports. Theory and methodology of physical culture, sports and tourism. Interuniversity scientific method. works. St. Petersburg; 2021: 238–241. (In Russ.).

11. Korotaeva E.V. *Fundamentals of interaction pedagogy: theory and practice*: monograph. Yekaterinburg: Publ. House “USPU”; 2013. 203p. (In Russ.).

12. Frolova G.M. Accounting for the possibilities of pedagogical interaction when planning training sessions. *Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Education and pedagogical sciences*. 2022; 3(844): 94–99. DOI: 10.52070/2500-3488_2022_3_844_94(In Russ.).

Авторпубликации

Сигачева Наталья Альбертовна –
кандидат педагогических наук, доцент
Казанский федеральный университет
Казань, Россия
E-mail: nsigacheva@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-8746-6828>

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 01.02.2023
Одобрена после рецензирования: 21.02.2023
Принята к публикации: 28.02.2023

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о рецензировании

«Казанский лингвистический журнал» благодарит анонимного рецензента (рецензентов) за их вклад в рецензирование этой работы.

Author of the publication

Sigacheva Natalya Albertovna –
Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor
Kazan Federal University
Kazan, Russia
E-mail: nsigacheva@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-8746-6828>

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Article info

Submitted: 01.02.2023
Approved after peer reviewing: 21.02.2023
Accepted for publication: 28.02.2023

The author has read and approved the final manuscript.

Peer review info

Kazan Linguistic Journal thanks the anonymous reviewer(s) for their contribution to the peer review of this work.

ПЕДАГОГИКА. МЕТОДОЛОГИЯ И ТЕХНОЛОГИЯ
ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
PEDAGOGY. METHODOLOGY AND TECHNOLOGY OF
VOCATIONAL EDUCATION

Научная статья
УДК 811.111

Педагогические науки
<https://doi.org/10.26907/2658-3321.2023.6.1.16-25>

АНАЛИЗ ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКИХ ОШИБОК В
АКАДЕМИЧЕСКОМ ЭССЕ В РАМКАХ IELTS СРЕДИ
СТУДЕНТОВ НЕЯЗЫКОВЫХ ВУЗОВ
(НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)

Е.А. Захватова¹, М.В. Панкратова²

¹Религиозная организация – Духовная образовательная организация высшего образования «Свято-Алексеевская Иваново-Вознесенская Православная духовная семинария Иваново-Вознесенской Епархии Русской Православной Церкви»,
Иваново, Россия

²Ивановский государственный энергетический университет имени В.И. Ленина,
Иваново, Россия

¹sunset23@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4117-3023>

²mariapankratova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4394-2351>

Аннотация. В статье говорится о важности формирования иноязычной академической грамотности как наиболее значимом и главном компоненте успешного академического общения и научно-исследовательской деятельности будущего специалиста. Цель статьи – проанализировать лексико-грамматические ошибки академического эссе в рамках IELTS среди носителей русского языка (на материале английского языка) и дать практические рекомендации во избежание допущения лексико-грамматических ошибок в дальнейшем. В качестве *объекта* исследования взят письменный академический дискурс на английском языке, где рассматривается и анализируется сам *предмет* исследования – грамматические и лексические языковые структуры. В целях объективного анализа эссе обучающихся в качестве экспертов были привлечены экзаменаторы IELTS, которые являются нативными носителями английского языка. Экспертам необходимо было найти те лексико-грамматические структуры, которые не соответствовали нормам английского языка в рамках академического эссе, и указать, соответственно, их правильный вариант. Результаты показали, что наиболее распространенными ошибками были следующие: неправильное использование сложных грамматических конструкций, нарушение порядка слов, избыточность, неправильное использования связующих элементов дискурса, нарушения стилистических норм, нарушение лексической сочетаемости. Авторы приходят к выводу, что систематизация таких данных позволит учителям английского языка разработать эффективную методику с целью преодоления большинства лексических и грамматических ошибок.

Ключевые слова: билингвизм; дискурс; типы дискурса; письменный академический дискурс; академическая грамотность; международный экзамен IELTS

Для цитирования: Захватова Е.А., Панкратова М.В. Анализ лексико-грамматических ошибок в академическом эссе в рамках IELTS среди студентов неязыковых вузов (на материале английского языка). *Казанский лингвистический журнал*. 2023;6(1): 16–25. <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2023.6.1.16-25>

Original article

Pedagogy studies

<https://doi.org/10.26907/2658-3321.2023.6.1.16-25>

ANALYSIS OF LEXICAL AND GRAMMATICAL MISTAKES IN ENGLISH WRITTEN ACADEMIC DISCOURSE (IELTS) OF RUSSIAN-SPEAKING STUDENTS OF NON-LINGUISTIC SPECIALIZATIONS (BASED ON THE ENGLISH LANGUAGE MATERIAL)

E.A. Zakhvatova¹, M.V. Pankratova²

¹*Saint Alexey's Ivanovo-Voznesensk Orthodox Theological Seminary of the Ivanovo-Voznesensk Diocese of the Russian Orthodox Church, Ivanovo, Russia*

²*Ivanovo State Power University named after V.I. Lenin, Ivanovo, Russia*

¹*sunset23@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4117-3023>*

²*mariapankratova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4394-2351>*

Abstract. It is generally known that the importance of the formation of foreign language academic literacy is the most significant component of successful academic communication of a future specialist's research activities. The IELTS essay is one of the most effective ways to practise foreign language academic literacy. The article explores lexical and grammatical features in academic essays among Russian bilinguals. The purpose of the article is to give practical recommendations to the students in order to avoid and minimize lexical and grammatical errors. The authors have done the research of the linguistic peculiarities of this genre. The article investigates scientists' views concerning the same issue. The object of the research is English written academic discourse of native speakers, and the subject of the paper is the grammatical and lexical structures of academic essays. The research is also based on an objective analysis: two native English IELTS examiners were invited as experts. They identified lexical and grammatical errors and corrected them. The results showed that the most common mistakes were mistakes in complex grammar constructions (tenses, word order, etc.), cases of redundancy, incorrect use of connecting elements of discourse, violations of stylistic norms, irrelevant sentence variety, incorrect use of vocabulary, improper collocations. The authors have come to a conclusion that systemizing such data enables English language teachers to develop an effective methodology that can be used to overcome most lexical and grammatical mistakes.

Key words: bilingualism; discourse; types of discourse; academic literacy; written academic discourse; international exam IELTS

For citation: Zakhvatova E.A., Pankratova M.V. Analysis of Lexical and Grammatical Mistakes in English Written Academic Discourse (IELTS) of Russian-speaking Students of Non-linguistic Specializations (based on the English Language Material). *Kazan Linguistic Journal*. 2023;6(1): 16–25. <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2023.6.1.16-25>

На сегодняшний день академическое эссе является неотъемлемой частью таких международных экзаменов, как TOEFL, IELTS, CAE, поскольку профессиональное владение иностранным языком (как устной, так и письменной речью) выступает одним из главных приоритетов на международном рынке труда. Сразу стоит отметить, что вслед за А.Г. Мартыновой, термин «эссе» понимается как «...продуктивный жанр академического письменного дискурса, где

автор представляет четко обоснованную и аргументированную точку зрения на определенную проблему» [1, с. 25]. Важно отметить, что авторы статьи рассматривают академическое эссе именно в рамках подготовки к международному экзамену IELTS.

Процесс обучения написанию эссе является довольно сложным видом работы для всех обучающихся, о чем свидетельствуют не только российские, но и зарубежные преподаватели [2, с. 11]. Несмотря на все трудности, данный вид работы стал более востребованным именно в образовательном процессе, поскольку, как справедливо отмечает И.Б. Короткина, академическое эссе – это довольно сложный и многоаспектный комплекс знаний и умений, который на сегодняшний день является самым главным по отношению ко всем остальным навыкам и умениям, необходимым для успешного обучения в высшей школе [3, с.7].

Цель статьи – рассмотреть лексико-грамматические ошибки в английском письменном дискурсе ненативных носителей английского языка.

Среди основных методов, применяемых авторами статьи на разных этапах исследования, можно назвать следующие: метод теоретико-лингвистического анализа, метод аудиторского анализа, метод сравнительного анализа и метод описательного анализа полученных данных.

Критический обзор научных статей, связанных с исследуемой тематикой, показал, что наиболее сложным этапом для обучающихся является именно выбор лексических единиц, уместных для написания академического эссе.

Так, В.А. Дугарцыренова, проанализировав работы ненативных носителей английского языка, выделяет следующие лексические ошибки: «небольшой набор лексических средств когезии; калькированный перевод с родного языка; неправильное употребление сочетаний слов и клише; неточный выбор значения многозначных слов в зависимости от контекста; использование в одном и том же значении слов, которые похожи по звучанию и написанию, но могут существенно различаться по значению или особенностям употребления (*adapt-adopt*;

base-basis, raise-rise); смешение стиля речи; дефицит средств смягчения категоричности высказываний» [4, с.107–108].

Среди грамматических ошибок автор отмечает такие как: «нарушения порядка слов в англоязычном предложении; неверное использование сложных грамматических конструкций и артиклей; избыточность употребления пассивного залога там, где было бы уместно использовать формы активного залога; несоответствие грамматических связей подлежащего и сказуемого; неточный выбор видовременных форм, характерных для научного высказывания» [там же].

Подводя итог, В.А. Дугарцыренова приходит к выводу, что основная задача высшей школы – это необходимость создания такой академической среды, которая бы способствовала эффективному развитию у студента академической грамотности, а именно способность критически мыслить и анализировать процесс создания не только письменного текста, но и «...результаты самостоятельной научной деятельности на разных ее этапах» [там же, с. 110].

Исследования Е.В. Земсковой и Н.Ю. Одиноквой также подтверждают выводы В.А. Дугарцыреновой в отношении лексических ошибок, а именно: избыточное, а порой и некорректное, использование вводных слов и фраз; незнание англоязычных коллокаций; употребление омонимов; использование русизмов [5, с. 361–364]. Что касается грамматических ошибок, то Е.В. Земскова и Н.Ю. Одинокова выделяют такие, как нарушение порядка слов в предложении; неправильное использование форм слов разной частеречной принадлежности; употребление слишком длинных сложных предложений или простых нераспространенных предложений; отсутствие внутренней связи в сложном предложении за счет некорректного использования союза [5, с. 363].

Во избежание лексико-грамматических ошибок авторы советуют преподавателям целенаправленно и регулярно давать студентам лексико-грамматические упражнения, позволяющие не только обогатить запас средств связи, но и критически оценивать их употребление в академическом эссе; а также советуют преподавателю не только разбирать ошибки отдельно взятой

работы, но и организовать работу в аудитории в качестве альтернативы индивидуального написания эссе [там же, с. 364].

К.Г. Чикнаверова говорит о том, что для ненативных студентов чрезвычайно сложным оказывается именно подбор лексических единиц в рамках заявленного контекста эссе [6, с. 210]. Автор указывает, что неверное понимание значения слова и, соответственно, применение его словообразовательных элементов может являться причиной данной ошибки. Также среди лексических ошибок автор отмечает и другие: использование фразовых глаголов вместо однословных эквивалентов, наличие избыточности, слов-примитивизмов и смешение стилей [6, с. 211]. В качестве пропедевтики межъязыковой интерференции у русскоязычных студентов К.Г. Чикнаверова предлагает использовать «беспереводные словари синонимов, англо-русские словари синонимов, моноязычные толковые словари, языковой корпус, а также метод параметризации лексических единиц» [там же, с. 213–214].

Рассмотрев опыт коллег, представим теперь наш анализ лексико-грамматических ошибок в академическом эссе ненативных носителей английского языка.

Объектом исследования данной статьи выступает английский письменный академический дискурс носителей русского языка, а предметом исследования – грамматические и лексические структуры, используемые в ходе написания эссе, поскольку именно в письменном дискурсе лексико-грамматическая интерференция проявляется в нарушениях грамматических и лексических норм и правил изучаемого иностранного языка в результате процесса калькирования структур родного языка с последующим переносом их в систему неродного языка [7, с. 120].

В целях объективного анализа эссе ненативных носителей английского языка в качестве экспертов были привлечены экзаменаторы IELTS, которые являются нативными носителями английского языка. Экспертам необходимо было найти те лексико-грамматические структуры, которые не соответствовали

нормам английского языка в рамках академического эссе, и указать, соответственно, их правильный вариант.

Прежде всего, обратим внимание на нарушения стилистических норм в академическом эссе ненативных носителей английского языка, которые составили 55% от общего объема проанализированных примеров. Так, варианту русскоязычных билингов *“a decent amount of ...”* эксперты предпочли использование словосочетания *“a significant portion”*, отнеся эту ошибку к стилистическим нарушениям, которые, главным образом, выражаются в использовании разговорных структур и единиц лексики вместо соответствующих академических. Подобные ошибки встречаются довольно часто, что объясняется необходимостью подготовки к разным частям международного экзамена. Интересными для анализа являются примеры, где эксперты-носители языка отдают предпочтение лексическим единицам нейтральной стилистики, тогда как ненативные носители выбирают «более яркое» стилистически нагруженное слово. Так, в письменной речи русскоязычных билингов фразу *“I intend to speculate on some of their reasons”* экспертами предлагается заменить на *“I intend to discuss some of their reasons”*, а *“a worrying issue”* – на *“a concerning issue”*.

В качестве примера употребления неверных коллокаций, что составило 30% от всех примеров письменного дискурса в рамках проведенного анализа, можно привести следующие: фраза в академическом эссе на английском языке русскоязычных билингов *“but still people abuse forests”* отмечается экспертами ошибочной, а в качестве альтернативы предлагается – *“but people continue clearing forests”*. Таким образом, отсутствующая в английском языке коллокация *“to abuse forests”* должна быть заменена на частотную коллокацию *“to clear forests”*.

Академическое эссе ненативных носителей английского языка зачастую изобилует многократным использованием лексических единиц с негативным семантическим значением, что соответствовало 40% от общего объема проанализированного материала. Это можно объяснить желанием использовать более

«мощное слово» (a more powerful word), что, по мнению русскоязычных билингвов, поможет лучше выразить мысль, придав большей колоритности высказыванию. Так, русскоязычные билингвы используют в эссе фразу “*devastating floods are notorious*”, тогда как нативные эксперты предлагают “*devastating floods are well-known*”, при этом избегая использования во фразе двух лексических единиц с отрицательным семантическим значением.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что основой для академического эссе выступают лексические единицы именно нейтральной стилистики, дополняя картину использованием единиц академической письменной речи.

Также частотными (60% среди проанализированных образцов) оказались случаи избыточности (redundancy). Например, фраза в академическом эссе русскоязычных билингвов “*to commute from home and back*” была отмечена экспертами ошибочной и скорректирована до варианта “*to commute*”. Глагол *to commute* имеет следующее определение в словаре: *to travel some distance between one's home and place of work on a regular basis*. Ненативные носители английского языка видят в глаголе *to commute* только сему движения / передвижения, поэтому считают необходимым добавление обстоятельства места, тем самым нарушая нормы английского языка. Данная ошибка носит интерференционный характер и, несомненно, объясняется нормами, закрепленными в родном языке, которые в свою очередь применяются ненативными носителями при написании эссе на английском языке. Примером избыточности (redundancy) также может выступать фраза, употребленная в письменной речи русскоязычных билингвов “*pedagogy principles provided by teachers*”, замененная экспертами на “*pedagogy principles*”.

Частотными нарушениями выступают случаи некорректного использования связующих элементов дискурса (более, чем в 65% от всех примеров, которые подверглись лексико-грамматическому анализу), что, конечно, отражается в потенциально низкой оценке за coherence / cohesion. Как показал анализ примеров, русскоязычные билингвы в английской письменной академической речи

довольно часто злоупотребляют использованием разговорного наречия *so*. Так, связующий элемент дискурса наречие *so* во фразе ненативных носителей английского языка маркировался экспертами ошибочным. Альтернативным вариантом выступало использование наречия *consequently*, которое, несомненно, стилистически полностью соответствует академической письменной речи. Также были обнаружены примеры, где наречие *so* просто было лишним (фраза ненативных носителей “*and so propose the ways forward*” заменена экспертами на “*and propose the ways forward*”).

Что касается грамматических ошибок, они также представлены и составляют 35% от общего числа проанализированных примеров. В основном, нарушения присутствовали в использовании сложных структур, например, неправильное применение пассивной формы герундия (“*medical students are unlikely to become professional doctors without being taken practicals*” вместо “*medical students are unlikely to become professional doctors without taking practicals*”).

Но при этом также встретились такие «классические» ошибки (в 15% примеров), как неверное использование *so /such* (“*the modern industry would have not so calamitous effect*” вместо “*the modern industry would not have such a calamitous effect*”), а также ошибки в использовании предлогов (“*increase of exhaust and temperature*” вместо “*increase in air pollution and average temperature*”).

Для улучшения грамматических навыков при написании академического эссе, на наш взгляд, действенным способом является отработка именно тех сложных структур, которые соответствуют band 7 и выше.

Подводя итог, можно сделать вывод о том, что академическое эссе представляет собой не только самостоятельный вид речевой деятельности, которая несет особую образовательную функцию, но и является важным средством повышения лингвокультурных фоновых знаний обучающихся. При освоении курса академического письма преподаватель должен вести интенсивную самостоятельную внеаудиторную работу с обучающимися.

Только находясь в условиях постоянной правки, переработки и совершенствовании собственных текстов с учетом сделанных преподавателем замечаний, обучающийся может достичь значимых результатов. И здесь, на наш взгляд, основная задача преподавателя состоит в формировании у обучающихся четкой дифференциации в использовании разговорных лексико-грамматических структур в рамках устной коммуникации на иностранном языке и определенного диапазона лексико-грамматических средств, уместных в академическом письменном дискурсе.

Список литературы

1. Мартынова А.Г. Формирование дискурсивной компетенции студентов посредством курса иноязычной письменной речи. *Вопросы исследования и преподавания иностранных языков: межвуз. тематич. сб. науч. тр.* 2003; (4). URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01002432181> [дата обращения: 11.09.2022].
2. Redman P. *Good Essay Writing*. London: Sage; 2017. URL: https://archive.org/details/goodessaywriting0000redm_f9m0 [дата обращения: 11.09.2022].
3. Короткина И.Б. *Академическое письмо: процесс, продукт и практика*. М.: Юрайт; 2016. URL: https://www.researchgate.net/publication/290436740_Akademicheskoe_pismo_process_produkt_i_praktika [дата обращения: 11.09.2022].
4. Дугарцыренова В.А. Трудности обучения иноязычному академическому письму. *Высшее образование в России*. 2016;(6). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/trudnosti-obucheniya-inoazychnomu-akademicheskomu-pismu> [дата обращения: 11.09.2022].
5. Земскова Е.В., Одинокова Н.Ю. Специфика обучения студентов-филологов написанию выпускного эссе на английском языке. *Проблемы высшей школы. Саратовский государственный университет. Серия «Филология. Журналистика»*. 2020;(3). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/spetsifika-obucheniya-studentov-filologov-napisaniyu-vypusknogo-esse-na-angliyskom-yazyke> [дата обращения: 11.09.2022].
6. Чикнаверова К.Г. Типичные ошибки при выборе лексических средств в иноязычном академическом эссе и способы их преодоления. *Вестник Костромского государственного университета. Сер.: Педагогика. Психология. Социокинетика*. 2019;(4). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tipichnye-oshibki-pri-vybore-leksicheskikh-sredstv-v-inoazychnom-akademicheskome-esse-i-sposoby-ih-preodoleniya> [дата обращения: 11.09.2022].
7. Панкратова М.В. Проявление лексико-грамматической интерференции в английском академическом письменном дискурсе носителей русского языка. *Успехи современной науки*. 2017; 4 (3). URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=29317663> [дата обращения: 11.09.2022].

References

1. Marty`nova A.G. Formation of discursive competence of students through the course of foreign language writing. *Voprosy` issledovaniya i prepodavaniya inostranny`x yazy`kov: mezhvuz.tematich. sb. nauch.tr.* 2003; (4). Available from: <https://search.rsl.ru/ru/record/01002432181> [accessed: 11.09.22] (In Russ.).
2. Redman P. *Good Essay Writing*. Available from: https://archive.org/details/goodessaywriting0000redm_f9m0 [accessed: 11.09.2022] (In Eng.)

3. Korotkina I.B. *Academic Writing: Process, Product and Practice*. Available from: [https://www.researchgate.net/publication/290436740 Akademicheskoe pismo process produkt i p raktika](https://www.researchgate.net/publication/290436740_Akademicheskoe_pismo_process_produkt_i_p_raktika) [accessed: 11.09.22] (In Russ.).

4. Dugartsyrenova V.A. Issues and Challenges in Teaching Academic Writing to Non-native English Speakers. *Vysshee obrazovaniye v Rossii [Higher Education in Russia]*. 2016; 6 (202). Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/trudnosti-obucheniya-inoyazychnomu-akademicheskomu-pismu> [accessed: 11.09.2022]. (In Russ.).

5. Zemskova E.V., Odinkova N.Yu. Some Aspects of Teaching Philology Students Writing English Final Essay. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philology. Journalism*. 2020; 20 (3). (In Russ.). Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/spetsifika-obucheniya-studentov-filologov-napisaniyu-vypusknogo-esse-na-angliyskom-yazyke> [accessed: 11.09.22]. (In Russ.).

6. Chiknaverova K.G. Erroneous use of lexical means in academic essays in a foreign language and its remedies. *Bulletin of Kostroma State University. Ser.: Pedagogy. Psychology. Sociokinetics*. 2019; (4). Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/tipichnye-oshibki-pri-vybore-leksicheskikh-sredstv-v-inoyazychnom-akademicheskome-esse-i-sposoby-ih-preodoleniya> [accessed 11.09.22] (In Russ.).

7. Pankratova M.V. Realization of lexical and grammatical interference in English academic written discourse of Russian natives. 2017; 4(3). Available from: <https://elibrary.ru/item.asp?id=29317663> [accessed: 11.09.22] (In Russ.).

Авторпубликации

Панкратова Мария Владимировна –
кандидат филологических наук, доцент
ФГБОУ ВО «ИГЭУ им. В.И. Ленина»
Иваново, Россия
Email: mariapankratova@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-4394-2351>

Захватова Екатерина Алексеевна –
кандидат филологических наук, доцент
ОПД ДОО ВО «САИВПДС РПЦ»
Иваново, Россия
Email: sunset23@bk.ru
<https://orcid.org/0000-0003-4117-3023>

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 20.09.2022
Одобрена после рецензирования: 20.02.2023
Принята к публикации: 28.02.2023

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о рецензировании

«Казанский лингвистический журнал» благодарит анонимного рецензента (рецензентов) за их вклад в рецензирование этой работы.

Author of the publication

Pankratova Maria Vladimirovna –
PhD in Philology, Associate Professor
Ivanovo State Power University named after V.I. Lenin
Ivanovo, Russia
Email: mariapankratova@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-4394-2351>

Zakhvatova Ekaterina Alekseevna –
PhD in Philology, Associate Professor
Saint Alexey's Ivanovo-Voznesensk Orthodox
Theological Seminary of the Ivanovo-Voznesensk
Diocese of the Russian Orthodox Church
Ivanovo, Russia
Email: sunset23@bk.ru
<https://orcid.org/0000-0003-4117-3023>

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Article info

Submitted: 20.09.2022
Approved after peer reviewing: 20.02.2023
Accepted for publication: 28.02.2023

The author has read and approved the final manuscript.

Peer review info

Kazan Linguistic Journal thanks the anonymous reviewer(s) for their contribution to the peer review of this work.

**ФИЛОЛОГИЯ. РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА И ЛИТЕРАТУРА НАРОДОВ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**
**PHILOLOGY. RUSSIAN LITERATURE AND LITERATURE OF THE
PEOPLES OF THE RUSSIAN FEDERATION**

Научная статья
УДК 811.161.1

Филологические науки
<https://doi.org/10.26907/2658-3321.2023.6.1.26-35>

**СОДЕРЖАТЕЛЬНО-СТИЛЕВЫЕ МАРКЕРЫ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОГО
ДИСКУРСА В СБОРНИКЕ С. ДОВЛАТОВА «МАРШ ОДИНОКИХ»**

Е.Н. Бобыкина

Марийский государственный университет, Йошкар-Ола, Россия
katbobykina777@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-0846-5561>

Аннотация. В настоящей статье проводится дискурс-анализ сборника С. Довлатова «Марш одиноких», композиционно состоящего из 66 текстовых частей – «колонок редактора», с целью выявления дискурсной гетерогенности, или интердискурсивности, художественного текстового поля, реализуемых за счет «диалога» художественного и публицистического дискурсов. Исследовательский интерес сфокусирован на выявлении и систематизации содержательных и стиливых маркеров, воспринимаемых как авторские «подсказки», способствующие более точному «опознанию» адресатом разных типов дискурса (публицистического и художественного) в едином художественном целом. В ходе исследования были обнаружены следующие маркеры публицистического дискурса: характер адресата, цитация и автоцитация, идеологическая интерпретация излагаемых событий, эксплицитно выраженная авторская позиция. Авторская оригинальность в исследуемом сборнике обеспечивается свободным переключением повествования с институциональности публицистики, то есть реализации интенции писателя, направленной на идеологическую интерпретацию события, к художественному вымыслу и образности, эксплицирующим иронию, комический эффект. В результате исследования автор приходит к выводу, что художественный метод С. Довлатова может быть квалифицирован как дискурсная гетерогенность, позволяющая прихотливо переключать способы повествования с помощью содержательных и стиливых маркеров публицистического и художественного дискурсов.

Ключевые слова: дискурс-анализ; художественный дискурс; публицистический дискурс; дискурсная гетерогенность; интердискурсивность; дискурсивные маркеры

Для цитирования: Бобыкина Е.Н. Содержательно-стилевые маркеры публицистического дискурса в сборнике С. Довлатова «Марш одиноких». *Казанский лингвистический журнал*. 2023;6(1): 26–35. <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2023.6.1.26-35>

Original article

Philology studies
<https://doi.org/10.26907/2658-3321.2023.6.1.26-35>

**CONTENT AND STYLE MARKERS OF JOURNALISTIC DISCOURSE
IN THE BOOK “MARCH OF THE LONELY” BY S. DOVLATOV**

E.N. Bobykina

Mari State University, Yoshkar-Ola, Russia
katbobykina777@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-0846-5561>

Abstract. The present article deals with a discourse analysis of the book “March of the Lonely” by S. Dovlatov. Compositionally consisting of 66 text parts – “editor's columns”, is carried out in order to identify the discursive heterogeneity, or interdiscursivity, of the artistic text field, realized through the “dialogue” of artistic and journalistic discourses. The research interest is fo-

cused on the identification and systematization of content and style markers perceived as author's “hints” that contribute to a more accurate “identification” different types of discourse (journalistic and artistic) in a single artistic whole by the addressee. In the course of the study, the following markers of journalistic discourse were found: the nature of the addressee, citation and autocitation, ideological interpretation of the events presented, explicitly expressed S. Dovlatov's position. The author's originality in the book under study is ensured by the free switching of the narrative from the institutionality of journalism, that is, the realization of the writer's intention aimed at the ideological interpretation of the event, to fiction and imagery, explicating irony, comic effect. As a result of the research, the author comes to the conclusion that S. Dovlatov's artistic method can be qualified as a discursive heterogeneity, which allows whimsically switching the ways of narration with the help of content and stylistic markers of journalistic and artistic discourses.

Keywords: discourse analysis; artistic discourse; journalistic discourse; discursive heterogeneity; interdiscursivity; discursive markers

For citation: Bobykina E.N. Content and style markers of journalistic discourse in the book “March of the lonely” by S. Dovlatov. *Kazan Linguistic Journal*. 2023;6(1): 26–35. <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2023.6.1.26-35>

В 1965 г. С. Довлатов поступил на факультет журналистики Ленинградского университета и вскоре начал работать корреспондентом в одной из заводских многотиражек. Профессия журналиста, по воспоминаниям биографов, на протяжении всей жизни была необходима прозаику как источник «случайного заработка и приблизительного статуса», при этом С. Довлатова называли «королем многотиражек» за редкий талант «любую халтуру украсить ловкой художественной деталью» [1, с. 6]. Частая смена мест работы и географические «перемещения» С. Довлатова-журналиста обусловлены единственным стремлением «стать писателем – не для круга друзей, а для всех, настоящим, с книжками» [1, с. 3]. Расцвет его журналистской карьеры пришелся на 1980–1981 гг., когда, уже будучи тем самым «настоящим» писателем, С. Довлатов возглавил еженедельную газету «Новый американец». Коллеги вспоминают: с одной стороны, «Довлатов в газете не помещался», с другой, – она была его «любимым детищем» [1, с. 11], а колонки главного редактора С. Довлатова всегда оставались самой долгожданной рубрикой среди читателей.

П. Вайль называл их «словесным ремеслом», имея в виду то, что, по сути, все довлатовские публицистические тексты были написаны «такими же словами, из которых состояли его книги» [1, с. 15]. Так, 64 колонки редактора газе-

ты «Новый американец» С. Довлатова послужили содержательной базой, жанровой основой сборника «Марш одиноких», что позволяет рассматривать данную часть произведения как коммуникативную единицу публицистического дискурса. Первая и последняя текстовые части, написанные автором позже и отделенные от остальных графически (курсивом) подчиняются идее объединения публицистических текстов в единое художественное целое и реализуют авторскую интенцию: создание целостного художественного произведения, отражающего, по словам самого С. Довлатова, если не «историю третьей эмиграции», то историю его «взыскующей души» [2, с. 454]. Таким образом, «Марш одиноких» состоит из 66 текстовых частей: 64 «колонок редактора», каждая из которых представляет собой эссе (публицистическое высказывание автора) на произвольную тему и двух (первой и последней) частей, выделенных курсивом и служащих общим «художественным обрамлением». Такой оригинальный композиционный прием сигнализирует о неоднородности дискурсной структуры текста, которая, как отмечает Е.В. Белоглазова, является «характерной чертой художественной литературы в целом» [3, с. 189]. Использование писателем паралингвистических средств (курсива) фокусирует внимание читателя (адресата) на особой значимости отдельных текстовых частей.

Выделение, анализ и систематизация содержательно-стилевых маркеров публицистического и художественного дискурсов в сборнике «Марш одиноких» позволяет определить взаимосвязь экстралингвистических и стилиевых параметров институциональности и авторской оригинальности данного произведения. Для этого, с нашей точки зрения, необходимо, во-первых, уточнить основные аспекты понятий публицистический и художественный дискурс; во-вторых, выделить их лингвистические, экстралингвистические маркеры; в-третьих, констатировать дискурсную гетерогенность сборника «Марш одиноких», реализуемую за счет оригинального «диалога» элементов публицистического и художественного дискурсов. Кроме того, подчеркнем, что сборник С. Довлатова «Марш одиноких» ранее не изучался с позиций лингвистики дискур-

са и не подвергался дискурсивному анализу, что обеспечивает новизну и актуальность исследования.

Теоретико-методологической базой данной статьи послужили труды ученых Санкт-петербургской школы (В.Е. Чернявской [6], Е.В. Белоглазовой [3], [7], Е.А. Гончаровой, И.А. Щировой [8], В.А. Андреевой [9] и др.), работающих в области лингвистики текста и лингвистики дискурса. Вслед за Е.А. Гончаровой, под художественным дискурсом будем понимать «текст как когнитивное событие (содержащее определенный «концепт действительности», систему «концептуально-смысловых установок», которые включают в себя индивидуальные, исторические, общественные и др. знания) и одновременно коммуникативное событие, «погруженное в жизнь» и автора, и читателя, и общества в целом» [8, с. 188]. Кроме того, исследователь подчеркивает наличие тесной взаимосвязи двух реальностей: фактической «жизненной» и вторичной, «фикциональной»; эти реальности внутри текстового поля способны влиять друг на друга, размывая четкость смысловых «границ», а, следовательно, «реальные тексты являются не только составной частью определенных дискурсов, <...> но и оказываются способными влиять на характер данных дискурсов» [9, с. 189]. Данный вывод, на наш взгляд, свидетельствует о неоднородной дискурсивной структуре художественного текста, возможности одновременного сосуществования в нем нескольких типов дискурса.

Е.В. Белоглазова также считает «дискурсивную гетерогенность» «универсальной чертой художественной литературы в целом» [3, с. 5]. В.Е. Чернявская явление «текстовой гетерогенности» оценивает как «сильнодействующее средство привлечения внимания потенциального адресата» [6, с. 130].

Аттракция адресата является первостепенной целью и публицистического дискурса, поэтому базовым свойством его является высокий уровень диалогичности коммуникантов.

Публицистический дискурс представлен в СМИ, теле-, радио- и интернет-коммуникации и в зависимости от коммуникативных задач, социокультурной

среды, пространственно-временного континуума реализует функции воздействия, пропаганды, информативную, развлекательную, дидактическую. Исследованием коммуникативно-стилистических особенностей данного типа дискурса занимаются ученые Н.И. Клушина [10], И.П. Иванова [11], Тарасов Е. Ф., Сорокин Ю.А., Бгажноков Б.Х. [12] и другие. Так, работы И.С. Тимченко [13] посвящены изучению жанровых и стилиевых особенностей колонки редактора. Н.И. Клушиной на основе обобщения предыдущего научно-исследовательского опыта изучения публицистического дискурса было предложено определение его как «совокупности публицистических текстов, погруженных в коммуникативную ситуацию», где основными «дискурсивными (надтекстовыми) характеристиками являются: «идеологема, оценочность, идеологическая интерпретация события» [10, с. 45]. Для анализа публицистического текста Н.С. Клушина предложила использовать метод дискурс-анализа, основой которого служит следующий алгоритм: «адресант → интенция → текст → адресат → декодирование → воздействие», то есть именно интенциональность или интенциональные черты текста «становятся текстообразующими категориями» [10, с. 45].

И.П. Иванова отмечает, что специфика публицистического дискурса прежде всего состоит «в особой и намеренной выразительности, экспрессивности высказывания», а одной из конституирующих черт такой экспрессивности исследователь считает использование в публицистическом тексте большого количества разного рода цитат, что способствует обострению диалогичности, а также «повышает момент игры, служит порождению подтекста. <...> Эффективным приемом, значительно повышающим выразительность этих средств, является их авторская трансформация, обновление» [11].

Рассмотрим жанр «колонка редактора» как коммуникативную единицу публицистического дискурса, характеризующуюся значительной степенью экспрессии. И.С. Тимченко считает, что «колумнистика» – это жанр, зародившийся в американской журналистике, расцвет которого пришелся на середину XX века; а также констатирует дискуссионность вопроса о жанровой принадлежно-

сти «колонки редактора»: в зависимости от содержательной части она может представлять собой «эссе», «передовицу», «комментарий», «зарисовку», «литературный монолог», «пост» [13, с. 12]. Под колонкой редактора И.С. Тимченко понимает «место, где автору позволительно высказать частное мнение, опубликовать результаты осмысления своего личного опыта, при этом направив взгляд вглубь себя», в отдельных текстах колонок также может наблюдаться «насыщенность стилистическими приемами» [13, с. 13]. Как правило, колонка редактора размещается «на золотых полосах – в начале газеты, чаще всего на 3 полосе» [13, с. 17]. С. Довлатов всегда печатал свои колонки редактора на второй полосе, практически все его тексты носили развлекательный характер, то есть в их основе лежал комизм ситуации и языковые способы его воплощения.

«Марш одиноких», пожалуй, – единственное произведение С. Довлатова, изданное практически без авторских правок и дополнений: 64 «колонки редактора», составившие композиционную основу исследуемого сборника, связаны хронологической последовательностью и напечатаны в соответствии с очередным выходом номера «Нового американца», в качестве заглавия использована начальная фраза каждой «колонки»; отдельно дописанные первая и последняя части сборника являются своеобразным предисловием, в котором аргументируется решение издать публицистические тексты отдельным художественным произведением, и послесловием, где автор рефлексировал над «неудачным» опытом создания «демократичной газеты» [2, с. 569].

О дискурсивной гетерогенности произведения сигнализируют содержательные и стилистические маркеры публицистического дискурса в составе художественного, что обеспечивает свободное переключение авторского повествования с институциональности публицистики, то есть реализации авторской интенции, направленной на идеологическую интерпретацию события, к художественному вымыслу и образности, эксплицирующим авторскую иронию, комический эффект.

К обнаруженным маркерам публицистического дискурса, с нашей точки зрения, относится активное использование:

а) прецедентных имен (имен друзей, коллег по работе (П. Вайля, А. Гениса, Я. Седых, И. Бродского);

б) прецедентных имен политических деятелей (Брежнева, Ленина, Сталина, Сахарова), которые воспринимаются как идеологемы в составе советского идеологического дискурса;

в) намеренно искаженных автором известных цитат и автоцитации («Я люблю тебя, жид, что само по себе и не ново» [2, с. 559], «В Воронеж где-то Бог послал кусочек сыра» [2, с. 531], «Хорошо, начальник, в лагере! Можно не думать. За нас опер думает» (из «Зоны» – Е.Б.) [2, с. 543], «Сергея у нас – интеллигент. Политурсы и одеклона не употребляет. А только – красное, белое и пиво» (из «Заповедника» – Е.Б.) [2, с. 482]);

г) эксплицитно выраженной отрицательно-оценочной авторской позиции относительно излагаемых событий («Русскую литературу создал Пушкин. Выволакивают ее из провинциальной трясины Бродский с Набоковым» [2, с. 512], «Дураки <...> не подлежат законам гравитации. У них своя биология, своя арифметика. Им все нипочем. Они бессмертны» [2, с. 517], «Наше духовное отечество – многострадальная русская культура» [2, с. 457]);

в) политической иронии («Все мы очень любим давать советы. Такое уж государство нас воспитало – советское» [2, с. 472], «есть такое понятие – лицо народа. А лица бывают разные» [2, с. 474];

д) политической сатиры («впервые партийные льготы коснулись достойного объекта» – собаки [2, с. 471], «Ленину нравилось пиво. В этом заурядном факте проглядывало нечто человеческое», «Брежнева и Косыгина еще можно узнать. Пельше и Сулов – однотипны и взаимозаменяемы. Остальные неотличимы, как солдатское белье» [2, с. 519].

С точки зрения художественного дискурса, в сборнике «Марш одиноких» отмечается тесное переплетение фактической реальности (имена, события, пространственно-временной фактор) с вымышленной, «фикциональной»: сам С. Довлатов считает: «на то и колонка редактора, чтобы помечтать» [2, с.

520], себя же видит в роли «*посредника между читателем и газетой*», который с юмором рассказывает обо всем; а «*чересчур серьезным людям*», ищущим строгого совпадения фактов и событий, писатель рекомендует читать «*Большую советскую энциклопедию*» [2, с. 477]. Содержание и тематика текстовых частей художественного дискурса также разнообразна: от рассуждений на идеолого-политические темы до эссе о тараканах в эмиграции, чем обеспечивается дискурсная неоднородность художественного текстового поля.

Как показывают проведенные наблюдения, для формирования творческого метода писателя С. Довлатова значительную организующую роль играет советский политико-идеологический дискурс, то есть идеи, мировоззренческие суждения, взгляды, порожденные «советским прошлым», создают целостную картину авторского нарративного мира, репрезентирующего иронию, комизм повествования, языковую игру с потенциальным читателем. Другими словами, художественный метод С. Довлатова можно квалифицировать как дискурсную гетерогенность, позволяющую прихотливо переключать способы повествования с помощью стилевых маркеров публицистического и художественного дискурсов. Данное наблюдение экстраполируется на название произведения – «Марш одиноких», которое легко декодируется адресатом: «одинокие», то есть индивидуалисты, с точки зрения советской идеологии, не могут маршировать, так как «марш» – это способ торжественной строевой ходьбы коллектива.

Таким образом, в результате проведенного дискурс-анализа сборника С. Довлатова «Марш одиноких», были выявлены и систематизированы содержательно-стилевые маркеры публицистического дискурса (характер адресата, цитация и автоцитация, идеологическая интерпретация излагаемых событий, эксплицитно выраженная авторская позиция), что, безусловно, свидетельствует о наличии параметров институциональности в исследуемом произведении; такие маркеры, как переплетение фактической и фикциональной реальностей, содержательно-тематическое разнообразие текстовых частей, обеспечивающее дискурсную гетерогенность художественного текстового поля, и свободное пе-

реключение авторского повествования с публицистического на художественный дискурс реализуют комический эффект, авторскую иронию, языковую игру с читателем.

Дальнейшее изучение творчества прозаика с точки зрения лингвистики дискурса и дискурсного анализа, с нашей точки зрения, позволит прийти к новым исследовательским выводам, способствующим более глубокому пониманию творческого метода языковой личности С. Довлатова.

Список литературы

1. Довлатов С. *Речь без повода*. СПб: Махаон; 2006. 432 с.
2. Довлатов С. *Собрание сочинений: в 4 т.* / Сост. А. Арьев. СПб.: Азбука-классика; 2005. Т. 2. 576 с.
3. Белоглазова Е.В. *Дискурсная гетерогенность литературы для детей: когнитивный и лингво-прагматический аспекты*: дисс. д.филол.н. СПб; 2010. 400 с.
4. Ткачева Е.В. Синтаксическая организация текста в публицистике С. Довлатова как средство создания эффекта разговорности. *Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки*. 2013; (2): 115–119.
5. Добрычева А.А. Особенности синтаксической организации прозы Сергея Довлатова. *Вестник Череповецкого государственного университета*. 2011; 4(1): 57–60.
6. Чернявская В.Е. *Лингвистика текста: Поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность*. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ»; 2009. 248 с.
7. Белоглазова Е.В. Полидискурсивность как адресато-обусловленная характеристика текста. *Сибирский филологический журнал*. 2009; 2:187–194.
8. Щирова И.А., Гончарова Е.А. *Многомерность текста: понимание и интерпретация*. СПб.: ООО «Книжный Дом»; 2007. 472 с.
9. Андреева В.А. *Литературный нарратив: дискурс и текст*. СПб.: Норма; 2006. 183 с.
10. Клушина Н. И. Публицистический текст в новой системе стилистических координат. *Язык средств массовой информации как объект междисциплинарного исследования*. Материалы II Международной научной конференции 14–16 февраля 2008 года. М.: филологический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова, Институт языкознания РАН; 2008. С. 290–292.
11. Иванова И.П. *Стилевые характеристики публицистического дискурса*. URL:<https://cyberleninka.ru/article/n/stilevye-harakteristiki-publitsisticheskogo-diskursa/viewer> (дата обращения: 12.08.2022)
12. Тарасов Е.Ф., Сорокин Ю.А., Бгажноков Б.Х. Массовая коммуникация как социальное общение (радио и телевидение). *Язык и массовая коммуникация. Социолингвистическое исследование*. М.: Наука; 1984. 277 с.
13. Тимченко И.С. *Авторская колонка в современных СМИ*. СПб.: Филологический ф-т СПбГУ; 2011. 172 с.

References

1. Dovlatov S. *Speech without a reason*. St. Petersburg: Makhaon; 2006. 432 p. (In Russ.)
2. Dovlatov S. *Collected works: in 4 volumes* / Comp. A. Aryev. SPb.: Abc-classics; 2005. Vol. 2. 576 p. (In Russ.)
3. Beloglazova E.V. *Discursive heterogeneity of literature for children: cognitive and linguistic-pragmatic aspects*: diss. D. philol.n. SPb; 2010. 400 p. (In Russ.)

4. Tkacheva E.V. Syntactic organization of the text in S. Dovlatov's journalism as a means of creating a conversational effect. *Lime universities. The North Caucasus region. Social sciences*. 2013; (2): 115–119. (In Russ.)
5. Dobrycheva A.A. Features of the syntactic organization of Sergei Dovlatov's prose. *Bulletin of Cherepovets State University*. 2011; 4(1): 57–60.
6. Chernyavskaya V.E. *Linguistics of text: Polycode, intertextuality, interdiscursivity*. M.: Book House “LIBROCOM”; 2009. 248 p. (In Russ.)
7. Beloglazova E.V. Polydiscursiveness as an addressable characteristic of the text. *Siberian Philological Journal*. 2009; 2:187–194. (In Russ.)
8. Shchirova I.A., Goncharova E. A. *The multidimensionality of the text: understanding and interpretation*. St. Petersburg: LLC “Book House”; 2007. 472 p. (In Russ.)
9. Andreeva V.A. *Literary narrative: discourse and text*. St. Petersburg: Norm; 2006. 183 p. (In Russ.)
10. Klushina N.I. Journalistic text in a new system of stylistic coordinates. *The language of mass media as an object of inter-disciplinary research*. Materials of the II International Scientific Conference on February 14-16, 2008. Moscow: Faculty of Philology of Lomonosov Moscow State University, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences; 2008. pp. 290–292. (In Russ.)
11. Ivanova I.P. *Stylistic characteristics of publicistic discourse*. Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/stilevye-harakteristiki-publitsisticheskogo-diskursa/viewer> [accessed 12.08.2022]. (In Russ.)
12. Tarasov E.F., Sorokin Yu.A., Bgazhnokov B.H. Mass communication as social communication (radio and television). *Language and mass communication. Sociolinguistic research*. Moscow: Nauka; 1984. 277 p. (In Russ.)
13. Timchenko I S. *Author's column in modern mass media*. St. Petersburg: Philological Faculty of St. Petersburg State University; 2011. 172 p. (In Russ.)

Авторпубликации

Бобыкина Екатерина Николаевна –
старший преподаватель
Марийский государственный университет
Йошкар-Ола, Россия
Email: katbobykina777@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-0846-5561>

**Раскрытие информации о конфликте
интересов**

Автор заявляет об отсутствии
конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 09.01.2023
Одобрена после рецензирования: 20.02.2023
Принята к публикации: 28.02.2023

Автор прочитал и одобрил окончательный ва-
риант рукописи.

Информация о рецензировании

«Казанский лингвистический журнал» благо-
дарит анонимного рецензента (рецензентов)
за их вклад в рецензирование этой работы.

Author of the publication

Bobykina Ekaterina Nikolaevna –
senior lecturer
Mari State University
Yoshkar-Ola, Russia
E-mail: katbobykina777@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-0846-5561>

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of
interest.

Article info

Submitted: 09.01.2023
Approved after peer reviewing: 20.02.2023
Accepted for publication: 28.02.2023

The author has read and approved the final manu-
script.

Peer review info

Kazan Linguistic Journal thanks the anonymous re-
viewer(s) for their contribution to the peer review of
this work.

**ФИЛОЛОГИЯ. РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА И ЛИТЕРАТУРА НАРОДОВ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**
**PHILOLOGY. RUSSIAN LITERATURE AND LITERATURE OF THE
PEOPLES OF THE RUSSIAN FEDERATION**

Научная статья
УДК 82.09

Филологические науки
<https://doi.org/10.26907/2658-3321.2023.6.1.36-46>

СМЕРТЬ-УХОД В ЗЕРКАЛЕ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XI–XXI ВЕКОВ
Н.Г. Махинина¹, Л.Х. Насрутдинова²

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия

¹mahinin@rambler.ru, <http://orcid.org/0000-0003-3239-2726>

²Lilija_nasrutdin@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0002-5406-7636>

Аннотация. В статье исследуется, как традиционные для русской средневековой ментальности представления о смерти-уходе трансформируются в литературе второй половины XX – начала XXI века, что позволяет обозначить изменения в современном общественном сознании. В статье выявляется, что образ смерти-ухода характерен для древнерусской, в частности житийной традиции, основывающейся на идеях православия. Продолженная в литературе XIX века, эта традиция актуализируется далее в середине XX века, в творчестве писателей, переживших Вторую мировую войну, в частности Ю. Казакова, в сознании которого происходит борьба противоположных представлений о смерти. Осмысленное принятие смерти становится характерным для писателей, представляющих линию деревенской прозы второй половины XX века. Усиление натуралистических и постмодернистских тенденций в литературе конца XX века лишает образ смерти ореола сакральности. Однако наряду с этим присутствует возвращение к житийной традиции, например, в прозе М. Палей, в рамках которой смерть-уход вновь предстает как мерило нравственной оценки героев. Материалы статьи могут быть полезными в теоретическом аспекте: для дальнейшей разработки методов междисциплинарного анализа сущностных феноменов человеческого бытия.

Ключевые слова: танатология; образ смерти-ухода; древнерусская литература; русская литература XX–XXI веков; «деревенская проза»; «натуралистический реализм»; постмодернизм

Для цитирования: Махинина Н.Г., Насрутдинова Л.Х. Смерть-уход в зеркале русской литературы XI–XXI веков. *Казанский лингвистический журнал*. 2023;6(1): 36–46. <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2023.6.1.36-46>

Original article

Philology studies
<https://doi.org/10.26907/2658-3321.2023.6.1.36-46>

**DEATH AS “DEPARTURE” IN RUSSIAN LITERATURE OF THE XI–XXI
CENTURIES**

N.G. Makhinina¹, L.H. Nasrutdinova²

Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russia

¹mahinin@rambler.ru, <http://orcid.org/0000-0003-3239-2726>

²Lilija_nasrutdin@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0002-5406-7636>

Abstract. The article examines how the idea of death as “departure”, being typical for the Russian medieval mentality, was transformed in Russian literature of the second half of the XX – beginning of the XXI century. It allows us to identify changes in modern public consciousness. The article reveals that the idea of death as “departure” is characteristic of the Old Russian literature, and, in particular, of the hagiographic tradition based on the ideas of Orthodoxy. Continued in the literature of the XIX century, this tradition gained newfound relevance in the middle of the XX cen-

ture in the works of authors who survived the Second World War, in particular, Y. Kazakov, in whose mind there is a struggle of opposing ideas about death. A meaningful acceptance of death is distinctive for the authors representing so-called “village” prose of the second half of the XX century. The strengthening of naturalistic and postmodern trends in the literature of the late XX century deprives the image of death of the aura of sacredness. However, along with this, there is a return to the hagiographic tradition, for example, in the prose of M. Paley, in which death as “departure” appears as a measure of the moral assessment of characters again. The article can be useful in the theoretical aspect for further development of methods of interdisciplinary analysis of essential phenomena of human existence.

Keywords: thanatology; the idea of death as “departure”; Old Russian literature; Russian literature of the XX–XXI centuries; “village” prose; “naturalistic realism”; postmodernism

For citation: Makhinina N.G., Nasrutdinova L.H. Death-departure in the Mirror of Russian Literature of the XI–XXI centuries. *Kazan Linguistic Journal*. 2023;6(1): 36–46. <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2023.6.1.36-46>

В числе причин, оказывающих влияние на процесс переосмысления феномена смерти сегодня, можно обозначить трансформацию характера религиозности, которая перерастает в мистическую настроенность, не определяющую мышление и поведение человека; изменение количественного соотношения поколений, выразившееся в «постарении» населения Земли; усложнившиеся взаимоотношения между индивидуальным и массовым сознанием человека.

Эволюция идеи смерти в общественном сознании находит отражение в том числе и в литературе. Р.Л. Красильников, в статьях, диссертации и монографии которого многосторонне исследуется этот аспект, справедливо указывает: «Художественная литература является одним из основных источников танатологической информации; <...> она позволяет услышать отголоски танатологического опыта прошлых поколений, примерить на себя различные модели отношения к смерти и потустороннему миру» [1, с. 5–6].

В русской культурной традиции сложилось два типа отношения к смерти. Первый тип глубоко укоренен в православии, отстаивавшем идею воскресения человека после Страшного Суда. Она предполагала не только то, что подлинная жизнь христианина впереди, в загробном мире, но и религиозное освящение мирской жизни. Вторая линия размышлений о смерти – акцентирование в ней трагического начала, связанное с поисками смысла земного существования уникальной человеческой жизни, исчезновение которой не восполняется бес-

смертием безличной души. В статье К.Г. Исупова «Русская философия смерти (XVIII–XX вв.)» первый тип отношения к смерти связывается с творчеством А.С. Пушкина и Л.Н. Толстого, размышлявших о «религии смерти», являющейся необходимым условием нравственной жизни. Воплощением трагического восприятия смерти, по его мнению, становятся произведения Ф.И. Тютчева и Ф.М. Достоевского [2, с. 106].

Описание смерти или поведения человека в момент смерти являлись в древнерусской литературе одним из важнейших принципов его изображения, потому как отношение к ней было мерилom человеческой личности. Наиболее интересной для рассмотрения представляется форма описания смерти, которую мы условно обозначаем как «уход» и которая является наиболее органичной для житийного текста в его каноническом варианте. Как правило, для смерти-«ухода» характерно предвидение даты смерти, сознательная подготовка к ней и подробное описание перехода из одного состояния в другое. Но главное – это спокойное и радостное принятие смерти человеком, исполнившим своё земное предназначение.

В XX веке усиливается трагический акцент в осмыслении смерти, поэтому ее восприятие включает в себя сопряжение образов смерти-ухода и смерти-катастрофы.

Такое сопряжение проявляется, например, в творчестве Ю.П. Казакова. Военное детство, казалось бы, должно было сформировать тяготение писателя к осмыслению смерти в ее катастрофической сущности. И действительно, именно так интерпретируется этот образ в раннем незавершенном рассказе конца 1950-х годов с символическим названием «Пропась», в котором счастье внезапной влюбленности должно быть разрушено вмешательством смерти. Однако в другом раннем произведении Ю. Казакова «Смерть, где жало твое?» смертельно заболевший герой задумывается об истинном смысле человеческого бытия именно в ракурсе общего существования людей. Фабульная ситуация рассказа, с одной стороны, во многом ориентирована на традиционный для рус-

ской ментальности православно-этический характер осмысления жизни человека как «школы смерти». Однако само название – измененная строка из ветхозаветной книги Пророка Осии, в которой говорится о преодолении смерти, – свидетельствует о том, что писатель обозначает вектор размышлений о смерти, ставший характерным в этот период для определенной части общества. Это восприятие смерти через призму существования человечества в целом.

В рассказе «Во сне ты горько плакал» в трагических раздумьях о последнем пределе человеческого существования причины возникающих время от времени «надломов» (появление чувства страха смерти и бессмысленности жизни) повествователь усматривает в изначальной «надломленности» сознания еще в поре нежного младенчества. Две контрастные темы – гармония младенчества и дисгармония взрослой жизни в рассказе – сложно взаимодействуют между собой, утверждая своеобразное «равенство» жизни и смерти. Воспоминания о самоубийстве друга чередуются с описаниями эпизодов чудесной прогулки отца с маленьким сыном. И только в финале горький внешне беспричинный плач ребенка во сне «соединяет» в сознании рассказчика два этих начала. Таким образом, здесь вновь акцентируется не столько глубоко личностное переживание смерти как подготовки к некоему иному уровню существования, сколько идея необходимости размышления о ней. Обнаруживается стремление Ю. Казакова осмыслить мир через призму так называемой «внутренней религиозности».

Представляется важным и тот факт, что осмысленное, «уважительное» отношение к смерти, как к своей собственной, так и другого человека, обнаруживается прежде всего в произведениях писателей-«деревенщиков».

Так, в рассказе В.М. Шукшина «Как помирал старик» умирающий, хотя и отказывается собороваться, тем не менее, предчувствуя свою скорую смерть, пытается подготовиться к ней надлежащим образом, чтобы не только самому достойно встретить ее, но и избавить от лишних хлопот своих близких. Старик переживает, что смерть настигла его зимой, когда будет сложно найти могиль-

щика. Он беспокоится, и о том, как его жена будет «доживать» без него, и о будущеммышленного внука.

Вообще в рассказах В.М. Шукшина смерть предстает как некая объединяющая и очистительная сила. Даже если умирающий уходит из жизни мучительно, как Ефим, герой рассказа «Заревой дождь», она словно стирает все прежние обиды, социальные и политические противоречия. Так, узнав о болезни односельчанина, под окно его палаты приходит Кирька, которого Ефим когда-то раскулачил и выслал из родных мест. Показательно, что Кирька приходит не позлорадствовать, он хочет понять человека, чьи поступки и их мотивы всегда были для него загадкой, и с удивлением отмечает, что если когда-то он и мечтал отомстить за свою сломанную судьбу, то теперь остается лишь сострадание и сожаление, что ему так и не суждено понять и узнать Ефима. Показательно, что после смерти односельчанина Кирька уходит от больницы, позабыв надеть снятую шапку, что символически подчеркивает сакральность свершившегося события. Более того, неожиданно пошел дождь, словно сама природа оплакивала усопшего. К тому же дождь в знаковые моменты человеческого существования считается добрым знаком.

В отличие от «деревенской прозы», в «городских повестях», написанных в тот же период, в 1970–1980-е годы, смерть утрачивает свою сакральность. Например, герой повести Ю.В. Трифонова «Обмен» Дмитриев, присутствуя на панихиде, неожиданно обнаруживает, что не способен полностью проникнуться духом происходящего события: его мысли постоянно возвращаются к оставленному в гардеробе портфелю, в котором лежат дефицитные консервы. Показательно, что он беспокоится за сохранность консервов, стоя у гроба деда, который много сделал для того, чтобы воспитать его достойным человеком, и которого Дмитриев, по его собственному признанию, искренно любил.

Подобные эпизоды позволяют сделать вывод не только о дегуманизации общественного сознания к концу XX века, но и о трансформации отношения к смерти и семантического наполнения этого события. В прозе же конца XX –

начала XXI веков смерть окончательно утрачивает ореол сакральности и зачастую предстает как обыденное событие, едва ли не как зрелище.

Например, в «сабуровской трилогии» А.М. Мелихова изображены две ситуации, когда смерть отдельного человека волей случая выносится на публичное обозрение. В романе «Так говорил Сабуров» широкий резонанс получает трагическая гибель одинокого старика, принимавшего ванну, в то время как загорелась его обширная библиотека. Если Андрей Сабуров приходит на пепелище, поскольку воспринимает это событие как нечто средневековое, размышляет о том, каким же должен был быть при жизни человек, который был «удостоен чести» сгореть на костре из собственных книг, то большинство любопытных было привлечено на пепелище слухами об антиквариате, которым была обставлена квартира чудаковатого старика.

В другом романе трилогии, «Горбатые атланты», внимание любопытных привлекает смерть человека, попытавшегося проникнуть в квартиру через балкон и сорвавшегося вниз. Этот эпизод увиден глазами Натальи Сабуровой, которая потрясена не столько зрелищем самой смерти, сколько всеобщим равнодушием. Конечно, ситуации, когда толпа воспринимает чужую смерть как возможность удовлетворения жажды зрелищ, нередки и в русской классической литературе. Вспомним, например, сцены смерти Мармеладова и Катерины Ивановны в романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание»: оба эти события происходят на оживленных улицах при большом скоплении зевак. Однако в контексте авторской позиции эти ситуации предстают как глубоко трагические, в современной же прозе душевная энтропия предстает как норма человеческого существования. И в романе А.М. Мелихова своеобразным портретом этого обездушенного мира становится девочка-подросток, ласково трущая щекой о головку кошечки, сидящей на ее плече, и взвешивающая при этом на разбрызганные по крышке канализационного люка мозги.

Схожую ситуацию можно обнаружить и в творчестве другого современного автора – А.В. Дмитриева. Так, в повести «Воскобоев и Елизавета» главная

героиня после трагической гибели мужа, гораздо больше обеспокоена необходимостью срочно починить взорванную им входную дверь, чем организацией похорон. В другой повести А.В. Дмитриева, «Крестьянин и тинейджер» в качестве замечательного средства для лечения язв на ногах называется мыло, которым недавно обмывали покойника.

Таким образом, в современной прозе смерть превращается не просто в обыденное, а в утилитарное событие. В связи с этим уместно обратить внимание на то, в какую словесную форму облакает свое размышление о жилищной ситуации в семье повествовательница в повести М.А. Палей «Евгеша и Аннушка»: «Нарушен естественный порядок смены поколений, старые деревья губят подлесок, подлесок губит старые деревья<...>. Кто-то должен выбыть из этого противоестественного симбиоза...» [3, с. 112]. Сухая, естественнонаучная лексика подчеркивает будничность отношения к смерти. А в романе Ю.Е. Ряшенцева «В Маковниках. И больше нигде» сидящие у подъезда старушки обсуждают, что лучше: сжигаться или закапываться.

Возможно, причиной десакрализации пограничных ситуаций в жизни человека становится актуализация натуралистических тенденций в литературе и, шире, искусстве конца XX века, ведь в контексте физиологического подхода к человеческому существованию смерть предстает не как исключительное событие, а как одно из проявлений жизнедеятельности любого живого организма.

Отметим, что в числе авторов, принадлежащих к течению «натуралистический реализм», немало молодых людей, участвовавших в боевых действиях. Можно предположить, что сцены массового уничтожения наложили отпечаток на мировидение и мировосприятие этих авторов.

Например, в романе О.Н. Ермакова «Знак зверя» герой, благодаря своим незаурядным математическим способностям ставший на войне корректировщиком артиллерийского орудия, находит изощренное удовольствие в том, что от него зависят жизни и смерти других людей. Символично, что его позывной, изначально образованный как сокращение его фамилии, Черепанов, – «Череп» –

постепенно становится отражением его сущности. В финале романа герой способен, не задумываясь, стрелять в новобранцев, в ужасе бегущих с поля боя. Более того, он убивает и своего друга детства, названного брата, лишь за то что он считает эту ситуацию противоестественной.

Кощунственное отношение к смерти особенно очевидно в произведениях, обращенных к исследованию жизни вне войны. Так, кульминацией романа О.О. Павлова «Казенная сказка» становится смерть коменданта Хабарова, которого его подчиненные, ожидающие денежного довольствия, силой заставили идти в соседний город в сильный буран. В данном случае ужасна не столько бессмысленная смерть, сколько отношение к ней: длительного отсутствия Хабарова никто и не заметил, опомнились только тогда, когда посылку все же привезли, а коменданта не оказалось. Причем испугались его подчиненные не за Хабарова, а того, что деньги им без него не выдадут. Апофеозом жестокости становится сцена транспортировки мертвого тела: его затолкали в деревянную бочку и покатали по земле, потому что так легче, чем нести на руках, а транспорт по снежным заносам не пройдет.

Еще одной причиной десакрализации ситуации смерти в прозе конца XX – начала XXI веков можно считать тот факт, что современное искусство существует в ситуации постмодерна, для которого, с одной стороны, характерен релятивизм, сомнение в существовании каких бы то ни было ценностей, с другой – провозглашение смерти героя (и автора) автоматически снимает и проблему бытия / небытия как таковую.

В современной прозе «размывается» граница между жизнью и смертью. Во-первых, герои, не обретя достойной цели существования, нередко задумываются о возможности самоубийства или даже совершают его, как Наследник Сабурова-старшего в романе А.М. Мелихова «Так говорил Сабуров». Во-вторых, обессмысленное существование оборачивается духовной и интеллектуальной смертью, превращаются в некий «вечный сон», в ритуализированное бытие; это, например, происходит с Сабуровым-младшим в романе А.М. Мели-

хова «Горбатые атланты». В-третьих, в современной прозе нередки ситуации, когда уже умершие герои возвращаются в мир живых (подробнее об этом смотри: [4]). В результате сама ситуация смерти утрачивает свою определенность и однозначность, ее проявления усматриваются даже в самых безобидных жизненных реалиях.

Отметим, что, несмотря на буднично-циничное отношение к смерти, возможность собственного «ухода» все же страшит героев современной прозы. Причем страх смерти принимает порой причудливые формы: например, героиня повести М.А. Палей «Поминование» с детства испытывала неприязнь к имени Клава, в котором ей чудилось «квакающее позевывание черепа» [3, с. 40].

Современные авторы выводят на страницах своих произведений и героев, для которых свойственно спокойно-умиротворенное христианское отношение к собственному уходу. Так, в повести М.А. Палей «Евгеша и Аннушка» одна из соседок главной героини по коммунальной квартире начала постепенно отстраняться от суетности обыденной жизни задолго до своей смерти. Для Аннушки важно не омрачить последние дни своего жизненного пути мелочными заботами о себе, о своем теле. Таким образом, она в определенной степени приближается к модели поведения, характерной для героев древнерусской литературы, к их сознательной аскезе. Показательно, что после смерти Аннушки повествовательница называет ее праведницей.

Еще более ощутимы переключки с ценностно-смысловой и сюжетно-мотивной структурой житийных произведений в романах А.М. Мелихова «Так говорил Сабуров» и А.В. Дмитриева «Крестьянин и тинейджер». Для героев обоих произведений характерно сознательное отстранение от типичного для их времени образа жизни. Сабуров, дворянин по происхождению, посвящает свою жизнь обустройству существования бывших каторжников. Панюкова же сельские жители считают чуть ли не юродивым, поскольку он не пьет и не курит, не стремится к материальному обогащению. Обоим героям свойственно и своеобразное отшельничество: Панюков всю свою жизнь прожил на выселках, ничуть

не тяготясь одиночеством, а Сабуров строит свой утопический мир на острове посреди океана. Интересно также, что Панюков воспитан матерью по канонам старообрядцев, что, вкупе с мучающим его нестерпимым зудом в ногах, заставляет вспомнить о протопопе Аввакуме. Переключки с житием опального протопопа можно обнаружить и в романе «Так говорил Сабуров»: главный герой, увлекшись работой, часто не замечал, что его ступни кусают мелкие рачки. Особость этих героев проявляется и в том, что они четко осознают, в чем заключался смысл их существования, а потому готовы принять смерть без страха и ропота.

Итак, на протяжении десяти столетий существования русской литературы обращение к ситуации смерти позволяло авторам увидеть истинную сущность человека и оценить значимость его существования. Возможность рассмотрения искусства как репрезентации общественного сознания позволяет утверждать, что трансформация мотива смерти в литературе второй половины XX – начала XXI века обусловлена не только утратой христианских ценностей, но и дегуманизацией человечества в целом, непониманием истинного смысла человеческого существования.

Список литературы

1. Красильников Р.Л. *Танатологические мотивы в художественной литературе*: дис. ... докт. филол. наук. М.; 2011.
2. Исупов К.Г. Русская философская танатология. *Вопросы философии*. 1994; 3: 104–116.
3. Палей М. *Месторождение ветра: Повести и рассказы*. СПб.: Лимбус Пресс; 1998.
4. Насрутдинова Л.Х. *Между реализмом и постмодернизмом: Переходные явления в русской прозе конца XX века*. Казань: Казанский государственный университет; 2010.

References

1. Krasilnikov R.L. *Thanatological motives in fiction*: dis. ... doct. philol. sciences. M.; 2011. (In Russ.)
2. Isupov K.G. Russian philosophical thanatology. *Questions of Philosophy*. 1994; 3:104–116. (In Russ.)
3. Paley M. *Wind Deposit: Novellas and Stories*. SPb: Limbus Press; 1998. (In Russ.)
4. Nasrutdinova L.H. *Between Realism and Postmodernism: Transitional phenomena in Russian prose of the late twentieth century*. Kazan: Kazanskij gosudarstvennyj universitet; 2010. (In Russ.)

Авто публикации

Махинина Наталья Георгиевна –
кандидат филологических наук, доцент
Казанский федеральный университет
Казань, Россия

Email: mahinin@rambler.ru
<http://orcid.org/0000-0003-3239-2726>

Насрутдинова Лилия Харисовна –
кандидат филологических наук, доцент
Казанский федеральный университет
Казань, Россия

Email: Lilija_nasrutdin@mail.ru
<http://orcid.org/0000-0002-5406-7636>

**Раскрытие информации о конфликте
интересов**

Автор заявляет об отсутствии
конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 17.11.2022
Одобрена после рецензирования: 20.02.2023
Принята к публикации: 28.02.2023

Автор прочитал и одобрил окончательный ва-
риант рукописи.

Информация о рецензировании

«Казанский лингвистический журнал» благо-
дарит анонимного рецензента (рецензентов)
за их вклад в рецензирование этой работы.

Author of the publication

Makhinina Natalia Georgievna
PhD in Philology, Associate Professor
Kazan Federal University
Kazan, Russia

Email: mahinin@rambler.ru
<http://orcid.org/0000-0003-3239-2726>

Nasrutdinova Lilia Harisovna –
PhD in Philology, Associate Professor
Kazan Federal University
Kazan, Russia

E-mail: Lilija_nasrutdin@mail.ru
<http://orcid.org/0000-0002-5406-7636>

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of
interest.

Article info

Submitted: 17.11.2022
Approved after peer reviewing: 20.02.2023
Accepted for publication: 28.02.2023

The author has read and approved the final manu-
script.

Peer review info

Kazan Linguistic Journal thanks the anonymous re-
viewer(s) for their contribution to the peer review of
this work.

**ФИЛОЛОГИЯ. РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА И ЛИТЕРАТУРА НАРОДОВ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**
**PHILOLOGY. RUSSIAN LITERATURE AND LITERATURE OF THE
PEOPLES OF THE RUSSIAN FEDERATION**

Научная статья
УДК 8.82'801.733

Филологические науки
<https://doi.org/10.26907/2658-3321.2023.6.1.47-57>

**ТОЛКОВАНИЕ РОМАНА «ЛЮБОВЬ» ЭЛИФ ШАФАК ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ
«НОВОЙ ЭСТЕТИКИ» МЕТАМОДЕРНИЗМА**

А.М. Нигматуллина¹, А.О. Вдовина²

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия

¹*alsunigmatullina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9502-5371>*

²*ashvdovina@mail.ru*

Аннотация. В статье предлагается новая структура чувства, названная ее создателями метамодернизмом, применяется к анализу романа Элиф Шафак «Любовь». Важным этапом нашего исследования являлось рассмотрение мирозерцания восточного суфийского мистика Джалаладдина Руми через его отражение в современной литературе. Так как большинство современных исследователей анализируют творчество Шафак в рамках постмодернизма, научная интерпретация романа ограничена понятийным аппаратом постмодерна, поэтому адаптация мировоззрения средневекового поэта определяется как «эксплуатация» наследия восточной культуры с целью популяризации романа. «Новая эстетика» метамодерна, по нашему мнению, может сформировать новое понимание романа в свете его восприятия в обществе. Информационное поле, существующее вокруг текста романа после его выхода, свидетельствует о высоко позитивном восприятии его публикой не только как мирового бестселлера, но и как текста, отсылающего к восточной мистике, суфийскому наследию и поучительной истории. Данное исследование нацелено на переоценку суфийских положений в романе с позиции современного прочтения. В статье доказывается, что Элиф Шафак пользуется отобранными суфийскими положениями и «метамодернизацией», легендаризацией, существующих исторических личностей, чтобы создать «новый миф» в плоскости метамодерна. В статье также анализируется гипертекстуальное поле романа.

Ключевые слова: метамодернизм; новая эстетика; гипертекстуальность; Элиф Шафак; Джалаладдин Руми

Для цитирования: Нигматуллина А.М., Вдовина А.О. Толкование романа «Любовь» Элиф Шафак через призму «новой эстетики» метамодернизма. *Казанский лингвистический журнал.* 2023;6(1): 47–57. <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2023.6.1.47-57>

Original article

Philology studies
<https://doi.org/10.26907/2658-3321.2023.6.1.47-57>

**INTERPRETATION OF THE NOVEL “LOVE” BY ELIF SHAFAK
THROUGH THE PRISM OF “A NEW AESTHETIC” OF METAMODERN**

A.M. Nigmatullina¹, A.O. Vdovina²

Kazan (Volga region) Federal University, Kazan, Russia

¹*alsunigmatullina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9502-5371>*

²*ashvdovina@mail.ru*

Abstract. In the article, a new structure of feeling, called by its creators metamodernism, is applied to the analysis of novel “Love” by Elif Shafak. An important stage of our research was the consideration of Melvina’s ideas through their reflection in modern literature. Since the majority of modern researchers explore Safak’s work within the framework of postmodernism, the scientific

interpretation of the novel is limited by the conceptual apparatus of postmodernism. Therefore, the adaptation of the medieval poet's ideas is defined as the "exploitation" of the heritage of Eastern culture in order to popularize the novel. The "new aesthetics" of the metamodern, in our opinion, can form a new understanding of the novel in the light of its perception in society. The information field created around the text of the novel after its release indicates a highly positive perception by the public not only as a world bestseller, but also as a text referring to Eastern mysticism, Sufi heritage and instructive history. This study is aimed at re-evaluating the Sufi positions in the novel from a new perspective, and identifying the possible positive effects of such a narrative on society. The article proves that Elif Shafak uses selected Sufi positions and "metamodernization", legendarization, of existing historical figures to create a "new myth" in the metamodern plane. In addition, we conducted an analysis of hypertextual space of the novel.

Keywords: metamodern; new aesthetic; hypertextuality; Elif Shafak; Jalal al-Din Rumi

For citation: Nigmatullina A.M., Vdovina A.O. Interpretation of the Novel "Love" by Elif Shafak through the Prism of "a New Aesthetic" of Metamodern. *Kazan Linguistic Journal*. 2023;6(1): 47–57. <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2023.6.1.47-57>

Феномен Руми¹ во многом является продуктом американского медиа-пространства, где массовая культура сформировала культ средневекового поэта. Однако в основе этого культа лежит упрощение исходных идей поэта-мистика. Амира Эль-Зейн вписывает этот феномен в рамки современного течения «неомистицизма», который упрощает древние религиозные течения под актуальные запросы общества [1, с. 73–75]. На волне популярности данного феномена в 2009 г. писательница Элиф Шафак публикует роман «Любовь» (с тур. «Aşk»), который некоторыми рассматривается в рамках описанного Аль-Зейн явления [2].

Согласно некоторым исследованиям, автор эксплуатировала оригинальные идеи Руми, чтобы удовлетворить запросы аудитории, живущей в условиях современной идеологии толерантности. Поэтому многие современные исследователи (Мухаммет Али Оздоган в Турции, Мария Репенкова в России) помещают роман Шафак и его адаптацию учения Руми в постмодернистский контекст [3; 4]. В романе Шафак действительно применяет такие постмодернистские элементы, как интертекстуальность, деконструкция и метапроза [3]. Но использование этих формальных приемов может быть рассмотрено в рамках совершенно новой системы эстетического оценивания – *метамодернизма*.

¹ Феномен Руми – принятое в западном научном сообществе обозначение популярности идей восточного средневекового поэта-мистика в западном медийном пространстве.

Идея метамодернизма была впервые предложена в 2010 году голландским философом Робинот ван ден Аккером и норвежским теоретиком медиа Тимотеусом Вермюленом в их статье «Заметки метамодернизма» [5]. Метамодерн возник в результате разочарования в пессимизме постмодерна и его громких лозунгах. Один из них провозглашал Конец истории [5]. Но, по утверждению теоретиков метамодерна, история человечества продолжает генерировать новые события, которые провоцируют саморефлексию и новые витки развития [5].

Постмодернизм отвергал наследие предыдущих эпох, но эстетике метамодерна необходимо «реконструировать» «миф», обращаясь к старым нарративам [6]. Для этого метамодернизм вынужден работать со сверхсмыслами, что было невозможно в условиях постмодерна, который провозглашал «смерть автора» [7, с. 72]. В метамодернизме разграничение «автор» и «читатель» перестает иметь смысл, потому что автор сливается со своим реципиентом. Бесконечный обмен «постами», «сторисами» и «мемами» в социальных сетях приводит к одному бесконечному осциллирующему феномену современного человека [7, с. 82].

Анализ романа Шафак в рамках постмодерна ограничивает методологический инструментарий исследователя и вынуждает его поддаваться иронии. Нам кажется перспективным попробовать исследовать роман, пользуясь некоторыми аспектами метода транстекстуальности, введенного Жераром Жетнеттом. Французский литературовед, представитель школы структурализма, вывел термин *транстекстуальности* [8, с. 18], чтобы определить связь одного текста с корпусом текстов, связанных с ним сетью развернутого комментария. Мы предлагаем воспользоваться введенным им термином *гипертекста* [8, с. 470]. Принимая под этим понятием совокупность всех текстов, связанных с оригинальным текстом, и расширяя понятие интертекстуальности, внося в него всю ту систему нелинейного текста, который формирует перцепцию произведения в медиа. Похожим приемом пользуется Панфилова в статье «Репрезентация художественного текста в англоязычном интервью-диалоге: гипертексто-

вый подход». Автор статьи экстраполирует понятие гипертекста на форму интервью-диалога в рамках литературной коммуникации [9]. Мы предполагаем, что среда литературного произведения или любого текста может формироваться под воздействием такого гипертекста.

Далее мы хотели бы привести в кратком изложении результаты анализа гипертекстового пространства романа «Любовь». В процессе анализа мы учитывали следующие тексты. Во-первых, текст самого романа и возможные смысловые гиперссылки. Во-вторых, пространство, созданное автором произведения Элиф Шафак (публичные заявления, интервью и т.д.). В-третьих, самое большое пространство вокруг любого современного произведения, по нашему мнению, формируется за счёт текстов, созданных получателями исходного текста (сюда мы включаем комментарии в сети интернет, рецензии).

Что касается внутренних гиперссылок в тексте романа, этот блок был подробно рассмотрен в исследовании одного из авторов данной статьи «Религиозно-философские мотивы в романе Элиф Шафак "Любовь"», где подробно были раскрыты все связи, использованные писательницей при написании романа. Текст произведения в первую очередь модифицирует традиционные восточные нарративы: в тексте романа упоминаются сюжеты восточных поэм «Юсуф и Зулейха», «Лейла и Меджнун», «Хосроф и Ширин», «Соловей и Роза», используются вставки из Корана [10, с. 53–55], элементы средневекового суфийского учения [10, с. 82–83].

Далее следует пространство, созданное самой Элиф Шафак. Нужно отметить, что писательница является активным пользователем интернета и развивает свои социальные сети. Литература является её основным инструментом донесения до аудитории необходимых ей идей. Но после написания произведений Элиф Шафак продолжает достраивать созданный в них «миф». Например, в интервью, данном популярной интернет-платформе GoodReads, Шафак заявляет, что все еще сильная тенденция в отношении ксенофобии поощряет предубеждения и клише между разными культурами и национальностями. Но с другой

стороны, увеличивающийся интерес к мистицизму может исправить ситуацию. Литература, по мнению писательницы, может выступить проводником к «трансцендированию из собственного Я», во что верят суфии [11]. Или в другом интервью сайту HighProfiles Элиф Шафак утверждает, что идея мистицизма заключается в отказе от внешних различий (внешний вид, культурные или религиозные предпочтения) [12]. На данных примерах мы можем увидеть пример достраивания писательницей пространства, уже существующего после выхода романа, ее собственными мыслями.

Не менее важным для нашего анализа мы считаем наличие читательского отклика на произведения. По нашему мнению, именно комментарии, рецензии, оставленные читателями в сети, формируют самую обширную часть околотекстового пространства произведения. Основываясь на этих текстах, пользователи интернета могут стать новыми читателями и потенциально увеличить гипертекстовое пространство. Масса читателей оказывается под воздействием уже существующего поля и формирует его новые витки. Мы можем привести несколько сценариев такого воздействия, основываясь на проанализированных нами комментариях. Один из таких сценариев предполагает наличие определенного культурного опыта. Читатели, выросшие в мусульманской культурной среде, оказываются втянутыми в информационное поле романа на основе своих культурных ценностей. Оставленные после них комментарии в основном увеличивают в околотекстовом поле содержание идей «толерантности», «космополитизма», «раздвигание культурных границ», «преодоления ксенофобии».

Для читателей без специальных знаний об исламе и суфизме может быть выделен другой сценарий. Пользователи интернета часто оставляют рецензии, в которых отмечают «необычность» и «глубину» повествования, добавленные суфийским нарративом в обычную историю о женщине, переживающей кризис среднего возраста [13]. Некоторые рецензенты отмечают интерес к дальнейшему изучению суфизма после прочтения романа [14].

Влияние интернет-пространства и гипертекстовых структур стало одной из самых значимых тем исследования в XXI вв. Поведение современного человека, потребителя культуры, в контексте новой реальности часто определяется уже высказанным мнением большинства в глобальной сети [15; 16]. Абсолютная истина современного человека выстраивается на его ощущениях от атмосферы реальных объектов, которые он может получить через экран смартфона от инфлюенсеров. «Современный человек находится между взаимодополняющими мирами действительности и виртуальности. Современное двоемирие создает целостное и неделимое культурное пространство метамодерна» [17]. Подобное «двоемирие» становится подходящим пространством для формирования информационных полей и гипертекстовых пространств, оказывающих влияние в реальном мире. Вполне естественно, что эта ситуация находит отражение и в искусстве. Современное виртуально-реальное пространство провоцирует искать новые ориентиры и «реконструировать» старые нарративы.

Мы предполагаем, что в романе «Любовь» традиционный для постмодерна метод метапрозы используется для реконструкции утраченных за период постмодерна ценностей восточного мистического течения – суфизма, и его центрального понятия любви как способа трансцендирования из реальности [18, с. 178], с помощью получившего большое распространение в поп-элементах последних лет приема включения мистических элементов (или, как этот прием называет Линда Цирилло, «мистицизм из вторых рук» [19, с. 200]). Далее мы подробно остановимся на процессе данной реконструкции и на том, как этот процесс может поменять восприятие романа.

Сюжетная линия романа Элиф Шафак разделяется на историю современной американской домохозяйки и историю жизни исторической личности – средневекового мистического лидера суфийского ордена Джалаладдина Руми. Жизнь Эллы (главной героини) – типичный пример жизни человека постмодерна. Ее окружает иллюзорная защищенность в виде «финансовой подушки» и уютного дома, а материальным благам придано значение жизни человека (за-

страхованный дом, машина и т.д.). С появлением в ее жизни Азиза и его истории о жизни Руми она переосмысляет свои ценности и жизненные принципы, выстраиваемые годами (например, материалистическое отношение к любви), с позиции суфийского учения и концепции Любви. Любовь в суфизме провозглашается центральным понятием и способна выступить проводником отношений человека и Абсолютной Истины [19, с. 178–198].

Мистическое включение, как утверждает Линдой Цирилло, которая исследует проявление мистицизма в современных реалиях метамодерна, является популярным приемом современной поп-индустрии кино и гораздо более привычной современному человеку форме киноискусства, сериалов [19, с. 209]. Цирилло высказывает предположение, что такой интерес к мистике может объясняться стремлением реципиентов культуры метамодерна к получению чувственного опыта, обесцененного периодом постмодерна [19, с. 208]. Но способность получить этот опыт, находясь в «виртуально-чувственном двоёмии», снимает необходимость реального опыта. Цирилло объясняет это через своеобразную интерпретацию понятия гетеротопия, введенного Мишелем Фуко [19, с. 210]. Под гетеротопией в отношении мистического нарратива Цирилло понимает идею о том, пространство мистического опыта одновременно видимо и иллюзорно. Это места, которые представляют собой одновременно реальное и мистическое противопоставление реального пространства.

Некоторые приёмы, описанные Цирилло, можно найти в прозе Шафак. Во-первых, нарратив Руми-Шамс коррелирует с бытовой и личной жизнью Эллы. Автор добивается того, что Линда Цирилло называет метамодернизацией [20, с. 211–212] мистических лидеров в современности. Она «приземляет» жизнь мистических лидеров до жизни обычного человека, делает ее понятной массовому читателю. Например, как и Элла, которая в начале повествования чувствует внутреннюю неудовлетворенность от комфортной жизни и повторяющейся рутины [20, с. 91–92], Руми ощущает «внутри себя пустоту, которая с каждым днем становится все тягостнее» [20, с. 132]. Но постепенно оба персо-

нажа «перестраивают» свой быт и ощущения: Элла отказывается от благ «американской мечты», чтобы почувствовать Любовь. Руми также вступает в конфликт с существующими социальными правилами, чтобы защитить свои теплые чувства к Шамсу.

Во-вторых, Элиф Шафак применяет сложные для понимания религиозно-философские категории суфизма на конкретных бытовых ситуациях из жизни. Например, религиозный монизм (крайне абстрактное понятие для бытовой беседы) применяется Шафак не для описания Божественной истины (с метамодернистской позиции в классических эпохах Истина доминировала над субъектом [18]), а для решения конкретных человеческих проблем (и проблемы индивида доминируют над любыми религиозными и идеологическими аспектами). В романе суфийский монизм сводится к мысли, что единение всего Сущего в мире должно приводить к размытию национальных и идеологических границ. *«Подними все завесы, разделяющие нас, ибо ты сможешь воссоединиться с Богом только в чистой любви. Пусть у тебя будут свои правила, но пусть эти правила не исключают других, не судят их...»*². [20, с. 305]

В-третьих, религиозно-философские идеи Руми выступают теоретической поддержкой культурных ценностей современной эпохи. Идеи равенства всех национальностей, религий, а также предоставление женщинам заслуженных прав гиперболизируются в романе. Например, показателен фрагмент, где Шамс оправдывает стремление Керры, жены Руми и бывшей христианки, найти успокоение в молитве Богородице, не смотря на ее переход в ислам [20, с. 365]. Более того, в некоторых фрагментах читатель может решить, что именно толерантность является главной особенностью поэзии Руми. В действительности Руми обращается к этой мысли достаточно редко, потому что, как любой средневековый восточный автор, он был ограничен рамками господствующей религии [18, с. 19–20, с. 174–175]. Пользуясь приемами гиперболизации, Элиф Шафак реконструирует «новый миф» средневекового мистика, который нельзя

² Перевод выполнен авторами статьи.

назвать действительным обращением к поэзии и убеждениям Руми, но который может послужить способом реагирования на современные реалии.

Анализируя роман Шафак, мы пришли к выводу, что его можно оценить с точки зрения новой эстетики. Прибегнув к гипертекстуальному анализу романа, можно выявить след, оставленный произведением в виртуально-реальном поле, являющимся современной действительностью человека метамодерна. Кроме того, в романе заметны попытки «реконструкции» древнего религиозно-философского нарратива.

Список литературы

1. El-Zein A. Spiritual Consumption in the United States: The Rumi phenomenon. *Islam and Christian-Muslim Relations*. 2000; (1): 72–85.
2. Furlanetto E. The 'Rumi Phenomenon' Between Orientalism and Cosmopolitanism the Case of Elif Shafak's The Forty Rules of Love. *European Journal of English Studies*. 2013; (17:2): 201–213.
3. Özdoğan M.A. *Çağdaş Türk Romanında Mevlana'nın Postmodern Bir Tüketim Unsuru Olarak Kullanılması*. Yüksek Lisans Tezi. Antalya; 2017. (На тур. яз.).
4. Репенкова М.М. Романы Элиф Шафак как пример структурированного повествования. *Вестник Московского университета*. 2014, (1). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/romany-elif-shafak-kak-primer-strukturirovannogo-povestvovaniya> [дата обращения: 03.07.2022].
5. Vermeulen T., van den Akker R. Notes on metamodernism. *Journal of Aesthetics and Culture*. 2010; (1). URL: <https://metamodernizm.ru/notes-on-metamodernizm/> [дата обращения: 04.07.2022].
6. Freinacht H. *You're not metamodern before you understand this. Part 2: Proto-Synthesis*. URL: <https://metamodernizm.ru/you-are-not-metamodern-part-2/> [дата обращения: 03.07.2022].
7. Хрущева Н. *Метамодерн в музыке и вокруг нее*. М.: РИПОЛ Классик; 2020.
8. Женетт Ж. *Фигуры. В 2-х томах*. М.: Изд.-во им. Сабашниковых; 1998.
9. Панфилова С.С. Репрезентация художественного текста в англоязычном интервью-диалоге: гипертекстовый подход. *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2012; (6): 112–116.
10. Вдовина А.О. *Религиозно-философские мотивы в романе Элиф Шафак «Любовь»*. Выпускная квалификационная работа. Казань; 2021.
11. Interview with Elif Shafak. Posted by Goodreads on February 8, 2010. URL: https://www.goodreads.com/interviews/show/469.Elif_Shafak [дата обращения: 04.07.2022].
12. Into connection. Elif Shafak. URL: <https://highprofiles.info/interview/elif-shafak/>[дата обращения: 04.07.2022].
13. Книги судьбы: «40 правил любви» Элиф Шафак [комментарий в интернет-сообществе LiveJournal]. URL: <https://nastavnica.by/knigi-sud-by-40-pravil-lyubvi-e-lif-shafak/>[дата обращения: 04.07.2022].
14. 40 правил любви от Элиф Шафак [комментарий в интернет-сообществе LiveJournal]. URL: <https://viktoriya-angel.livejournal.com/56364.html>[дата обращения: 04.07.2022].
15. Волосников Р.А. Влияние социальных медиа на формирование и функционирование общественного мнения. *Социологический альманах*. 2019; (10): 82–90.

16. Рукина Н.А. Информационное воздействие на общественное мнение: теоретические подходы. *Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология*. 2015; (1): 245–256.
17. Молодцов Е. От иронии к искренности или от постмодернизма к метамодернизму. URL: <https://emolodtsov.com/metamodern> [дата обращения: 03.07.2022].
18. Джавелидзе Э.Д. *У истоков турецкой литературы. Джелальед-Дин Руми (вопросы мировоззрения)*. Тбилиси: Мецниереба; 1979.
19. Ceriello L. Toward a Metamodern Reading of Spiritual but Not Religious Mysticisms. *Being Spiritual but Not Religious: Past, Present, Future(s). ch. ed.* William B. Parsons. Routledge Press; 2018.
20. Şafak E. *Aşk [Love]* / çev. Kadir Yiğit Us. İstanbul: Doğan Kitap; 2009. 432 s. (На тур. яз.).

References

1. El-Zein A. Spiritual Consumption in the United States: The Rumi phenomenon. *Islam and Christian-Muslim Relations*. 2000; (1): 72–85. (In Eng.)
2. Furlanetto E. The ‘Rumi Phenomenon’ Between Orientalism and Cosmopolitanism the Case of Elif Shafak’s the Forty Rules of Love. *European Journal of English Studies*. 2013; (2): 201–213. (In Eng.)
3. Özdoğan M.A. *Çağdaş Türk Romanında Mevlana’nın Postmodern Bir Tüketim Unsuru Olarak Kullanılması*. Yüksek Lisans Tezi. Antalya; 2017. (In Turk.).
4. Repenkova M.M. Novels of Elif Shafak as an example of structural narration. *Herald of Moscow university*. Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/romany-elif-shafak-kak-primer-strukturirovannogo-povestvovaniya> [accessed 03.07.2022]. (In Russ.)
5. Vermeulen T., van den Akker R. Notes on metamodernism. *Journal of Aesthetics and Culture*. 2010; (1). Available from: <https://metamodernizm.ru/notes-on-metamodernism/> [accessed 04.07.2022].
6. Freinacht H. You’re not metamodern before you understand this. Part 2: Proto-Synthesis. Available from: <https://metamodernizm.ru/you-are-not-metamodern-part-2/> [accessed 03.07.2022]. (In Eng.)
7. Khruscheva N. *Metamodern in the music and around it*. M.: RIPOL Classic; 2020. (In Russ).
8. Genette G. *Figures*. In 2 volumes. M.: Izd.-vo im. Sabashnikovyh; 1998. (In Russ).
9. Panfilova S.S. Representation of Fictional Work at English-speaking Interview-Dialogue: Hupertextual Method. *Literary Studies. Theory and Practice Issues*. 2012; (6): 112–116. (In Russ).
10. Vdovina A.O. *Religious and Philosophical Tropes of the novel Love by Elif Shafak*. Graduation Thesis. Kazan; 2021. (In Russ).
11. Interview with Elif Shafak. Posted by Goodreads on February 8, 2010. Available from: https://www.goodreads.com/interviews/show/469.Elif_Shafak [accessed 04.07.2022]
12. Into connection. Elif Shafak. Available from: <https://highprofiles.info/interview/elif-shafak/> [accessed 04.07.2022]
13. Books of Fate: “The Forty Rules of Love” by Elif Shafak [comment in the virtual community Live Journal]. Available from: <https://nastavnica.by/knigi-sud-by-40-pravil-lyubvi-e-lif-shafak/> [accessed 04.07.2022]. (In Russ).
14. “The Forty Rules of Love” by Elif Shafak [comment in the virtual community Live Journal]. Available from: <https://viktoriya-angel.livejournal.com/56364.html> [accessed 04.07.2022]. (In Russ).
15. Volosnikov R.A. Influence of Social Media on Formation and Functioning of Public Opinion. *Sociological Almanac*. 2019; (10): 82–90. (In Russ).
16. Rukina N.A. Information Influence on Public Opinion: theoretical approach. *Herald of Moscow State University. Issue 18. Sociology and politology*. 2015; (1): 245–256. (In Russ).

17. Molodtsov E. From irony to sincerity or from postmodernism to metamodernism. Available from: <https://emolodtsov.com/metamodern> [accessed 03.07.2022]. (In Russ).
18. Javelidze E.D. *At the origins of turkish literature. Jelal al-Din Rumi (outlook issues)*. Tbilisi: Metsniereba; 1979. (In Russ).
19. Ceriello L. Toward a Metamodern Reading of Spiritual but Not Religious Mysticisms. *Being Spiritual but Not Religious: Past, Present, Future(s)*. ch. ed. William B. Parsons. Routledge Press; 2018. (In Eng.)
20. Şafak E. *Aşk [Love]* / çev. Kadir Yiğit Us. İstanbul: Doğan Kitap, 2009. 432 s. (In Turk.).

Авторпубликации

Нигматуллина Алсу Мансуровна –
кандидат филологических наук, доцент
Казанский федеральный университет
Казань, Россия

Email: alsunigmatullina@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0001-9502-5371>

Вдовина Анастасия Олеговна –
магистрантка
Казанский федеральный университет
Казань, Россия
Email: ashvdovina@mail.ru

**Раскрытие информации о конфликте
интересов**

Автор заявляет об отсутствии
конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 20.09.2022
Одобрена после рецензирования: 20.02.2023
Принята к публикации: 28.02.2023

Автор прочитал и одобрил окончательный ва-
риант рукописи.

Информация о рецензировании

«Казанский лингвистический журнал» благо-
дарит анонимного рецензента (рецензентов)
за их вклад в рецензирование этой работы.

Author of the publication

Nigmatullina Alsu Mansurovna –
PhD in Philology, Associate Professor
Kazan Federal University
Kazan, Russia

Email: alsunigmatullina@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0001-9502-5371>

Vdovina Anastasiya Olegovna –
master's student
Kazan Federal University
Kazan, Russia
Email: ashvdovina@mail.ru

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of
interest.

Article info

Submitted: 20.09.2022
Approved after peer reviewing: 20.02.2023
Accepted for publication: 28.02.2023

The author has read and approved the final manu-
script.

Peer review info

Kazan Linguistic Journal thanks the anonymous re-
viewer(s) for their contribution to the peer review of
this work.

ФИЛОЛОГИЯ. ЛИТЕРАТУРЫ НАРОДОВ МИРА
PHILOLOGY. LITERATURE OF THE PEOPLES OF THE WORLD

Научная статья
УДК 82-2+792

Филологические науки
<https://doi.org/10.26907/2658-3321.2023.6.1.58-68>

**ТЕМА ИММИГРАЦИИ В НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОЙ
ДОКУМЕНТАЛЬНОЙ ДРАМАТУРГИИ (НА ПРИМЕРЕ ПЬЕСЫ
М. ОБЕКСЕР «НЕЛЕГАЛЬНАЯ ПОМОЩЬ»)**

А.Р. Лисенко¹, А.А. Абдрахманова²

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия

¹anzhela.amirova@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-3994-7106>

²z.aliya@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9453-8981>

Аннотация. Тема мигрантов в Европе в целом и в Германии в частности актуальна в последние несколько лет как никогда. Большое количество авторов-мигрантов в разных поколениях ставят во главу угла своего творчества эту проблему, что объяснимо. Однако среди авторов-уроженцев ЕС она является своего рода табу. Интересно, что если они и обращаются к теме миграции, то рассматривают ее не с точки зрения проблем самих мигрантов, а с точки зрения отношения к ним европейцев. Так, писательница Макси Обексер строит свою документальную пьесу «Нелегальная помощь» из интервью с австрийцами, швейцарцами и немцами, которые помогают беженцам, что представляется проявлением гуманности. Герои пьесы оказывают помощь из различных побуждений, при этом сами нарушают закон. Оказывается, помощь нелегальным мигрантам важна не сама по себе, а как некое проявление протеста по отношению к государству. Кроме того, важной становится тема нацизма. Герои пьесы проводят параллель с прошлым Европы, когда многим европейцам приходилось скрываться от властей. Использованная автором техника вербатим отсылает читателя к немецкой послевоенной документальной драме.

Ключевые слова: европейская драматургия; документальная драма; нелегальная миграция; беженцы; Обексер

Для цитирования: Лисенко А.Р., Абдрахманова А.А. Тема иммиграции в немецкоязычной документальной драматургии (на примере пьесы М. Обексер «Нелегальная помощь»). *Казанский лингвистический журнал*. 2023;6(1): 58–68. <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2023.6.1.58-68>

Original article

Philology studies
<https://doi.org/10.26907/2658-3321.2023.6.1.58-68>

**THE TOPIC OF IMMIGRATION IN GERMAN-LANGUAGE
DOCUMENTARY DRAMATURGY (ON THE EXAMPLE OF
M. OBEXER'S PLAY "ILLEGAL HELPERS")**

A.R. Lisenko¹, A.A. Abdrakhmanova²

Kazan (Volga region) Federal University, Kazan, Russia

¹anzhela.amirova@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-3994-7106>

²z.aliya@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9453-8981>

Abstract. The theme of migrants in Europe in general and in Germany in particular has been relevant in the past few years more than ever. A large number of migrant authors in different generations put this problem at the forefront of their creativity. However, it is somewhat of a taboo theme among EU native authors. It is interesting that even if they address the topic of migration,

they consider it not from the point of view of migrants themselves, but the attitude of Europeans towards them. For example, Maxi Obexer creates her documentary play *Illegal Helpers* with the help of interviews with Austrians, Swiss and German who help refugees. The characters help because of various motives, while breaking the law. It turns out that helping illegal migrants is important not in itself, but as a kind of protest against the state. In addition, the theme of Nazism is crucial. They draw a parallel with the past of Europe, when many Europeans had to hide from the authorities.

Keywords: European Drama; Documentary Play; illegal migrants; refugees; Obexer

For citation: Lisenko A.R., Abdrakhmanova A.A. The Topic of Immigration in German-language Documentary Dramaturgy (on the Example of M. Obexer's Play "Illegal Helpers"). *Kazan Linguistic Journal*. 2023;6(1): 58–68. (In Russ.). <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2023.6.1.58-68>

В последнее время тема нелегальной миграции в Европе, как и во всем мире, приобретает все большую актуальность, что находит отражение в мировом искусстве и в литературе, в частности.

В 2015 году канцлер Германии Ангела Меркель произнесла свою знаменитую фразу „Wir schaffen das“ – «Мы справимся», объявив тем самым, что Германия не будет закрывать границы, и распорядившись пускать беженцев в ФРГ несмотря на Дублинское соглашение, согласно которому, ответственность за размещение мигрантов возлагается на ту страну, через которую они въехали в Европу. Согласно докладу 2020 года Международной организации по миграции с 2015 по 2019 год, число иммигрантов в Германии увеличилось почти на 3 млн. человек. Крупнейшие группы иммигрантов прибыли из Польши, Турции, Российской Федерации, Казахстана и Сирийской Арабской Республики [1, с. 100].

В 2018 году Германия продолжала принимать наибольшее количество беженцев и просителей убежища в Европе и занимала по этому показателю пятое место в мире. Наибольшее количество беженцев прибыли в Германию из Сирийской Арабской Республики, Ирака и Афганистана. Франция и Швеция занимали второе и третье места в Европе по количеству принимаемых беженцев [1, с. 102], при этом отношение к мигрантам самих жителей Германии неоднозначно.

С одной стороны, объявление «культуры гостеприимства» повлекло за собой организацию различного рода фондов, помогающих беженцам. С другой

стороны, с 2015 года растет количество протестов против миграционной политики правящей партии [2, р. 34]. В целом, среди последствий нелегальной миграции исследователи особо выделяют политические последствия, заключающиеся в росте антимигрантских настроений, которые приводят к увеличению популярности ультраправых партий. [3, с. 174]. Это касается всех европейских стран, не только Германии. Доклад МОМ: «Сохраняется также поляризация в общем отношении к иммиграции, в то время как негативная антииммиграционная политическая риторика в ряде случаев продолжает оставаться в центре внимания в ходе национальных выборов в различных странах Европы». По итогам исследования, проведенного Европейской комиссией в 2018 году, было установлено, что четверо из десяти европейцев усматривают в иммиграции для себя «скорее проблему, чем возможность». По данным отдельного исследования, проведенного в десяти странах ЕС, больше половины респондентов заявили, что хотят, «чтобы в их странах было меньше иммигрантов» [1, с. 106–107].

Если Германия провозгласила «культуру гостеприимства», которая, как показали прошедшие годы, не стала успешной с экономической и в первую очередь политической точки зрения, то в других немецкоговорящих европейских странах – Швейцарии и Австрии – отношение к беженцам было изначально более радикальным. Так, канцлер Австрии Вернер Файман в 2016 году критически отнесся к политике «открытых дверей», провозглашенной А. Меркель и потребовал закрытия «балканского маршрута» для беженцев [4]. Что касается Швейцарии, то она является одной из немногих стран, наиболее последовательно придерживающихся Дублинского соглашения и высылающей беженцев в страны их первого прибытия (Италию). Интересно, что если раньше Швейцария считалась одной из наиболее популярных целей для мигрантов, то сегодня она воспринимается ими лишь как транзитный коридор на пути в Северную Европу.

Являясь актуальной с социальной, экономической и политической точки зрения, эта тема не так часто берется немецкоязычными авторами за основу ли-

тературных произведений и театральных текстов. Существует так называемая литература мигрантов (или мигрантская литература) – произведения, написанные авторами с миграционным прошлым. По большому счету, это литература о мигрантах и для мигрантов. Как отмечает В. Шмитц, «литература мигрантов – это такая литература, которая основывается на аутентичном опыте и делится этим опытом» [5]. В Германии ежегодно проводится большое количество фестивалей, разного рода мероприятий, посвященных мигрантам, а также постановок с участием иммигрантов. Акцент ставится, в первую очередь, на интеграции переселенцев, на которую должна оказать влияние политика в области культуры [6, с. 910]. А произведений, проблематика которых посвящена отношению собственно европейцев к происходящему, практически нет.

Среди драматических текстов последних лет можно выделить пьесы Лутца Хюбнера «Дело чести» („Ehrensache“, 2005), «Добро пожаловать» („Willkommen“, 2017) [7], Э. Елинек «Подлежащие защите» („Die Schutzbefohlenen“, 2014), а также творчество Макси Обексер, к пьесе которой мы обращаемся в статье.

Макси Обексер, родилась в 1970 г. в Италии, переехала в возрасте 23-х лет в Берлин по стипендии, полученной ею за ее первую пьесу, где с тех пор она живет и работает, училась в Австрии. Лауреат различных премий в области литературы и драматургии. Преподает в Литературном институте г. Лейпциг, а также в качестве приглашенного профессора в университетах США и Германии. Саму себя она не определяет ни как итальянского, немецкого или австрийского автора.

В своем творчестве Макси Обексер следует традициям немецкого политического театра. Центральными темами ее творчества являются темы положения женщин в обществе, самовосприятия европейцев и их отношения к мигрантам, миграции в Европе. К проблемам мигрантов она впервые обращается в пьесе «Корабль-Призрак» („Das Geisterschiff“, 2007), затем в романах „Wenn

gefährliche Hunde lachen“ (2011) и „Europas längster Sommer“ (2017), а также в многочисленных проектах и перформансах.

Пьеса «Нелегальная помощь», 2016 г. („Illegale Helfer“) была удостоена театральных премий, поставлена в театрах Зальцбурга и Потсдама, прочитана в Нью-Йорке, Вашингтоне, Париже, Праге, Любеке и в Новосибирске в рамках фестиваля Новой немецкой драмы в 2019 г.

Как уже было сказано, Обексер следует традициям немецкого политического театра и вслед за Рольфом Хоххутом, Райнером Киппхардтом, Петером Вайсом предлагает зрителю документальную драму, в центре которой стоит не само политическое событие, а конфликт личности с властью, ситуация суда, в некоторой степени даже мотив палача и жертвы.

Драма «Нелегальная помощь» представляет собой 11 сцен, написанных в технике вербатим. Это интервью, проведенные со швейцарцами, немцами и австрийцами разных возрастов и профессий. Высказывания чередуют цитаты из правовых документов – резолюций ООН, Дублинского соглашения, директив Совета Европы. В примечании, данном перед списком действующих лиц, автор отмечает, что «Реплики персонажей основаны на интервью разных людей. Кое-кто из них неоднократно нарушал закон и обвинялся в пособничестве нелегальной иммиграции. Других вполне могли бы обвинить, если бы узнали об их деятельности. Благодарим всех, кто своими рассказами ввел нас в подпольный мир человечности» [8, с. 251]. Сама тема обуславливает документальный характер пьесы.

Именно поиск человечности, право называться человеком – лейтмотив пьесы. Действующие лица – 11 персонажей. Указывается их возраст, происхождение, род занятий, у некоторых также имена (напр.: Геннер, австриец, около 70 лет; Лукас, швейцарец немецкого происхождения, около 45 лет; Флориан, немецкий студент, около 25 лет и др). Кроме того, здесь есть законодатель (первый в списке, от его лица произносятся тексты правовых документов), судья и адвокат, без указания имен. Уже введение этих персонажей отсылает нас

к документальным пьесам 60-х гг., основанным на Нюрнбергском процессе, в частности, к пьесе П. Вайса «Дознание». В дальнейшем в тексте присутствуют аллюзии к нацизму, Нюрнбергскому процессу, а также прямое упоминание событий времен нацизма.

Интересно, что сами мигранты представлены только одним персонажем – Сюзанна, нелегалка, около 30 лет. Она появляется в восьмой сцене, но ее позиция, в отличие от позиций остальных персонажей, весьма невнятна. Она констатирует свое нелегальное положение, но никак его не комментирует, не рефлексирует по этому поводу. В отличие от остальных собственно европейцев, которые рассуждают о проблемах мигрантов и своем к ним отношении, о желании помочь нелегалам и нежелании стать «вне закона». Важно отметить, что оригинальное название пьесы – *Illegale Helfer* («нелегальные помощники» – перевод наш (А. Л., А.А.)) – выносит в центр внимания именно помощников, т. е. тех людей, которые стараются помочь нелегальным беженцам в Европе. В центре внимания автора не иммигранты и помощь, которую они получают (что следует из русского перевода), а люди, эту помощь оказывающие, их отношение к своему незаконному поведению и к государству, которое воспринимает мигрантов как неживую массу, с которой нужно что-то сделать.

Ремарка, данная в начале первой сцены, дает ключ к пониманию всего текста: «У Геннера ясная и непоколебимая позиция. В зависимости от ситуации он либо торжествующий герой, обращенный лицом к публике, либо обвиняемый, повернутый к зрителям в профиль – как в полицейском досье» [Обексер, с. 252]. Эти люди, с одной стороны, хотят помочь, с другой стороны, боятся это сделать, хотят быть правыми с точки зрения гуманности, но оказываются неправы с точки зрения закона, хотят помочь, чтобы быть «человечными», но, как выясняется, имеют личные мотивы, не связанные с мигрантами и их проблемами.

Лейтмотивом проходит тема нацистского прошлого: персонажи старшего возраста будто бы мстят государству. Так, Геннер, австриец 70 лет, участвовал

в революционных движениях и протестах с молодости, и сам подчеркивает, что первым импульсом для его протестов стало несправедливое отношение к его семье государства в лице нацистов. Ульрика, швейцарка 80-ти лет, вспоминает книгу Евы Фогельман, «которая как-то попала» к ней «в руки, там описываются люди, которые под страхом смертной казни спасали евреев от смерти. «Мы не были героями». Учительница говорит, что ее отец «был дезертиром, врагом народа». У всех этих людей причина помощи нелегалам заключается в их желании выразить протест государству, олицетворяющему для них нацизм, от которого пострадали их семьи.

Тема нацизма продолжается в 6-й сцене, когда Учительница, скрывавшая у себя дома грудного ребенка на протяжении года, говорит о том, что «высылки все время происходят ночью. Днем они не решаются». Так же и нацисты производили аресты в ночное время.

В 5-ой сцене появляется Судья, и параллель с Нюрнбергским процессом становится явной, как и аллюзия к пьесе «Дознание» П. Вайса:

Во время Второй мировой войны, сразу после принятия Окончательного решения еврейского вопроса, в Варшаве работал португальский дипломат, который начал выдавать евреям визы в Португалию – столько, сколько мог. Даже когда из Португалии пришло указание не выдавать больше виз, он не переставал ставить свою подпись и печать португальского посольства на бумагу, позволявшую им бежать. Для тысяч людей это стало спасением. Его жена массирует ему руку, когда та уставала, дети подносили бумаги, он подписывал, пока хватало сил, круглыми сутками. Визу за визой. А моя подпись? Уничтожает тысячам людей если не жизни, то планы на жизнь.

... Не позже, чем через полвека за то, как мы обращаемся с беженцами сегодня, нас обвинят в преступлении против человечности. Мы действуем с открытыми глазами, вооружившись ручками, параграфами, чиновниками и набором дешевых уловок, мы отворачиваемся и пускаем все на самотек. Однажды это предстанет перед судом человечества, и наши дети или внуки

придут в негодование. А мы скажем им: сами мы этому никак не способствовали. А когда они продолжают свои расспросы, неужели мы заявим, что просто делали свое дело? [8, с. 261, 263].

В этой цитате видится связь со всей немецкой литературой второй половины 20-го века и начала 21-го, когда тема поколенческого конфликта между «виновными» отцами и обвиняющими их детьми выходила на первый план во многих произведениях немецкой литературы, в частности в драматургии («Черный лебедь» М. Вальзера, «Язык отца» Остермайера, «Камень» М. фон Майенбурга и мн. др.). Судья в пьесе Обексер сам себя обвинил и признал виновным в преступлении против человечества.

Тема человечности становится важной в пьесе. Она противопоставляется государственности. Герои пьесы, стремясь сохранить человечность, нарушают закон и помогают нелегалам: кормят их, прячут, помогают перейти границу. «Что если моя страна бесчеловечна?! – спрашивает сам себя Лукас. – И мы перестаем испытывать человеческие чувства. Даже не замечая того, что перестали» [8, с. 266]. Получается, что помощь нелегалам для многих – это, в первую очередь, помощь самим себе, в обретении смысла жизни. Люди, выходящие на сцену – успешные, сытые, обутые европейцы, которые, пусть и стремятся принять участие в жизни мигрантов, но, тем не менее, будто бы наблюдают за происходящим издали. Лукас: «На моих глазах их гонят взашей. Они снова ускользают в мир СМИ, абстрактных размышлений, метафор, прений и дебатов. В репортажи о катастрофах, которые призваны нас растормошить. Где рассказывают о массах, а не о людях, о пресловутой беде, надвинувшейся на Европу, там нет имен, придающих каждому личностные черты, страсти, утопию и ранимость. Сколько еще меня будут так тормошить, пока я окончательно не усну?»

Странная у нас жизнь, я заказываю еще один аперитив и наблюдаю за продолжением охоты на беженцев» [8, с. 266]. Налицо кризис самоидентичности, свойственный современному западному человеку. Вся эта помощь – один

из способов его разрешить? Ведь, по большому счету, помогая беженцам, эти люди ничем не рискуют. Тема утраты идентичности возникает также в связи с беженцами. Нелегалам приходится стирать себе кожу на подушечках пальцев, чтобы их не могли распознать по отпечаткам и выслать из Европы. И это явное противопоставление тому, что происходит с европейцами. Флориан, помогший одному из иммигрантов пересечь границу, чтобы спасти его, узнает, что там ему придется стереть себе кожу, подвергнуть себя своего рода пытке, и он задает себе вопрос: а нужно ли это? в чем смысл происходящего?

Интересно, что такие вопросы задают себе представители молодого поколения – Флориан, студент 25 лет, Лукас, 45 лет. Старшее поколение решило для себя этот вопрос: они помогают, чтобы отомстить государству за жертв нацизма. В эпилоге, представляющем собой монолог Флориана, делается интересный вывод: «Тут нет материала для героического эпоса... Конечно, ты сопереживаешь. Безучастным не остаешься. Но самого тебя это все равно не касается. Я каждый вечер могу отключить мозги, так или иначе перестать думать об их судьбах. А они не могут... Я бы не стал называть свою работу сопротивлением. К сопротивлению относят, прежде всего, тех, кто помогал другим в эпоху нацизма. И, по-моему, это понятие лучше оставить им. ... Все равно со мной не случилось бы ничего непоправимого» [8, с. 273–274].

Таким образом, в центре внимания оказываются не иммигранты, а отношение европейцев к ним. Те, кто им помогает, пытаются объяснить свою помощь такими чувствами, как героизм, человечность, однако на деле ими руководят весьма эгоистичные мотивы, связанные с идеями гуманизма лишь поверхностно. Сами же иммигранты изображены в пьесе как инструмент в достижении целей, а не как объект гуманистического действия. С художественной точки зрения следует отметить обращение М. Обексер к технике вербатим, которая отсылает читателя к немецкому документальному театру середины XX века. М. Обексер использует технику монтажа, составляя свой текст из высказываний персонажей. Она словно сравнивает мигрантов в сегодняшней Европе

с жертвами концлагерей времен Второй мировой войны, чтобы показать зрителю, какие опасные последствия может иметь равнодушное отношение к происходящему в мире.

Список литературы

1. Доклад о миграции в мире 2020. Международная организация по миграции (МОМ): Женева; 2020. 532 с. URL: <https://www.iom.int/> (дата обращения: 20.03.2021).
2. N. Selim, M. Abdalla, L. Alloulou, M.A. Halli, S.M. Holmes, M. Ibiß, G. Jaschke and J.G. Martín. Coming Together in the So-Called Refugee Crisis. *Anthropology in Action*. 2018; 25(3): 34–44.
3. Бенямина Х. Нелегальная эмиграция в странах Средиземноморья в настоящее время. *Эмиграция как текст культуры: историческое наследие и современность: сборник научных статей*. Культурно-просветительский фонд «Dialogorum». Будапешт: Selmeczi Bt.; 2020. С. 169–175.
4. Трухачев В.В. *Иммиграция и «кризис беженцев» в Австрии*. URL: http://www.perspektivy.info/oykumena/europe/immigracija_i_krizis_bezhencev_v_avstrii_2016-04-27.htm (дата обращения: 10.04.2021).
5. Schmitz W. Gibt es eine Literatur der Migration? Zur Konzeption eines Handbuchs zur Literatur der Migration in den deutschsprachigen Ländern seit 1945, 2013. URL: https://tu-dresden.de/gsw/slk/mez/ressourcen/dateien/dateien/Projekte/presentation_migration.pdf?lang=en (дата обращения: 24.04.2018).
6. Schneider W. Warum wir kein Migrantentheater brauchen. *Theater und Migration. Herausforderungen für Kulturpolitik und Theaterpraxis*. Transkript; 2011. 236 s.
7. Лисенко А. Р. «Культура гостеприимства»: тема отношения к беженцам в пьесе Л. Хюбнера «Добро пожаловать». *Филология и культура*. 2018; 3(53): 182–186.
8. Обексер М. *Нелегальная помощь. ШАГ 5*. Новая немецкоязычная драматургия. Гете-Институт; 2015. С. 249–274.

References

1. World Migration Report 2020. Mezhdunarodnaja organizacija po migraciji (MOM). Zheneva; 2020. 532 p. Available from: <https://www.iom.int/> [accessed: 20.03.2021]. (In Russ.)
2. Selim N., Abdalla M., Alloulou L., Halli M.A., Holmes S.M., Ibiß M., Jaschke G. and Martín J.G. Coming Together in the So-Called Refugee Crisis. *Anthropology in Action*. 2018; 25(3): 34–44. (In Eng.)
3. Benyamina H. Illegal emigration in the Mediterranean countries presently. *Jemigracija kak tekst kul'tury: istoricheskoe nasledie i sovremennost'*: sbornik nauchnyh statej. Kul'turno-prosvetitel'skij fond "Dialogorum". Budapesht: Selmeczi Bt.; 2020. pp. 169–175. (In Russ.)
4. Truhachev V.V. *Immigration and refugee crisis in Austria*. 2016. Available from: http://www.perspektivy.info/oykumena/europe/immigracija_i_krizis_bezhencev_v_avstrii_2016-04-27.htm [accessed: 10.04.2021]. (In Russ.)
5. Schmitz W. *Gibt es eine Literatur der Migration? Zur Konzeption eines Handbuchs zur Literatur der Migration in den deutschsprachigen Ländern seit 1945*. 2013. Available from: https://tu-dresden.de/gsw/slk/mez/ressourcen/dateien/dateien/Projekte/presentation_migration.pdf?lang=en [accessed: 24.04.2018]. (In German)
6. Schneider W. Warum wir kein Migrantentheater brauchen. *Theater und Migration. Herausforderungen für Kulturpolitik und Theaterpraxis*. Transkript. 2011. 236 s. (In German)

7. Lisenko A. “Refugees Welcome”: The theme of attitude to refugees in Germany in L. Hübner’s play “Willkommen”. *Philology and Culture*. 2018; 3(53): 182–186. (In Russ.)
8. Obexer M. *Illegal Helpers*. ShAG 5. Novaja nemeckojazychnaja dramaturgija. Goe-the-Institut. 2015. pp. 249–274. (In Russian)

Автор публикации

Лисенко Анжела Рафизовна –
кандидат филологических наук, доцент
Казанский федеральный университет
Казань, Россия
Email: anzhela.amirova@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0003-3994-7106>

Абдрахманова Алиа Альбертовна
кандидат филологических наук, доцент
Казанский федеральный университет
Казань, Россия
Email: z_aliya@mail.ru
<http://orcid.org/0000-0002-9453-8981>

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 06.02.2023
Одобрена после рецензирования: 22.02.2023
Принята к публикации: 28.02.2023

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о рецензировании

«Казанский лингвистический журнал» благодарит анонимного рецензента (рецензентов) за их вклад в рецензирование этой работы.

Author of the publication

Lisenko Anzhela Rafizovna –
Ph.D. in Philology, Associate Professor
Kazan Federal University
Kazan, Russia
Email: anzhela.amirova@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0003-3994-7106>

Abdrahmanova Aliya Albertovna –
Ph.D. in Philology, Associate Professor
Kazan Federal University
Kazan, Russia
Email: z_aliya@mail.ru
<http://orcid.org/0000-0002-9453-8981>

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Article info

Submitted: 06.02.2023
Approved after peer reviewing: 22.02.2023
Accepted for publication: 28.02.2023

The author has read and approved the final manuscript.

Peer review info

Kazan Linguistic Journal thanks the anonymous reviewer(s) for their contribution to the peer review of this work.

ФИЛОЛОГИЯ. ЯЗЫКИ НАРОДОВ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН PHILOLOGY. LANGUAGES OF PEOPLES OF FOREIGN COUNTRIES

Научная статья

Филологические науки

УДК 811.581.11, 81'44

<https://doi.org/10.26907/2658-3321.2023.6.1.69-79>

АНАЛИЗ НАЗВАНИЙ КИТАЙСКИХ БЛЮД С ТОПОНИМАМИ НА ФОНЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ТИПОЛОГИИ¹

Ван Цуй

Шэньсийский педагогический университет, Сиань, КНР
annawangnb@163.com, <https://orcid.org/0000-0002-8607-9252>

Аннотация. В статье рассматриваются особенности названий блюд с топонимами в китайском, японском, английском и итальянском языках. Актуальность выбранной темы исследования заключается в том, что изучение особенностей культуры питания в разных странах играет важную роль в межкультурной коммуникации. Целью данной работы является установление типов таких названий и анализ их языковых особенностей, выявление когнитивного механизма мышления и освещение общности по форме выражения между вышеуказанными языками в названиях блюд с топонимами. В данном исследовании использованы описательный, сравнительно-сопоставительный, дедуктивный и индуктивный методы. В китайском языке распространены названия кулинарных блюд с топонимами, указывающими на происхождение кухонного сырья или на способ приготовления еды. Факторы, влияющие на образование таких названий, разделяются на внутрilingвистические и экстралингвистические. Экстралингвистические факторы включают структуру энциклопедических знаний и субъективное понимание человека. К внутрilingвистическим факторам относится особенная тенденция двуслогификации для китайского языка. Когнитивный процесс образования наименований блюд включает концептуализацию и формулировку важных семантических элементов. Мы согласны с мнением Корнелии Герхардт и её соавторов, что конструкция названий еды с топонимами N_1N_2 (топоним + основной кухонный ингредиент/основной кухонный ингредиент + топоним) популярна в языках мира. В китайском языке средств выражения названий блюд с топонимами намного больше: дополнительно к вышеназванным существуют конструкции $N_1N_2N_3$, N_1VN_2 , N_1AN_2 , $N_1N_2VN_3$, N_1VAN_2 , $N_1A_1A_2N_2$ и др. Видно, что между образом мышления и структурой знаний разных народов есть общность, с одной стороны, а с другой стороны – существует разница между ними. Китайская кухня отличается разнообразием способов приготовления и уникальным сочетанием вкусов.

Ключевые слова: название блюда; топоним; лингвистическая типология; концептуализация; сопоставительный анализ

Для цитирования: Ван Цуй. Анализ названий китайских блюд с топонимами на фоне лингвистической типологии. *Казанский лингвистический журнал*. 2023;6(1): 69–79. <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2023.6.1.69-79>

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке Шэньсийского фонда общественных наук, проект №2021K004 «Сопоставительное и переводческое исследование реализации события в русском и китайском языках с точки зрения лингвистической типологии», и при поддержке Фонда гуманитарных и социальных исследований при Министерстве образования КНР в рамках научного проекта № 20YJC740054 «Когнитивное исследование русского перевода метафор в политическом дискурсе Си Цзиньпина в новую эпоху», и при Национальном фонде социальных наук КНР «Исследование перевода на русский язык метафор классических культур в политическом дискурсе на основе параллельного корпуса» (№22BYU198).

本文为陕西省社会科学基金项目《语言类型学视野下俄汉实现事件的对比与翻译研究》(立项号: 2021K004), 教育部人文社会科学研究一般项目《习近平新时代政治话语的隐喻俄译认知研究》(项目号 No 20YJC740054), 国家社会科学基金项目《基于平行语料库的政治话语文化经典隐喻俄译研究》(项目号 22BYU198)的阶段性成果。

Original article

Philology studies

<https://doi.org/10.26907/2658-3321.2023.6.1.69-79>

ANALYSIS OF CHINESE DISH NAMES WITH TOPONYMS AGAINST THE BACKGROUND OF LINGUISTIC TYPOLOGY

Wang Cui

Shaanxi Normal University, Xi'an, China

annawangnb@163.com, <https://orcid.org/0000-0002-8607-9252>

Abstract. The article discusses the features of the dish names with toponyms in Chinese, Japanese, English, and Italian. The relevance of the presented work lies in that the study of food culture in different countries plays an important role in intercultural communication. The aim of the work is to establish the types of such names and analyze their linguistic features, identify the cognitive mechanism of thinking and highlight the commonality in the form of expressing the dish names with toponyms between the above-mentioned languages. The names of dishes with toponyms in Chinese, Japanese, English and Italian are used as the research material. This study uses descriptive, comparative, deductive and inductive methods. In Chinese the names of dishes with toponyms, indicating the origin of the kitchen raw materials or the method of cooking are common. The factors influencing the formation of such names are divided into intralinguistic and extralinguistic. Extralinguistic factors include the structure of encyclopedic knowledge and people's subjective attention. Intralinguistic factor includes the special tendency of bilingualization for the Chinese language. The cognitive process of the formation of these dish names includes the conceptualization and formulation of important semantic elements. We agree with the views of Cornelia Gerhardt and her co-authors, that the construction of food names with toponyms N_1N_2 (toponym+main kitchen ingredient/main kitchen ingredient+toponym) is common in the languages of the world. But in Chinese there are also other patterns for naming dishes: $N_1N_2N_3$, N_1VN_2 , N_1AN_2 , $N_1A_1A_2N_2$, $N_1N_2VN_3$, N_1VAN_2 and et al. It can be seen that, there is a common ground between the ways of thinking and knowledge structures of different nationalities, and on the other hand, it shows the difference between them. Chinese dishes are famous for the variety of cooking methods and the unique taste combinations.

Keywords: dish names; toponyms; linguistic typology; conceptualization; comparative analysis

For citation: Wang Cui. Analysis Of Chinese Dish Names with Toponyms Against the Background of Linguistic Typology. *Kazan Linguistic Journal*. 2023;6(1): 69–79. (In Russ.). <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2023.6.1.69-79>

Введение

В Китае, как в стране, обладающей обширной территорией и богатой пищевой культурой, многие места славятся своими фирменными блюдами, к названиям которых прибавились топонимы.

В настоящее время большинство исследований названий китайских блюд посвящено анализу их структурно-семантических особенностей [1,2,3], культурно-языковой специфики [4,5,6,7], способам перевода с китайского на другие

языки [8,9,10,11,12]. Учёные главным образом уделяют внимание переводческим стратегиям и методам перевода этих выражений на иностранные языки. Имеющиеся труды оказались весьма многоаспектными, однако немногие учёные обращают внимание на классификацию названий блюд с топонимами и их языковые и структурные особенности. Хотя когнитивное обоснование и различные механизмы мышления лежат в основе мотивационных факторов номинаций блюд с топонимами, в настоящее время нет сопоставительных исследований по этой проблеме.

В данной статье мы анализируем языковые особенности наименований китайских блюд с географическими названиями по типам и факторам, влияющим на их концептуализацию и формулировку со стороны когнитивного механизма, сопоставляем подобные названия в китайском, японском, английском и итальянском языках, подчеркивая общность между ними.

1. Типы названий китайских блюд с топонимами

В китайском языке названия кулинарных блюд с топонимами делятся на два типа. Первый тип указывает на происхождение пищевого сырья, так как природно-географическая среда определяет уникальный местный колорит продуктов и образует географический бренд питания: например, китайский северо-восточный рис (东北大米), хэбэйский ямс (河北山药). Второй тип ставит в качестве ведущего принципа уникальный способ приготовления еды, которым изначально славится конкретное место, а потом рецепт распространяется и в других регионах. Между тем, к происхождению пищевого сырья или месту приготовления блюд не предъявляется слишком много требований.

2. Языковые особенности названий китайских блюд с топонимами

Общеизвестно, что в китайском языке каждый иероглиф представляет собой отдельное слово или слог-морфему, и почти все морфемы являются односложными². В глубокой древности односложные иероглифы доминировали в древнекитайском языке. С III до XIX века н. э. в китайском языке отчётливо

² Заимствованные слова обычно составлены из многосложных морфем.

наблюдается тенденция двуслогификации или двухморфемности (например: 子 сын → 子女 сын и дочь; 衣 одежда верхней половины тела → 衣服 одежда). С ней тесно связаны многие особенности фонетики, лексики, морфологии и прагматики в современном китайском языке [13, с. 206]. Теперь в китайском языке большинство слов состоит из двух слогов [14, с. 29]. На основе вышеуказанных двух типов слов в современном китайском языке развиваются многосложные словосочетания: особенно, трёх- и четырёхсложные. Например, 关键词 (关键词 ключевое + 词 слово), 猖狂进攻 (猖狂 ожесточённое + 进攻 – наступление) и др.

Из отобранных учёным Сун Цзуояном [1, с. 90] языковых материалов в китайском языке самую большую долю (39.54%) занимают четырёхсложные названия блюд (463 из 1 171). Большинство названий региональных блюд с топонимами также соответствуют этой статистической закономерности, т.е. они составлены из двух двусложных слов. Это разные известные местные блюда, например: запечённая утка по-пекински (北京烤鸭: Пекин + запечённая утка).

Другие многосложные названия региональных блюд образуются на основе сочетания односложного и двусложного слов, тем самым составляя ритмическую гармонию. Например, двусложное слово 长沙 (Чанша) + односложное слово 臭 (ароматный) + двусложное слово 豆腐 (тофу / бобовый сыр) получается 长沙臭豆腐 (ароматный бобовый сыр по-чаншаски). Название 阳澄湖大闸蟹 (большой мохнаторукий краб из озера Янчэн) состоит из четырёх частей: двусложное слово 阳澄 (Янчэн) + односложное слово 湖 (озеро) + односложное слово 大 (большой) + двусложное слово 闸蟹 (мохнаторукий краб).

На основе собранных нами материалов модели названий этих блюд разделены на два типа конструкций: эндоцентрическая и экзоцентрическая. К первому типу относится $N_1N_2^3$ (金华 N_1 火腿 N_2 – ветчина Цзиньхуа), $N_1N_2N_3$ (潮汕 N_1 牛肉 N_2 丸 N_3 – говяжьё фрикадельки по-чаошаньски), N_1VN_2 (河南 N_1 烩 V 面 N_2 –

³ Буква N обозначает имя существительное, A – имя прилагательное, V – глагол.

хэнаньская тушеная лапша, $N_1A_1N_2$ (吉首 N_1 酸 A 肉 N_2 – кислое мясо по-цзишоусски), $N_1A_1A_2N_2$ (武汉 N_1 热 A 干 A 面 N_2 – уханьская горячая сухая лапша), N_1VAN_2 (哈尔滨 N_1 熏 V 红 A 肠 N_2 – харбинская копчёная колбаса). Выражения первого типа являются именными словосочетаниями с подчинительной связью, в которых топоним и другие определяющие члены находятся в начале, а главное слово – справа от них, т.е. в конце словосочетания. Второй тип включает $N_1N_2VN_3$ (陕西 N_1 肉 N_2 夹 V 馍 N_3 – шэньсийский гамбургер, 上海 N_1 葱油 N_2 拌 V 面 N_3 – шанхайская лапша с луком-шалот). В выражениях такого типа после географического названия N_1 следуют имена N_2 и N_3 , обозначающие ингредиенты, между которыми сочинительная связь, а V обозначает способ приготовления блюда. По нашей статистике среди 185 названий китайских блюд с топонимами, полученных методом сплошной выборки, частотность употребления конструкции N_1N_2 составляет 45%, N_1VN_2 – 18%, $N_1N_2N_3$ – 12%, N_1AN_2 – 10%, $N_1N_2VN_3$ – 7%, остальные 8% принадлежат другим типам конструкций (N_1VN_2A , $N_1VN_2N_3$, $N_1A_1A_2N_2$, N_1AVN_2 , $N_1AN_2N_3$). Эти названия подчёркивают уникальность пищи, неповторимость вкуса или особую технологию приготовления.

3. Когнитивный процесс образования наименований китайских блюд

По мнению Р. Лангакера, концептуализация – это психологическая деятельность человека и обработка мозга для удовлетворения потребностей языковых выражений. Она совершается за очень короткое время из-за физиологических свойств мозга. В процессе обработки понятий концептуальная структура не формируется как постоянное целое, а разделяется на различные части, которые стимулируются последовательно и направленно [15, с. 8]. Нам также известно, что после когнитивной разработки первоначальных разрозненных и беспорядочных понятий и/или представлений о мире формируются более систематические концептуальные схемы, из которых некоторые элементы выделяются по принципу метонимии или метафоры – исходя из определенных прагматических целей. Выделенные семантические элементы снова комбинируются и выража-

ются посредством знаково-символического кодирования. Такой процесс включает в себя концептуальную стадию и стадию формальных операций.

После когнитивной обработки на концептуальной стадии некоторые элементы в концептуальной структуре выдвигаются на передний план, а остальные скрываются при необходимости сортировать выделенные элементы и снова их соединять на основе прагматической цели. На формальной стадии отсортированные комбинации понятий выражаются соответствующими языковыми единицами.

Рассмотрим это на примере названия блюда 南京盐水鸭 (нанкинская солёная утка). Образование данного названия можно представить в два этапа:

1) Выделение важных концептуальных элементов после концептуализации. В концептуальной рамке блюда 南京盐水鸭 много элементов, среди которых способ приготовления (засоленная, отварная, по-нанкински), цвет блюда (белый), основной ингредиент (утка), вспомогательные ингредиенты (лук, имбирь и др.), вкус блюда (ароматный и хрустящий) место, время, техника приготовления блюда и т. д. На основе этих энциклопедических знаний кулинарное региональное своеобразие 南京 (по-нанкински), кухонный материал 鸭 (утка) и главный метод приготовления блюда 盐水 (засоленный) являются выделенными элементами в концептуальной структуре.

2) Формулировка выделенных концептуальных элементов языковыми единицами. После процесса концептуализации выделенные части из концептуальной структуры должны быть закодированы в языковые единицы и представлены как фиксированные устойчивые выражения, которые достаточно быстро визуализируются в языке. Здесь выделенные концептуальные части – это способ приготовления 南京+盐水 (засоленная, отварная, по-нанкински) и объект 鸭 (утка), среди которых 鸭 (утка) является ядром названия, а 南京 (Нанкин) и 盐水 (отварная и засоленная) представляют собой определения в словосочетании. По правилу порядка слов в китайском языке определяемое слово следует за

определением, поэтому стержневое слово 鴨 (утка) поставлено в конце атрибутивной конструкции 南京盐水鸭.

4. Региональные названия блюд с топонимами на фоне лингвистической типологии

Лингвистическая типология – это наука о классификации языков по типам структуры. Она фокусируется на отыскивании оснований общности или разницы между языками с целью глубже раскрыть механизм человеческого мышления. С точки зрения лингвистической типологии, в этой статье мы выделяем общие черты в названиях блюд с топонимами в разных языках.

По мнению Корнелии Герхард [16, с.17–18], конструкция названий еды с топонимами (конкретнее: «топоним+основной кухонный ингредиент/основной кухонный ингредиент+топоним») популярна во всех языках мира, подтверждением чему могут стать названия следующих блюд: Lamb Provencal (баранина по-провансальски), 沖繩そば (Окинава соба), 춘천닭갈비 (Чхунчхон дакгалби или жареная курица из города Чхунчхон), Frankfurter Würstchen (Франкфуртские сосиски), Königsberger Klopse (Кёнигсбергские клопсы), Voeuf bourguignon (бёф бургиньон), «Rheinischer Sauerbraten (Зауэрбратен по-рейнски).

В японском языке говядина Кобе (яп. 神戸ビーフ, англ. Kobe Beef) считается главным национальным достоянием Японии и самой дорогой говядиной в мире. Это мясо производится исключительно в японской префектуре Хёго, известной в мире разведением элитной мраморной породы коров. При выращивании крупного рогатого скота используют специальные технологии, отработанные годами. Основой, на которой формируется название стейка из говядины Кобе, является структура энциклопедических знаний: «кто-то готовит стейк из говядины Кобе»: включается субъект «кто-то», действия «готовит», объект «говядина». Конечно, ещё существуют связанные семантические элементы, такие как место производства (Кобе), разные пряности. По теории рамки события Л. Талми [17, с.258–259], процесс познания определённой части в рамках события

– открытие «окна внимания», только информация, достойная внимания, выражается вербальным средством коммуникации [18, с.134]. По этому принципу место производства кулинарного материала (из Кобе) и объект приготовления/основной ингредиент (говяжий стейк) выделяются.

Йоркширский пудинг (англ. Yorkshire pudding), испечённый из муки, яиц и молока с добавлением приправ (например, соли и молотого перца), представляет собой известное английское национальное хлебное блюдо. В его названии подчеркивается место приготовления (Йоркшир) и внешний вид готового изделия (пудинг).

Пармская ветчина (итал. Prosciutto di Parma) – самый известный вид прошутто в Италии. Она отличается характерным розовым цветом на срезе, тонкими слоями жира и мягким пряным вкусом. Для приготовления пармской ветчины используют только морскую соль и свинину определённых пород, выкормленных по особым правилам. Пармская ветчина производится в итальянской провинции Парма. Итак, название этого блюда чётко и ясно показывает место производства продукции (Парма) и пищевой материал (ветчина).

Основываясь на вышеизложенном, мы отмечаем, что в китайском, английском, японском и итальянском языках есть названия блюд, указывающие на источник происхождения продуктов и главный пищевой ингредиент. Это демонстрирует общность мышления людей при концептуализации названий блюд. В концептуальной рамке блюда существует много элементов из энциклопедических знаний, среди которых выделяется и формализуется только самое важное в процессе ментальной обработки.

Заключение

Удовлетворение голода является одним из самых важных инстинктов организма, необходимых для сохранения жизни людей. При изучении правил образования названий блюд с топонимами заметно, что выражение еды этого типа в мире соответствует языковой универсалии – выделению наиболее характерных и представительных элементов, в ментальной обработке которых участву-

ют когнитивные алгоритмы. Согласно гипотезе происхождения человека, колыбель человечества находится в Африке. Такая гомология предопределяет физиологическую общность различных человеческих рас, которая, естественно, обуславливает сходство механизмов мышления разных народов.

Во многих языках мира названия блюд с топонимами выражаются атрибутивной конструкцией (N_1N_2), в которой топоним выступает в качестве атрибута, а ядром выражения является главный кулинарный ингредиент. Помимо конструкции N_1N_2 , в китайском языке есть и другие средства выражения названий блюд с топонимами, например, $N_1N_2N_3$, N_1AN_2 , $N_1A_1A_2N_2$, N_1VN_2 , N_1VAN_2 , $N_1N_2VN_3$ и др., в которых воплощаются многообразные способы тепловой обработки продуктов и особенности китайской культуры питания.

Список литературы

1. 宋作艳. 构式词法的特点及其对汉语词法研究的启示——以菜名的命名模式为例. *语言教学与研究*. 2022; (02): 88–102.
2. Ковалёв Е.Д., Кожевников И.Р. Особенности названий блюд в ресторанных меню на китайском языке (структурно-семантический и прагматический подходы). *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2018; 85(7–2): 329–333.
3. 孙ь Вэйфан. Образ китайской еды и людей в отзывах российских туристов о Китае. *Современные исследования социальных проблем*. 2022; (2):126–141.
4. 杨佑文, 李秦. 中餐菜名的语言文化解析. *湖北工业大学学报*. 2016; 31(3): 85–88.
5. 刘瑄传. 菜肴英译与中国饮食文化. *三峡大学学报 (人文社会科学版)*. 2004; (4):75–78.
6. Осипова К.В. К Семантико-мотивационной реконструкции севернорусских названий блюд из мяса. *Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология*. 2020; (3):59–69.
7. Нурмухаметова Р.С., Миннебаева Г.И., Саттарова М.Р. Этнолингвистическое исследование названий татарских национальных блюд. *Вестник ТГГПУ*. 2018; 53(3):66–71.
8. 王灵芝. 中国菜名俄译探析. *中国俄语教学*. 2012; 31(04): 75–79.
9. 文珊. 华人菜名英译的对比研究. *中国科技翻译*. 2012; 25(02). Pp.48–51+32.
10. 安新奎. 中餐菜名的翻译及前置词的使用. *中国俄语教学*. 2016; 35(03):40–44.
11. 谷珊. 跨文化交际中的中西饮食文化对比及翻译研究——《中西方饮食文化差异及翻译研究》评述. *食品与机械*. 2021; 37(05): 238–239.
12. Ван Хэйянь. Русский перевод названий китайских блюд в аспекте транскультурной коммуникации. *Вестник КалмГУ*. 2018; 38(2): 88–94.
13. 庄会彬, 赵璞嵩, 冯胜利. 汉语的双音化. 北京语言大学出版社; 2018.
14. Лю Шусян. *Очерк грамматики китайского языка*. т.1. М.: Издательство восточной культуры; 1961.
15. Langacker R.W. Dynamicity in grammar. *Axiomathes*. 2001; (12):7–33.
16. Gerhardt C., Frobenius M., Ley S. (Editors). *Culinary Linguistics: The chef's special*. Amsterdam. Philadelphia: John Benjamins Publishing Company; 2013.
17. Talmy L. *Toward a Cognitive Semantics*. Vol. I. Cambridge (Mass.); London: MIT

Press; 2000.

18. Ван Цуй. Сопоставление выражения инструментального значения в русском и китайском языках с когнитивной точки зрения. *Известия ВГПУ*. 2018; 4(127): 131–134.

References

1. Song Zuoyan. The characteristics of construction morphology and its enlightenment on the study of Chinese word formation: the case of the naming patterns of Chinese dishes. *Language teaching and linguistic studies*. 2022; (02): 88–102. (In Chinese)
2. Kovalyov E.D., Kozhevnikov I.R. Features of names of dishes in restaurant menus in Chinese (structural-semantic and pragmatic approaches). *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. 2018; 85(7–2): 329–333. (In Russ.)
3. Sun' Vejfan. The image of Chinese food and people in Russian tourists' comments on China. *Sovremennye issledovaniya social'nyh problem*. 2022; (2):126–141. (In Russ.)
4. Yang Youwen, Li Qin. Cultural analysis in the naming of Chinese dishes. *Journal of Hubei University of Technology*. 2016; 31(3): 85–88. (In Chinese)
5. Liu Xuanchuan. Chinese dishes translating and chinese diet culture. *Journal of China Three Gorges University (Humanities & Social Sciences)*. 2004; (04): 75–78. (In Chinese)
6. Osipova K.V. On semantic and motivational reconstruction of the north Russian names of meat dishes. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossijskaya i zarubezhnaya filologiya*. 2020; (3): 59–69. (In Russ.)
7. Nurmukhametova R.S., Minnebaeva G.I., Sattarova M.R. Ethnolinguistic study of the names of Tatar national dishes. *Vestnik TSPU*. 2018; 53(3):66–71. (In Russ.)
8. Wang Lingzhi. On the Russian translation of Chinese cuisine names. *Russian in China*. 2012; 31(04): 75–79. (In Chinese)
9. Wen Shan. A contranstive study of Chinese dishes translations between overseas Chinese and native Chinese. *Chinese Science & Technology Translators Journal*. 2012; 25(02). Pp.48–51+32. (In Chinese)
10. An Xinkui. The Application of prepositions in the translation of Chinese cuisine names. *Russian in China*. 2016; 35(03): 40–44. (In Chinese)
11. Gu Shan. A comparative study of Chinese and Western food culture in intercultural communication and its translation – A review on “the study of differences between Chinese and Western food culture and its translation”. *Food & Machinery*. 2021; 37(05): 238–239. (In Chinese)
12. Van Hejyan'. Russian translation of Chinese dish names in the aspect of transcultural communication. *Vestnik KalmGU*. 2018; 38(2): 88–94. (In Russ.)
13. Zhuang Huibin, Zhao Pusong, Feng Shengli. *Diphthongization of Chinese*. Beijing Language and Culture University Press; 2018. (In Chinese)
14. Lyu SHusyan. *Introduction to Chinese Grammar*. M.: Izdatel'stvo vostochnoj kul'tury. Vol.1. 1961. (In Russ.)
15. Langacker R.W. Dynamicity in grammar. *Axiomathes*. 2001; (12):7–33. (In Eng.)
16. Gerhardt C., Frobenius M., Ley S. (Editors). *Culinary Linguistics: The chef's special*. Amsterdam. Philadelphia: John Benjamins Publishing Company; 2013. (In Eng.)
17. Talmy L. *Toward a Cognitive Semantics*. Vol. I. Cambridge (Mass.); London: MIT Press; 2000. (In Eng.)

18. Van Cui. Comparison of the expression of the instrumental meaning in the Russian and Chinese languages from the cognitive point of view. *Izvestiya VGPU.* 2018; 4(127): 131–134. (In Russ.)

Автор публикации

Ван Цуй –

Доктор филологических наук, доцент
Институт иностранных языков
Шэньсиского педагогического университета
г. Сиань, Китай
Email: annawangnb@163.com
<https://orcid.org/0000-0002-8607-9252>

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 09.01.2023
Одобрена после рецензирования: 20.02.2023
Принята к публикации: 28.22.2023

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о рецензировании

«Казанский лингвистический журнал» благодарит анонимного рецензента (рецензентов) за их вклад в рецензирование этой работы.

Author of the publication

Wang Cui –

Doctor of Philology, Associate Professor
School of Foreign Languages
Shaanxi Normal University
Xi'an, China
Email: annawangnb@163.com
<https://orcid.org/0000-0002-8607-9252>

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Article info

Submitted: 09.01.2023
Approved after peer reviewing: 20.02.2023
Accepted for publication: 28.22.2023

The author has read and approved the final manuscript.

Peer review info

Kazan Linguistic Journal thanks the anonymous reviewer(s) for their contribution to the peer review of this work.

ФИЛОЛОГИЯ. ЯЗЫКИ НАРОДОВ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН
PHILOLOGY. LANGUAGES OF PEOPLES OF FOREIGN COUNTRIES

Научная статья

Филологические науки

УДК 811.134.2

<https://doi.org/10.26907/2658-3321.2023.6.1.80-89>

СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ “ALIMENTO” КАК ОТРАЖЕНИЕ
ИСПАНСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

А.Г. Калинина¹, Л.Р. Сакаева², С.С. Тахтарова³

¹*Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия*

^{2,3}*Казанский (Приволжский) Федеральный Университет, Казань, Россия*

¹*sky.angelica2002@gmail.com*

²*liliyasakaeva@rambler.ru, https://orcid.org/0000-0002-3867-1489*

³*alfia@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-9268-6892*

Аннотация. Статья посвящена изучению семантического поля “*Alimento*” в тезаурусе испанского языка и отражению национальной культуры в прагматике составляющих единиц данного семантического поля. Национально-культурная специфика исследуемого поля определяется важной ролью, которую в жизни испанцев играет соответствующая денотативная область: в ней неделимо соотнесены биологическая и цивилизационная составляющие, формирующие образ жизни народа, характеризующие в национальных культурах уникальное этическое и эстетическое содержание. Лексике анализируемого семантического поля характерны специфические закономерности константно-семантической организации, прагматические механизмы, способствующие обогащению языковой картины мира, освоению областей человеческого опыта, выстраиванию символических основ этнокультурной семиотики. Комплексный анализ прагматических свойств исследуемых семантических единиц испанского языка позволяет применить полученные сведения к задачам совершенствования методики перевода текстов, которые содержат лексику, связанную с питанием, как особой областью человеческого опыта и культуры. Как показало исследование, лексические единицы поля “*Alimento*” активно участвуют в качестве компонента фразеологических единиц (ФЕ) испанского языка и зачастую носят антропоцентрический характер.

Ключевые слова: язык; испанский; поле; пища; антропоцентризм; фразеологизм

Для цитирования: Калинина А.Г., Сакаева Л.Р., Тахтарова С.С. Семантическое поле “*Alimento*” как отражение испанской национальной культуры. *Казанский лингвистический журнал*. 2023;6(1): 80–89. <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2023.6.1.80-89>

Original article

Philology studies

<https://doi.org/10.26907/2658-3321.2023.6.1.80-89>

SEMANTIC FIELD “ALIMENTO” AS A REFLECTION OF THE SPANISH
NATIONAL CULTURE

A.G. Kalinina¹, L.R. Sakaeva², S.S. Takhtarova³

¹*National Research State University of Nizhny Novgorod named after N.I. Lobachevsky, Nizhny Novgorod, Russia*

^{2,3}*Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russia*

¹*sky.angelica2002@gmail.com*

²*liliyasakaeva@rambler.ru, https://orcid.org/0000-0002-3867-1489*

³*alfia@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-9268-6892*

Abstract. The article is devoted to the study of the semantic field “Alimento” in the thesaurus of the Spanish language and the reflection of national culture in pragmatics, the constituent units of this semantic field. The specificity of this field is determined by the significant role that the corresponding denotative area plays in the life of the Spaniards: the biological and civilizational components are inseparably linked in it - they largely form the way of life of the people, which acquires a unique ethical and aesthetic content in national cultures. The vocabulary of this semantic field is characterized by specific patterns of constant-semantic organization, pragmatic mechanisms that contribute to the enrichment of the linguistic picture of the world, the development of areas of human experience, and the building of the symbolic foundations of ethnocultural semiotics. A comprehensive analysis of the pragmatic properties of the studied semantic units of the Spanish language allows us to apply the information obtained to the tasks of improving the methodology for translating texts that contain vocabulary related to nutrition as a special area of human experience and culture. As the study showed, the lexical units of the field “Alimento” are actively involved as a component of phraseological units (PU) of the Spanish language and are often anthropocentric.

Keywords: language; Spanish; field; food; anthropocentrism; phraseological unit

For citation: Kalinina A.G., Sakaeva L.R., Takhtarova S.S. The Semantic Field “Alimento” as a Reflection of the Spanish National Culture. *Kazan Linguistic Journal*. 2023;6(1): 80–89. (In Russ.). <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2023.6.1.80-89>

Изучение полей различных типов, которое зародилось в лингвистике в начале XX в., не утратило своей актуальности. Поля различных типов и уровней изучены в языкознании: метафорические, словообразовательные, функционально-семантические, деривационно-семантические, смысловые, грамматико-лексические, ассоциативные, синтаксические, дистрибутивно-семантические и семантико-синтаксические, иерархические (вертикально-горизонтальной структурой), неиерархические (пересекающимися значениями) и др. Им посвящены труды Ю.Д. Апресяна, Ф.С. Бацевича, Л.Г. Бабенко, В.В. Богданова, В.П. Москвина, В.Г. Гака, А.А. Заневской, Ю.Н. Караулова, А.М. Кузнецова, Э.В. Кузнецовой, В.А. Лукина, Л.А. Новикова, Ю.С. Степанова, Г.С. Шура и других исследователей [1].

Согласно определению Г. Ипсена, под семантическим полем понимается группа слов, имеющих грамматическую и смысловую общность [2, с. 143]. И. Трир использовал данный термин в своих исследованиях, базировал на ономаσιологическом подходе и определял, что весь лексический состав языка можно разделить на семантические поля, объединенные общим понятием, при

этом незначительные группы лексем вводил в состав объемных групп. В данном контексте отдельная лексема, не имеющая значения за рамками семантического поля, является основным элементом языковой системы. Благодаря трудам Л. Вайсгербера, который представлял понятийное содержание языка как структурно-расчлененные понятийные сферы, в языкознании сформировалось окончательное представление поля. В исследовании под семантическим полем понимается система слов, отражающих определенную область действительности и связанных общим предметным значением. В ходе анализа научных работ выделены следующие признаки семантического поля: связность, смысловая аттракция, взаимоопределяемость элементов, упорядоченность, целостность, самостоятельность, полнота, обширность, национальная специфичность, произвольность и размытость границ, непрерывность.

Языковые единицы, служащие обозначением пищи, рассматриваются в составе семантического поля, которое является крупным объединением в силу того факта, что человек употребляет пищу разного происхождения, сырую и приготовленную. Семантическое поле “*Alimento*” относится к так называемым функциональным группам, которые обычно насчитывают значительное количество элементов. Интерес к изучению одной из самых многочисленных разновидностей кухонно-бытовой лексики – названиям пищи – по праву является высоким по весьма объективным причинам. Рассматриваемое объединение лексических единиц, богатое языковой, исторической, культурологической информацией, во всей полноте отражает многовековую материальную и духовную культуру народа. Пища является одним из важных условий существования человека и входит в перечень условий материальной жизни общества. Еда является связующим звеном с культурой прошлого, с традициями, обычаями народа. Пища является основой жизни человека, универсальной категорией жизнеобеспечения, источником энергии, без которой жизнь невозможна. В каждой культуре существуют свои особенности потребления, приготовления и рецептуры.

Прием пищи в Испании приравнивается к религиозным обрядам. Это элемент материальной культуры Испании, в котором сохраняются традиционные черты, с ним связаны представления испанцев о своей национально-культурной специфике. Такая реалья, как еда, является источником сведений не только о быте испанцев и восприятии ими вкусовых качеств, цвета, формы, размера и пр., но и благодаря номинации дает информацию о лингвистических тенденциях, обусловленных как собственно языковыми, так и экстралингвистическими факторами.

Лексика, обозначающая наименования пищи в испанском языке, может подразделяться на тематические подклассы слов не только на экстралингвистических основаниях, но и на основе языковых показателей, выраженных формально. Выделение таких объединений лексических единиц считается актуальным как для теории, так и практики современной лингвистики, поскольку обращение к классификациям, предполагающим тематическую соотнесенность, способствует решению ряда задач прикладного характера.

Установить ядерные и периферийные элементы семантического поля, опираясь на основные критерии коммуникативной значимости семантического поля, необходимо при определении структуры данного явления. Ядро включает единицы, обладающие способностью выражать определенные категориальные значения и воплощать эти значения в плане содержания; распространенностью; стабильностью, устойчивостью, комбинаторностью. Периферия семантического поля характеризуется функциональной обусловленностью, подвижностью, индивидуальной сочетаемостью [3, с. 476]. Граница между ядром и периферией весьма размыта. Полагается, что семантическое поле “*Alimento*” относится к открытому типу полей.

Потребность в питании – одна из жизненно важных потребностей человека, следовательно, питание является неотъемлемой частью человеческой жизнедеятельности. Концептуальная система любого языка включает в себя термины, которые связаны с употреблением пищи и отношением к ней. Так, семанти-

ческое поле “*Alimento*” включает все слова, представляющие данные понятия. Пища может рассматриваться с позиции приготовления, системы организации питания, оценки качества, эстетики, этнографии, полезности.

На основе проведенного анализа выделены следующие лексико-семантические группы внутри семантического поля “*Alimento*” названия продуктов питания натурального происхождения:

- ✓ животного происхождения: разновидности мяса, рыбы и другие морепродукты; продукты, полученные от животных. Испанцы употребляют мясо в пищу в больших количествах, отсюда и значительное количество в испанских оценочных номинациях названия различных мясных изделий. При отборе практического материала выявлено значительное количество названий блюд, являющихся испанскими реалиями и не имеющих аналогов в других кухнях (*horchata, morcilla, jamon* и т.д.). Говядина является одним из недорогих видов мяса и входит в состав мясного блюда *пучеро*. Пучеро ели в течение нескольких дней с различными гарнирами. Это блюдо бедных и принято считать это основой для выражения *comer puchero* (букв. «есть похлебку») в значении «жить скромно, бедно».
- ✓ Неотъемлемым элементом испанской кухни являются рыба и дары моря. Объясняется это тем фактом, что Испания находится у берегов Средиземного моря и рыбный промысел на территории страны является активным. Основу рыбного меню составляют морские виды, однако есть речные и выращиваемые на рыбных фабриках;
- ✓ растительного происхождения: овощи, фрукты, зернобобовые культуры, крупы, приправы. Фрукты и овощи составляют центральную часть рациона испанцев и латиноамериканцев: *ser un berzas, ser un mastuerzo, tonto del haba, no entender ni papa ni patata, ser alguien buena tierra para sembrar nabos, calabaza hueca, tener cascots de calabaza, cara de nabo*;
- ✓ ферментные и химические вещества;

- ✓ названия продуктов, полученных в результате дальнейшей обработки: растительного и животного происхождения;
- ✓ названия продуктов, полученных в результате кулинарной переработки первичных продуктов питания (существует более 10 видов испанских колбас, среди которых *morcilla*, *longanizas*, *salchichas*, *chorizo* и другие); названия напитков.

Рассматриваемая группа включает также подгруппы, которые объединены категориальными семами, в рамках которых можно выделить наименование:

- ✓ еды и напитков, которые обозначают качество и количество;
- ✓ процессов готовки;
- ✓ приёмов пищи: повседневные трапезы: завтрак, перекус, обед, ужин; узконациональные и полинациональные;
- наименование кухонных приборов;
- наименование органов пищеварительной системы.

Лексические единицы поля “*Alimento*” активно участвуют в качестве компонента фразеологических единиц (ФЕ) испанского языка и зачастую носят антропоцентрический характер [4]. Так, *cerrado como un aguacate* (букв. «закрытый как авокадо»), *cabeza de membrillo* (букв. «голова как айва»), *ser un melon* (букв. «дыня»), *ser un pedazo de atun*, *ser un besugo*, *ser una merluza* (букв. «быть куском тунца, лещом, мерланом») описывает глупого человека. Человек с мягким характером, уступчивый сравнивается в испанском языке с инжиром, персиком, миндальным тестом – *blando como un higo* (букв. «мягкий как инжир»), *ser como pasta de almendra* (букв. «как миндальное тесто»), *corazon de melocoton* (букв. «персиковое сердце»). Про человека со сложным, грубым характером испанцы скажут – *esta como una lechuga* (букв. «как зеленый салат»), *tiene mala uva* (букв. «у человека плохой виноград»), *tener mas capas que una cebolla* (букв. «иметь больше шелухи, чем у луковицы»), *harto de ajos* (букв. «наевшийся чеснока»); *hecho un ajo* (букв. «настоящий чеснок»). Острый язык собеседника сравнивают с болгарским перцем – *como los pimientos marrones*. Дан-

ные единицы широко используются для описания внешности человека. Так вытянутое лицо испанцы описывают как *cara de pepino* (букв. «лицо в форме огурца»), губы бантиком – *boca de pinon* (букв. «губы как кедровый орешек»), красный нос при простуде охарактеризуют как *nariz como un pimiento marron* (букв. «нос похожий на болгарский перец»): *ojos como tomates* (букв. «глаза как помидоры») описывают воспаленные, красные глаза, *figura de pera* (букв. «фигура-груша») характеризует человека с узкими плечами и широкими бедрами.

Красота в Испании ассоциируется с соленым вкусом, йогуртом. Привлекательная женщина описывается испанцем как *eres mas salada que sardina de cuba* (букв. «более соленая, чем сардина в бочке») в значении просто прелесть, неотразима, *chica yogur* (букв. «девушка-йогурт»), *chica Danone* (букв. «девушка-Данон»), используя известную марку молочных продуктов.

Непривлекательную женщину, обладающую красивым телом, но некрасивым лицом называют *gamba* (креветка). Характеризую полного, упитанного человека испанцы отметят *de buenos carnes, entrado en carnes, metido en carnes estar uno hecho un chorizo de gordo* (букв. «сделаться толстым, как чорисо»), худого – *de pocas carnes, escurrido en carnes, colgar toda su carne en un garabato* (букв. «повесить все свое мясо на крюк»).

Хамон (сыровяленый свиной окорок) один из важных продуктов традиционной испанской кухни и высоко ценится испанцами. В зависимости от способа приготовления и породы свиней, хамон представлен двумя разновидностями: *jamon iberico/pata negra* (букв. «иберийский хамон/черная нога») и *jamon serrano* (хамон серрано, букв. «горный хамон»). Испанское языковое сознание формирует противоречивые ассоциации, связанные с данным образом. С одной стороны, сравнение с хамоном формируют положительную эстетическую оценку в таких сочетаниях как *estar jamon* (букв. «быть хамоном») и *jamon serrano* (букв. «горный хамон») и используются для описания привлекательной девушки, с другой стороны, вид подвешенного хамона связывается с образом безвольного, вялого, рассеянного человека и служит основой для формирования

отрицательной эмоциональной оценки *estar mas colgado que un jamon* (букв. быть более подвешенным, чем хамон). Кроме того, отмечено сочетание *pasarlo jamon* (букв. «провести время подобно хамону») в значении отлично провести время.

Лексика семантического поля “*Alimento*” относится как к биологической, так и социальной сфере потребностей испанцев. Элементы исследуемого поля встречаются в коммуникации от повседневных бытовых ситуаций до сферы международной политики. Однако такая популярность обусловлена не только внешними, но и внутренними прагматическими факторами, которые позволяют адресанту сделать выбор в пользу данных семантических единиц в процессе реализации коммуникативного замысла. Одним из первостепенных прагматических факторов стоит отметить доступность данной лексики для понимания более широкого круга людей. В процессе речевой деятельности интерес говорящего к конкретному знаку базируется на способности говорящего максимально точно передать и доставить информацию [5]. Очевидно, говорящего интересует функциональный потенциал знака, а именно информационная емкость знака. В жизни испанцев существует большое количество ситуаций (праздных, обыденных), которые связаны с приёмом пищи, вследствие этого сами ритуалы приёма пищи также несут немаловажную сопутствующую информацию о коммуникативной ситуации и участниках коммуникации. Ключевым фактором, определяющим популярность лексики семантического поля “*Alimento*” среди испанцев, можно назвать способность побуждать сознание человека на смысловые и эмоциональные ассоциации. Способность языкового знака вызывать подобного рода ассоциации в сознании человека лежит в основе понятия лексической коннотации. Длительность пребывания в языке лексической единицы также является важным прагматическим фактором, так как определяет количество накопленных с течением времени сопутствующих данной единице значений.

Таким образом, семантическое поле “*Alimento*” представляет собой большой лексический пласт испанского языка, слова в рамках данного поля, семан-

тика и особенности употребления закрепляются с момента их появления в языковом фонде. Образность позволяет данной лексике переосмысливать первоначальные значения. Прагматическим потенциалом данного лексического пласта является прочная подсознательная и осознанная связь лексики с сенсорными ощущениями, которая лежит в основе ее эмоциональности и оценочности. Лексика семантического поля “Alimento” обладает информацией сенсорного характера и способна вызывать в сознании участников коммуникативного акта сильные чувственные ассоциации, возникающие при приеме пищи.

Список литературы

1. Сакаева Л.Р. Позитивные соматические фразеологические единицы с компонентом «голова» в русском, английском и таджикском языках. *Вестник Чувашского университета. Гуманитарные науки.* 2008; (1): 214–218.
2. Федоров А.В. *Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы).* М.: ООО «Издательский дом “Филология Три”»; 2002. 416 с.
3. Гак В.Г. *Метафора: универсальное и специфическое. Метафора в языке и тексте.* М.: Наука; 1988. С. 11–26.
4. Сакаева Л.Р., Тахтарова С.С., Базарова Л.В., Яхин М.А. Логико-понятийная классификация терминологии сферы «медицина» в английском, русском и турецком языках. *Казанский лингвистический журнал.* 2022;5(3): 360–368. <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2022.5.3.360-368>

References

1. Sakaeva L. R. Positive somatic phraseological units with the “head” component in Russian, English and Tajik languages. *Bulletin of the Chuvash University. Humanitarian sciences.* 2008. (1): 214–218. (In Russ.)
2. Fedorov A.V. *Fundamentals of the general theory of translation (linguistic problems).* M.: LLC “Publishing House “Philology Tri”; 2002. 416 p. (In Russ.)
3. Gak V.G. *Metaphor: universal and specific. Metaphor in language and text.* M.: Nauka; 1988. Pp. 11–26. (In Russ.)
4. Sakaeva L.R., Takhtarova S.S., Bazarova L.V., Yakhin M.A. Logical-conceptual classification of the terminology of the sphere “medicine” in English, Russian and Turkish languages. *Kazan linguistic journal.* 2022;5(3): 360–368. <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2022.5.3.360-368>. (In Russ.)

Автор публикации

Калинина Анжелика Георгиевна –
 кандидат педагогических наук, доцент
 Национальный исследовательский
 Нижегородский государственный
 университет им. Н.И. Лобачевского
 Нижний Новгород, Россия
 Email: sky.angelica2002@gmail.com

Author of the publication

Kalinina Anzhelika Georgievna -
 Candidate of Pedagogical Sciences,
 Associate Professor
 National Research State University of
 Nizhny Novgorod named after N.I. Lobachevsky,
 Nizhny Novgorod, Russia
 Email: sky.angelica2002@gmail.com

Сакаева Лилия Радиковна -

доктор филологических наук, профессор
Казанский федеральный университет
Казань, Россия
Email: liliyasakaeva@rambler.ru

Тахтарова Светлана Салаватовна -

доктор филологических наук, профессор
Казанский федеральный университет
Казань, Россия
Email: alfia@mail.ru

Sakaeva Liliya Radikovna -

Candidate of Philological Sciences, Professor
Kazan Federal University
Kazan, Russia
Email: liliyasakaeva@rambler.ru

Takhtarova Svetlana Salavatovna -

Candidate of Philological Sciences, Professor
Kazan Federal University
Kazan, Russia
Email: alfia@mail.ru

Поступила в редакцию: 15.01.2023

Одобрена после рецензирования: 20.02.2023

Принята к публикации: 28.02.2023

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о рецензировании

«Казанский лингвистический журнал» благодарит анонимного рецензента (рецензентов) за их вклад в рецензирование этой работы.

Submitted: 15.01.2023

Approved after peer reviewing: 20.02.2023

Accepted for publication: 28.02.2023

The author has read and approved the final manuscript.

Peer review info

Kazan Linguistic Journal thanks the anonymous reviewer(s) for their contribution to the peer review of this work.

**ФИЛОЛОГИЯ. ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ, ПРИКЛАДНАЯ И
СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА
PHILOLOGY. THEORETICAL, APPLIED AND COMPARATIVE
LINGUISTICS**

Научная статья
УДК 81

Филологические науки
<https://doi.org/10.26907/2658-3321.2023.6.1.90-100>

**ГЕНДЕРНАЯ СПЕЦИФИКА САМОПРЕЗЕНТАЦИИ
СОВРЕМЕННЫХ БРИТАНСКИХ ПОЛИТИКОВ**

И.Р. Ахмадеев

Уфимский университет науки и технологий, Уфа, Россия
felixahmadeev@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1755-087X>

Аннотация. Целью данной статьи является исследование гендерной специфики стратегии самопрезентации современных политических деятелей Великобритании, выявленной нами в период предвыборной кампании Риши Сунака и Лиз Трасс с июня по сентябрь 2022 года. Материалом исследования послужили тексты политических дебатов, опубликованных в сети интернет. Актуальность исследования детерминирована недостаточной изученностью гендерного аспекта стратегии самопрезентации политика в текстах предвыборных дебатов, проанализировав которые, можно констатировать, что речь Лиз Трасс отличают ассертивность и умеренная эмоциональность, которые выражены при помощи таких коммуникативных средств, как использование личного местоимения первого лица единственного числа, указательного местоимения, анафоры и метафоры. В 75% рассматриваемых нами случаев у Лиз Трасс доминируют личное местоимение первого лица единственного числа, в 12% – указательное местоимение, в 6% – метафора и в 6% – анафора. Помимо этого, кандидат в премьер-министры демонстрирует собственную компетентность в вопросах внутренней политики и экономики, активно используя терминологический аппарат, что способствует успешной самопрезентации. В свою очередь, речь Риши Сунака характеризуется уверенностью, конкретностью, аргументированностью, акцентированием внимания электората на своих лучших качествах, репрезентируемых при помощи использования личного местоимения первого лица единственного числа, активного использования глаголов в форме будущего времени, а также стилистических средств, таких как метафора. В результате анализа было установлено, что в 55% рассмотренных нами примеров кандидат в премьер-министры использует личное местоимение первого лица единственного числа, в 33% доминируют глаголы в форме будущего времени и в 11% – метафора. Исследование показало, что гендерные особенности двух политиков на вербальном уровне не имеют значительных отличий. Оба политика используют как правило одинаковый набор языковых средств.

Ключевые слова: вербальное поведение; гендерная специфика; самопрезентация; предвыборный дискурс; предвыборные дебаты

Для цитирования: Ахмадеев И.Р. Гендерная специфика самопрезентации современных британских политиков. *Казанский лингвистический журнал*. 2023;6(1): 90–100. <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2023.6.1.90-100>

SELF-PRESENTATION GENDER SPECIFICITY OF MODERN BRITISH POLITICIANS

I.R. Akhmadeev

Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia

felixahmadeev@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1755-087X>

Abstract. The purpose of this article is to study the gender specificity of the self-presentation strategy of modern politicians in the UK, identified during the election campaign of Rishi Sunak and Liz Truss from June to September 2022. The material of the study was the texts of political debates published on the Internet. The relevance of the research is determined by the insufficient study of the politician's self-presentation strategy gender aspect in the texts of pre-election debates. After analyzing the debate materials, it can be stated that Liz Truss's speech is distinguished by assertiveness and moderate emotionality, expressed through such communicative means as the usage of the first person singular personal pronoun, demonstrative pronoun, anaphora and metaphor. In 75% of the considering cases, the personal pronoun of the first person singular is dominated, in 12% Liz Truss uses the demonstrative pronoun, in 6% – the metaphor and in 6% the politician uses the anaphora. In addition, the candidate for prime minister demonstrates his own competence in matters of domestic politics and economics, actively using the terminological apparatus, which contributes to a successful self-presentation. In turn, Rishi Sunak's speech is characterized by confidence, particularity, reasoning, focusing the attention of the electorate on his best qualities, represented by the use of the first person singular pronoun, the active use of verbs in the future tense, as well as stylistic means such as metaphor. As a result of the analysis, it was found that in 55% of the examples the candidate for prime minister uses the personal pronoun of the first person singular, in 33% verbs in the future tense dominate, and in 11% – metaphor. The study showed that the gender characteristics of the two politicians at the verbal level do not have significant differences. Both policies generally use the same set of language features.

Keywords: verbal behavior; gender specificity; self-presentation; pre-election discourse; pre-election debates

For citation: Akhmadeev I.R. Self-presentation Gender Specificity of Modern British Politicians. *Kazan Linguistic Journal*. 2023;6(1): 90–100. (In Russ.). <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2023.6.1.90-100>

Особый интерес лингвистов стабильно вызывает изучение вербального поведения, так как именно оно является одним из основных инструментов, воздействующих на реципиентов. В этой связи отметим, что посредством вербальной коммуникации политик создает некую языковую реальность, образующую нужное ему общественное мнение [1, с. 67].

Актуальность настоящей статьи обусловлена недостаточной изученностью самопрезентации политических деятелей в гендерном аспекте и его влия-

ния на достижение коммуникативно-прагматических задач в текстах предвыборных дебатов.

Цель исследования заключается в изучении языковых средств современного английского языка, при помощи которых вербализуется стратегия самопрезентации современных британских политиков в предвыборном дискурсе.

В качестве материала исследования нами были выбраны тексты дебатов, зафиксированные между претендентами на пост лидера Консервативной партии Великобритании и премьер-министра страны, организованные с июля по сентябрь 2022 года и размещенные в сети интернет. Отметим, что под самопрезентацией языковой личности понимается осознаваемый, целенаправленный процесс представления себя субъектом с целью формирования у участников взаимодействия образа реальности, соответствующего ситуации, и построение на этой основе субъективно эффективных взаимоотношений, имеющих практическую ценность [2, с. 1187]. Изучение языковой личности, тесно связанное с именем выдающегося отечественного лингвиста В.В. Виноградова, является в целом весьма продуктивным и коррелирует, например, в текстах художественного дискурса с понятием речевого портрета героев произведений [3, с. 154], специфика которого может быть обусловлена и гендерными факторами.

В настоящее время проблема гендера активно анализируется в таких типах дискурса, как рекламном, медицинском, политическом и других. Изучая гендер, лингвисты выделяют так называемую лингвистическую гендерологию или гендерную лингвистику. Данное направление занимается изучением лингвистического проектирования мужских и женских категорий в языковой системе, основываясь на особенностях пола как социального конструкта [4, с. 19]. Отметим, что в современной науке с помощью термина «гендер» проводят границу между биологическим и социально-культурным полом, отличающим мужчин от женщин [5, с. 94].

Рассматривая дефиниции понятия «гендер», отметим, что британский социолог Э. Гидденс определяет гендер как социально и культурно заданный па-

раметр [6]. Другие ученые рассматривают его как существующую систему межличностного взаимодействия, посредством которой создается, подтверждается и воспроизводится представление о мужском и женском как о категориях социального порядка [7, с. 179]. Согласимся, что реализация гендера «зависит от коммуникативно-прагматической нормы того или иного вида или жанра текста, соотносимого с потребностями общества» [8, с. 779]. Обобщая вышеприведённые точки зрения, можно констатировать, что понятие «гендер» представляет собой некий социальный конструкт, разграничивающий биологический и социокультурный пол, подкрепляющий представления о мужчинах и женщинах и реализуемый в зависимости от коммуникативных принципов конкретного текста.

Считается, что политическая деятельность является прерогативой мужского населения, несмотря на то что в современном мире установлено гендерное равенство, и все чаще среди политиков встречаются женщины. Так или иначе, до сих пор продолжают споры о преимуществах принадлежности политической власти, а также существуют гендерные стереотипы, являющиеся типизированными представлениями о мужских и женских моделях поведения, рассматриваемых с позиции фемининности и маскулинности [9, с. 44; 10, с. 243; 11, с. 116].

Рассуждая о вербальных средствах коммуникации в политической сфере, ученые выделяют политический дискурс, представляющий собой «совокупность всех речевых актов, а также публичных правил, традиций и опыта, ситуативно-детерминированных и выраженных в форме речевых образований, содержание, субъект и адресат которых относятся к сфере политики» [12, с. 121]. Следует отметить, что существует несколько его разновидностей, таких как парламентский [13; 14; 15], президентский [16; 17; 18], предвыборный [19; 20] и ряд других дискурсов. Среди перечисленных подвидов политического дискурса интерес представляет предвыборный дискурс, поскольку именно он способствует наибольшей активизации политиков и их электората, в результате чего интенсивно распространяется агитационный материал и популяризируется

личность политика, что, в свою очередь, увеличивает шансы того или иного кандидата получить желаемую власть. На наш взгляд, наиболее адекватным и полностью отражающим сущность данного понятия является следующее определение, которое гласит, что «стандартизированная модель коммуникативно-когнитивного поведения кандидатов на пост президента страны, предопределенная условиями организации и проведения кампании по выборам президента и утвердившимися стереотипами создания и интерпретации предвыборных текстов с целью получения электорального преимущества» [19].

Рассмотрим влияние гендерного фактора на реализацию стратегии самопрезентации во время предвыборных дебатов и проанализируем следующие примеры:

Пример 1. “My number one economic priority will be tackling inflation and not making it worse because *inflation* is the enemy that makes everything poorer. It erodes savings reduces living standards and raises mortgage rates. And if we do not get a grip of inflation now it will cost families more in the long run. So, *I will deliver tax cuts, but I will do so responsibly*” [21].

Риши Сунак аргументирует повышение налогов растущей инфляцией и подчеркивает, что его главной задачей является борьба с этим явлением. Говоря об инфляции, политик использует олицетворение – “*inflation* is the enemy that makes everything poorer. It erodes savings reduces living standards and raises mortgage rates”. Также Р. Сунак уверенно заявляет, что снизит налоги, но сделает это ответственно – “I will deliver tax cuts, but I will do so responsibly”. Слово “responsibly” имеет следующее значение: “in a sensible way” [22]. Тем самым, по нашему мнению, политик показывает, что он ответственно и основательно подходит к решению возникающих проблем, компетентно оценивает текущую ситуацию. Политик использует форму будущего времени, что, на наш взгляд, может свидетельствовать о намерении выполнить данное обещание.

Пример 2. “Rishi, you have raised taxes to the highest level in 70 years. That is not going to drive economic growth. You raised national insurance even though

people like me opposed it in cabinet. The fact is that raising taxes at this moment will choke off economic growth”.[21].

Пример номер два демонстрирует достаточно уверенное и агрессивное вербальное поведение Л. Трасс. Она открыто заявляет, что именно Р. Сунак виновен в ухудшении уровня жизни простых британцев: “you have raised taxes to the highest level in 70 years”. Лиз Трасс использует время Present Perfect–have raised taxes, чтобы сделать акцент на результате деятельности Риши Сунака на посту министра финансов, также она употребляет прилагательное в превосходной степени – the highest level с целью подчеркнуть причину резкого ухудшения состояния британской экономики. Лиз Трасс отмечает, что подобные действия не способствуют росту экономики. Помимо этого женщина-кандидат на пост премьер-министра обвиняет Р. Сунака в увеличении страховых взносов, что также отрицательно, по её мнению, сказывается на уровне жизни подданных королевства. Л. Трасс заявляет, что увеличение налогов задушит экономический рост, используя метафору “raising taxes will choke off economic growth”, что делает речь более эмоционально окрашенной. Все вышеперечисленное, несомненно, свидетельствует о компетентности Лиз Трасс как политика в экономических вопросах.

С точки зрения гендерной специфики можно сказать следующее, что кандидат в премьер-министры активно использует указательное местоимение “you”, акцентируя внимание адресатов на своем противнике, виновном, на ее взгляд, в низком уровне жизни британцев, метафору “raising taxes will choke off economic growth”, а также прилагательное в превосходной степени the highest. Приведенные выше языковые средства, по нашему мнению, свидетельствуют о решительности и ассертивности Лиз Трасс.

Пример 3. “But I would just say you know what that experience government has given me means that *I am the only person who has the experience* to lead our country through a very significant economic challenge because that’s *what I have done for the last two years*” [21].

Говоря о качествах премьер-министра, Риши Сунак в приведенном выше примере активно использует местоимение первого лица единственного числа: “*I am the only person who has the experience*” и “*that’s what I have done for the last two years*”. Тем самым, по нашему мнению, политик стремится убедить аудиторию в том, что именно он является тем, кто сможет решить проблемы, возникшие в британской экономике. Приведенный фрагмент предвыборных дебатов демонстрирует, что Риши Сунак описывает себя как опытного в политических и экономических вопросах человека, готового взять ответственность за судьбу страны.

Пример 4. *I am somebody who says what I think. I’m honest. I say what I mean, and I mean what I say. And I am somebody that when I promise to deliver something I do deliver it. I have shown I can deliver as foreign secretary* [21].

В четвертом примере ряд высказываний начинаются с местоимения первого лица единственного числа “*I*”, что представляет собой анафору, которая способствует достижению четкого ритма и образности выражения мыслей кандидата на политический пост.

Л. Трасс подчеркивает, что она тот, кто говорит то, что думает и думает именно то, что говорит. Кроме того, Лиз Трасс заявляет, что ее работа в качестве министра иностранных дел доказывает этот факт. С точки зрения средств, способствующих актуализации гендера в ракурсе самопрезентации, можно сказать, что данный отрывок речи Лиз Трасс демонстрирует её уверенность, настойчивость, экспрессивность и умеренную эмоциональность, что проявляется в использовании ею анафоры. Данное стилистическое средство способствует усилению текстовой эмфазы и придает речи ритмичность [23, с.222]. Кандидат в премьер-министры подчеркивает ту роль, которую она сыграла во внешней политике Великобритании, тем самым демонстрируя оппонентам и электорату наличие необходимой для должности премьер-министра компетентности.

Таким образом, на материале текстов политических дебатов, представленных в предвыборном дискурсе, нами было установлено, что Лиз Трасс вы-

ступает уверенно и энергично, что проявляется в использовании ею стилистических средств современного английского языка, в частности, анафоры и метафоры. Кандидат на пост премьер-министра демонстрирует компетентность и результативность в решении внешнеполитических и экономических задач, используя время Present Perfect. Речь Риши Сунака также отличается энергичностью, уверенностью, конкретностью и аргументированностью. Политик активно использует личное местоимение первого лица единственного числа, метафору и глаголы в будущем времени.

Список литературы

1. Боташева А.К., Миллер И.С. Специфика политических дебатов в рамках политической коммуникации в предвыборный период. *Каспийский регион: политика, экономика, культура*. 2019; №2 (59): с. 62–68. DOI 10.21672/1818-510X-2019-59-2-062-068
2. Ахмадеева Е.В. Психологическая готовность к самопреждевлению студентов в диалогическом взаимодействии. *Вестник Башкирского университета*. 2021; 26(4): 1187–1191. DOI: 10.33184/bulletin-bsu-2021.4.57
3. Тахтарова С.С., Павлов Д.В. Речевой портрет главного героя романа Энтони Берджесса «Внутри мистера Эндерби». *Вестник Башкирского университета*. 2022; 27(1): 150–154. DOI: [10.33184/bulletin-bsu-2022.1.27](https://doi.org/10.33184/bulletin-bsu-2022.1.27)
4. Барашян В.К. Репрезентация социального контента гендерных категорий в лингвистическом контексте. *Труды Ростовского государственного университета путей сообщения*. 2013; 3: 18–21.
5. Пирожкова И.С. Прецедентное имя как средство репрезентации гендерных стереотипов в политическом дискурсе К. Райс и И. Хакамады. *Политическая лингвистика*. 2017; 1 (61): 91–97. DOI: [10.26170/pl19-06-12](https://doi.org/10.26170/pl19-06-12)
6. Гидденс Э. *Социология*. М.: Едиториал УРСС; 2005.
7. Кузнецов А.М. О понятии «гендер» и гендерной лингвистике. *Социолингвистика вчера и сегодня*. 2008; с. 175–194.
8. Таюпова О.И. Фемининность в медицинском рекламном дискурсе. *Вестник Башкирского университета*. 2022; 27(3): 778–784. DOI: [10.33184/bulletin-bsu-2022.3.49](https://doi.org/10.33184/bulletin-bsu-2022.3.49)
9. Гаспарян С.К., Князян А.Т. Гендерные стереотипы в политической сфере современного общества. *Филология и культура*. 2017; 1 (61): 43–49.
10. Арустамян Р., Макурина М.А., Пирожкова И.С. Проявление гендерных особенностей в политическом дискурсе. *Политическая лингвистика*. 2016; 6(60): 244–249.
11. Черчес Т.Е., Святохо Л.В. Гендерные стереотипы и гендерная идентичность как факторы выбора профессии в различных профессиональных группах. *Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук*. 2022; 3(86): 116–120.
12. Эпштейн О.В. Гендерный аспект стратегии самопрезентации в политическом дискурсе. *Филологический аспект*. 2019; 1(45): 121–131.
13. Белова В.Ф. Особенности парламентской коммуникации на немецком языке. *Studia Germanica, Romanica et Comparastica*. 2019; 4(46): 5–14.

14. Алферов А.В., Попова Г.Е., Червонный А.М. Языки в политическом пространстве современной Европы и в Европарламенте. *Политическая лингвистика.* 2016; 3(57): 10–17.
15. Нгуен Т.М. Вербальные способы выражения несогласия в политическом дискурсе (на материале вьетнамского парламентского дискурса). *Вестник Московского государственного лингвистического университета.* Гуманитарные науки. 2022; 6(861): 99–106. DOI: [10.52070/2542-2197_2022_6_861_99](https://doi.org/10.52070/2542-2197_2022_6_861_99)
16. Спиридовский О.В. *Лингвокультурные характеристики американской президентской риторики как вида политического дискурса:* дис. ... канд. филол. наук. Воронеж: ВГУ, 2006. 255с.
17. Худяков А.В. Современные исследования президентского дискурса: теоретические предпосылки и перспективы. *Филологические науки. Вопросы теории и практики.* 2015; 2(44): 206–208.
18. Гаврилова М.В. Некоторые черты речевого портрета первого президента России Б.Н. Ельцина. *Политическая лингвистика.* 2012; 4(42): 17–22.
19. Халатян А.Б. *Предвыборный дискурс: жанровое своеобразие и специфика языкового воплощения на материале текстов предвыборных кампаний 2008 года в России и США:* автореф. дис. ... канд. филол. наук. 2011.
20. Левшина Н.Г. *Косвенные речевые тактики в предвыборном дискурсе: На материале выборов Главы Администрации Псковской области:* автореф. дис. ... канд. филол. наук. 2005.
21. Live: ITV Debate for Britain's next prime minister hosted by Julie Etchingham. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=JL2GPPuxjn4&t=3252s> [дата обращения: 12.12.2022]
22. *Longman Active Study Dictionary 5th edition.* Person Education Limited. 1040 p.
23. Таюпова О.И. Повторы и их роль в текстах различных дискурсов. *Вестник Башкирского университета.* 2019; 24(1): 220–224. DOI: <https://doi.org/10.33184/bulletin-bsu-2019.1.38>

References

1. Botasheva A.K., Miller I.S. The specificity of the political debates within political communication during the election period. *The Caspian region: Politics, Economics, Culture.* 2019; 2(59): 62–68. DOI 10.21672/1818-510X-2019-59-2-062-068 (In Russ.)
2. Akhmadeeva E.V. Psychological readiness for self-presentation of studies in dialogical interaction. *Bulletin of the Bashkir University.* 2021; 26(4): 1187–1191. DOI: 10.33184/bulletin-bsu-2021.4.57 (In Russ.)
3. Takhtarova S.S., Pavlov D.V. Speech portrait of the main character of the novel “Inside Mr. Enderby” by Anthony Burgess. *Bulletin of the Bashkir University.* 2022; 27(1): 150–154. DOI: 10.33184/bulletin-bsu-2022.1.27 (In Russ.)
4. Barashyan V.K. Representation of the social content of gender categories in a linguistic context. *Proceedings of the Rostov State University of Communications.* 2013; 3: 18–21. (In Russ.)
5. Pirozhkova I.S. Precedent Name as a Means of Representation of Gender Stereotypes in Political Discourse K. Rice and I. Khakamada. *Political linguistics.* 2017; 1(61): 91–97. DOI: 10.26170/pl19-06-12 (In Russ.)
6. Giddens E. *Sociology.* M.: Editorial URSS; 2005. (In Russ.)
7. Kuznetsov A.M. On the concept of “gender” and gender linguistics. *Sociolinguistics yesterday and today.* 2008; p. 175–194. (In Russ.)
8. Tayupova O.I. Femininity in medical advertising discourse. *Bulletin of the Bashkir University.* 2022; 27(3): 778–784. DOI: 10.33184/bulletin-bsu-2022.3.49 (In Russ.)

9. Gasparyan S.K., Knyazyan A.T. Gender stereotypes in the political sphere of modern society. *Philology and culture*. 2017; 1(61): 43–49. (In Russ.)
10. Arustamyan R., Makurina M.A., Pirozhkova I.S. The manifestation of gender characteristics in political discourse. *Political linguistics*. 2016; 6(60): 244–249. (In Russ.)
11. Cherches T.E., Svyatokho L.V. Gender stereotypes and gender identity as factors in occupational choice in different professional groups. *Actual problems of the humanities and socio-economic sciences*. 2022; 3(86): 116–120. (In Russ.)
12. Epstein O.V. Gender-oriented self-presentation strategy in political discourse. *Philological aspect*. 2019; 1(45): 121–131. (In Russ.)
13. Belova V.F. Peculiarities of parliamentary communication in German. *Studia Germanica, Romanica et Comparastica*. 2019; 4(46): 5–14. (In Russ.)
14. Alferov A.V., Popova G.E., Chervonny A.M. Languages in the political space of contemporary Europe and in the European Parliament. *Political linguistics*. 2016; 3(57): 10–17. (In Russ.)
15. Nguyen T.M. Verbal disagreement strategies in political discourse (on the material of Vietnamese parliamentary discourse). *Vestnik of the Moscow State Linguistic University. Humanitarian sciences*. 2022; 6(861): 99–106. DOI: 10.52070/2542-2197_2022_6_861_99 (In Russ.)
16. Spiridovsky O.V. *Linguistic and cultural characteristics of American presidential rhetoric as a type of political discourse*: dis. ... Cand.Sc. Philology. Voronezh: VGU, 2006. 255p. (In Russ.)
17. Khudyakov A.V. Modern studies of presidential discourse: theoretical background and prospects. *Philological Sciences. Questions of theory and practice*. 2015; 2(44): 206–208. (In Russ.)
18. Gavrilova M.V. Some features of the speech portrait of the first president of Russia B.N. Yeltsin. *Political linguistics*. 2012; 4(42): 17–22. (In Russ.)
19. Khalatyan A.B. *Election Discourse: Genre Originality and Specificity of Linguistic Embodiment on the Material of 2008 Election Campaign Texts in Russia and the USA*: extended abstract of dissertation. 2011. (In Russ.)
20. Levshina N.G. *Indirect speech tactics in the pre-election discourse: On the material of the election of the Head of the Administration of the Pskov region*: extended abstract of dissertation. 2005. (In Russ.)
21. Live: ITV Debate for Britain's next prime minister hosted by Julie Etchingham. Available from: <https://www.youtube.com/watch?v=JL2GPPuxjn4&t=3252s> [accessed 12.12.2022] (In Eng.)
22. *Longman Active Study Dictionary 5th edition*. Person Education Limited. 1040 p. (In Eng.)
23. Tayupova O.I. Repetitions and their role in the texts of different discourses. *Bulletin of the Bashkir University*. 2019; 24(1): 220–224. DOI: <https://doi.org/10.33184/bulletin-bsu-2019.1.38> (In Russ.)

Автор публикации

Ахмадеев Игорь Рамзесович –
 аспирант
 Уфимский университет науки и технологий
 Уфа, Россия
 Email: felixahmadeev@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0003-1755-087X>

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Author of the publication

Akhmadeev Igor Ramzesovich –
 postgraduate student
 Ufa University of Science and Technology
 Ufa, Russia
 Email: felixahmadeev@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0003-1755-087X>

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Article info

Поступила в редакцию: 09.01.2023

Одобрена после рецензирования: 20.02.2023

Принята к публикации: 27.02.2023

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Submitted: 09.01.2023

Approved after peer reviewing: 20.02.2023

Accepted for publication: 27.02.2023

The author has read and approved the final manuscript.

Информация о рецензировании

«Казанский лингвистический журнал» благодарит анонимного рецензента (рецензентов) за их вклад в рецензирование этой работы.

Peer review info

Kazan Linguistic Journal thanks the anonymous reviewer(s) for their contribution to the peer review of this work.

**ФИЛОЛОГИЯ. ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ, ПРИКЛАДНАЯ И
СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА
PHILOLOGY. THEORETICAL, APPLIED AND COMPARATIVE
LINGUISTICS**

Научная статья
УДК 81 '44

Филологические науки
<https://doi.org/10.26907/2658-3321.2023.6.1.101-110>

**ЯЗЫКОВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ РЕЗУЛЬТАТОВ ВЫБОРОВ В
ИТАЛИИ В БРИТАНСКИХ, НЕМЕЦКИХ И ИТАЛЬЯНСКИХ СМИ**

Д.Ц. Доржиева¹, Е.А. Универсальюк²

Байкальский государственный университет, Иркутск, Россия

¹english1253@mail.ru, ²elenauniv@mail.ru

Аннотация. В статье представлен анализ освещения выборов в национальный парламент Италии в 2022 г. в авторитетных СМИ Британии, Германии и Италии. Целью авторов было выяснить отношение к итогам выборов журналистов в разных странах. Позиция журналиста должна быть объективной по отношению к освещаемому событию. Несмотря на это, авторы статей об итогах выборов зачастую используют определенную эмоционально окрашенную оценочную лексику, грамматические конструкции (например, Konjunktiv, абсолютную превосходную степень) и стилистические средства (метафоры, эпитеты, аллюзии) таким образом, чтобы выставить победившую партию в наименее выгодном свете. Тексты статей отличаются имплицитно, а зачастую и эксплицитно выраженной агрессивной тональностью. Авторы широко используют цитаты и ссылаются на авторитетные мнения, навешивают ярлыки и создают тревожные эмоциональные образы с целью вызвать недоверие читателей к новому правительству. Для достижения своей цели, а именно, создания крайне негативного образа Джорджи Мелони и представителей ее партии, авторы статей также тщательно подбирают фактический материал и прибегают к определенным приемам подачи информации. Результаты исследования можно использовать для изучения газетных текстов и лингвистики дискурса.

Ключевые слова: текст СМИ; парламентские выборы; партия «Братья Италии»; Джорджа Мелони; языковая репрезентация

Для цитирования: Доржиева Д.Ц., Универсальюк Е.А. Языковая репрезентация результатов выборов в Италии в британских, немецких и итальянских СМИ. *Казанский лингвистический журнал*. 2023;6(1): 101–110 <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2023.6.1.101-110>

Original article

Philology studies
<https://doi.org/10.26907/2658-3321.2023.6.1.101-110>

**LANGUAGE REPRESENTATION OF THE RESULTS OF THE
ELECTIONS IN ITALY IN BRITISH, GERMAN AND ITALIAN MASS
MEDIA**

D.Ts. Dorzhieva¹, E.A. Universalyuk²

Baikal State University, Irkutsk, Russian Federation

¹english1253@mail.ru, ²elenauniv@mail.ru

Abstract. The authors analyze the coverage of the results of the parliamentary elections in Italy in 2022 in reputable mass media in Great Britain, Germany, and Italy. The aim of the authors was to study the attitude of journalists in different countries towards the results of the elections. The

journalist's position on the covered event should be impartial. Nevertheless, the authors of articles on the results of the elections often use emotionally coloured evaluative vocabulary, grammatical constructions (for example, Konjunktiv, absolute superlative degree) and stylistic devices (metaphors, epithets, allusions) in order to represent it to the disadvantage of the party that won. The texts of the articles are marked by implicitly and quite often explicitly expressed aggressive tonality. The authors widely use quotations and refer to authoritative opinions, label people and facts and create threatening emotional images to make readers' mistrust the new government. In order to obtain their goal, namely to create an extremely negative image of Giorgia Meloni and the representatives of her party, the authors of the articles also select facts very carefully and use specific techniques to present information. The results of the research can be used to study newspaper texts and linguistics of discourse.

Keywords: mass media text; parliamentary elections; “Brothers of Italy” party; Giorgia Meloni; language representation

For citation: Dorzhieva D.Ts., Universalyuk E.A. Language Representation of the Results of the Elections in Italy in British, German and Italian Mass Media. *Kazan Linguistic Journal*. 2023;6(1): 101–110. (In Russ.). <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2023.6.1.101-110>

Влияние массмедиа на общественное мнение сложно преуменьшить, так как именно тексты СМИ предоставляют информацию и экспертный анализ значимых событий в стране и в мире, формируют отношение к ним и к личностям, которые в них фигурируют. Согласно Л.Н. Федотовой, текст СМИ дает нам представление, откуда в сознание масс могут проникнуть определенные стереотипы, предпочтительные модели поведения, знания о политических личностях и т.д. [1, с. 225].

25 сентября 2022 года в Италии прошли внеочередные парламентские выборы, по результатам которых наибольшее количество голосов получила правоцентристская коалиция партий «Братья Италии», «Лига Севера», «Вперед, Италия» и «Мы, умеренные». При этом партия «Братья Италии», возглавляемая Джорджей Мелони, стала главной политической силой страны [2].

Мы проанализировали статьи по итогам выборов в качественных СМИ Италии, Германии и Англии, чтобы выяснить, как выражают свое отношение к результатам голосования журналисты в разных европейских странах и какими языковыми средствами представлена данная оценка. Задача данной статьи заключается в том, чтобы изучить итальянские, немецкие и английские материа-

лы на тему выборов в Италии и проанализировать, в каком свете – благоприятном или неблагоприятном – подается победа правых и фигура Мелони.

В статье «Гардиан» журналист напрямую высказывает свое отношение к победе ультраправых на выборах в Италии: “From Italy to Sweden, Hungary to France, the far right is once again a force to be reckoned with. Its hostility towards immigrants encourages xenophobes everywhere, including in Russia. Its social conservatism threatens hard – won LGBTQ+ rights”. (От Италии до Швеции, от Венгрии до Франции, приходится снова иметь дело с ультраправыми силами. Их враждебность по отношению к иммигрантам становится причиной ненависти к иммигрантам повсюду, включая Россию. Их социальный консерватизм угрожает правам ЛГБТК+, которые с таким трудом удалось отстаять) [3].

В другой статье «Гардиан» «Братьев Италии» открыто называют фашистами: “‘post-fascist’ BrothersofItaly” (постфашистские «Братья Италии»), “Meloni’s ‘post-fascist’ party” (постфашистская партия Мелони), “neofascist origins” (неофашистское происхождение) [4].

В статье немецкого издания «Tagesschau» автор поясняет, что партия Мелони является одной из партий-преемниц неофашистской партии Итальянское социальное движение (ИСД), основанной после окончания Второй мировой войны сторонниками Муссолини. Автор подчеркивает, что Мелони привержена корням своей партии: на логотипе «Братьев Италии» горит трехцветное пламя, напоминающее о Муссолини и являющееся символом правых. Приводя цитату Мелони о том, что она этим гордится, – „Siesagt, siesei „stolz“ darauf “ – автор использует не только Конъюнктив I для передачи косвенной речи с целью дистанцироваться от содержания высказывания, но и ставит в кавычки „stolz“ («гордится») для выражения иронической, отрицательно-оценочной коннотации. [5]

В немецкой статье, опубликованной на сайте WDR, автор открыто называет Мелони «главой националистической, критикующей ЕС и отчасти расистской партии» („Giorgia Meloni, Chefin der nationalistischen, EU-kritischen und teils

rassistischen Partei...”). Автор приводит цитаты немецких политиков, обеспокоенных результатами выборов: „Der CDU-Außenpolitiker Jürgen Hart verweist auf die haarsträubenden Ansichten der Parteimitglieder von Wahlgewinnerin Meloni.“ («Представитель ХДС по иностранным делам Юрген Харт указывает на возмутительные убеждения членов партии победительницы выборов Мелони»); „Das sei extrem beunruhigend für alle Europäerinnen und Europäer, sagt Geese.“ («Это крайне тревожно для всех европейцев, говорит Гиз.»); „Der FDP-Europaexperte Alexander Graf Lambsdorff befürchtet, dass es in der EU schwieriger werde mit Italien zusammenzuarbeiten.“ («Эксперт СвДП по Европе Александр Граф Ламбсдорф опасается, что в ЕС будет сложнее сотрудничать с Италией»). Статья представляет партию правых консерваторов во главе с Мелони исключительно в негативном свете, противопоставляя им бывшего премьера Италии и члена демократической партии Драги – „allseits geachteten Mario Draghi“ («всеми уважаемый Марио Драги»), „Draghi genießt hohes Ansehen beiden Italienern“ («Драги пользуется большим уважением у итальянцев»).

В параграфе, посвященному политической фигуре Мелони, автор приводит ее цитату „sie sei "keine Gefahr für die Demokratie"“ («она "не представляет опасности для демократии"»). Фраза «не представляет опасности для демократии» взята в кавычки и явно отражает недоверие автора к данному высказыванию. Далее автор обосновывает свою позицию: „Sie hat die Brüssler EU-Bürokratie kritisiert und den rechtsnationalen ungarischen Ministerpräsidenten Viktor Oban verteidigt, nachdem die EU-Kommission empfohlen hatte, Ungarn wegen demokratischer Defizite und Korruptionsvorwürfen mehrere Milliarden Euro zu sperren.“ («Она критиковала бюрократию ЕС в Брюсселе и защищала правого премьер-министра Венгрии Виктора Обана, после того как Комиссия ЕС рекомендовала Венгрии заморозить несколько миллиардов евро из-за дефицита демократии и обвинений в коррупции») [6].

Автор статьи об итогах выборов, опубликованной Итальянским информационным агентством, более осторожен в оценке, выражает ее косвенно с по-

мощью таких языковых средств, как, например, метафора: “rivoluzione elettorale” (выборы-революция), “terremote elettorali” (выборы-землетрясение), “l'emorragia di consensi” (кровоточащее одобрение), “vittima” (жертва), “tracollo” (крушение), “rifugiati nell'astensione” (ищущие убежище в воздержании); абсолютная превосходная степень: “fedeltà elettorale bassissima” (нижайший процент явки на выборах); превосходная степень, выраженная приставкой *stra-*: “stragrande” (преогромный); эпитеты: “disastroso” (катастрофический), оксюморон “sconfitto vincente” (поражение, одерживающее победу); аллюзия: “derby” (дерби). Таким образом, выборы в Италии, точнее их итоги, сравниваются с революцией, стихийным бедствием, кровоточащей раной, поражением на войне или в спортивном соревновании. В конце статьи автор упоминает о «вине подобного результата» (“l'accolpita del risultato”), давая тем самым понять, что не согласен с результатами выборов [7].

На сайте Deutschlandfunk была опубликована статья, в центре внимания которой оказались не только результаты выборов в Италии, но в первую очередь их значение для Европы. Автор подчеркивает значимость Италии для Европейского союза: „In Zeiten des Kriegs in der Ukraine und der Energiekrise sind die europäischen Staaten enger zusammengedrückt. Als drittgrößte Volkswirtschaft der EU und fünftgrößter Truppensteller der NATO (noch vor dem Vereinigten Königreich) hat Italien eine tragende Rolle.“ («Во время войны на Украине и энергетического кризиса европейские государства стали более сплоченными. Будучи третьей по величине экономикой ЕС и пятым по величине поставщиком войск в НАТО (даже опережая Великобританию), Италия играет важную роль»).

Автор не высказывает эксплицитно свою позицию по отношению к результатам выборов, однако подбор и подача информации представляет правых во главе с Мелони в менее привлекательном свете, чем их леволиберальных оппонентов. При описании кандидатов автор называет партию «Братьев Италии» постфашистской, а в комментарии к фото Берлускони, члена союза правых партий, указывает: „Italiens Ex-Ministerpräsident und, Forza Italia'-Parteichef Silvio

Berlusconi sorgte vor den Wahlen für Empörung, als er erklärte, sein Freund Wladimir Putin sei zum Einmarsch in die Ukraine gedrängt worden.” («Экс-премьер-министр Италии и лидер партии "Вперед, Италия" Сильвио Берлускони вызвал возмущение в преддверии выборов, когда заявил, что его друга Владимира Путина подтолкнули к вторжению на Украину») [8].

В то время как левоцентристскую партию во главе с Летта автор представляет читателю как «сестру СДПГ» („die SPD-Schwester“), а в комментарии к фото Летта указывает: „Enrico Letta, Chef der sozialdemokratischen PD, hat es geschafft ein Mitte-Links-Bündnis zu schmieden“ («Энрико Летта, глава Социал-демократической партии Германии, сумел создать левоцентристский альянс»).[8]

Джорджо Мерло в своей статье на сайте Хаффпост говорит о «худших временах для итальянской демократии» (“stagionipeggoridellademocraziaitaliana”), об «аномалии, которую нельзя не осуждать» (“unaanomaliachenonsipuò nondenunciare”), «реакционном сдвиге» (“derivailliberale”), «опасности для демократии» (“dell’allarmedemocratico”), возврате к печальному упадническому прошлому (“ritornodiunpassatotristedecadente”). Итоги выборов журналист резюмирует парадоксом «настолько хуже, насколько лучше» (“tantopeggiotantomeglio”), а программу пришедшей к власти партии называет «пост идеологическим вздором» (“cianfrusagliepostideologiche”). Не обходится автор и без упоминания фашистской природы «Братьев Италии»: “rischio fascismo” («риск фашизма»). [9]

В подавляющем большинстве авторская позиция в текстах СМИ представлена резко негативным отношением к результатам выборов. Тексты отличаются имплицитно, а в ряде случаев и эксплицитно выраженной агрессивной тональностью. Вместо того чтобы привести логические аргументы против политической повестки союза правых партий, авторы прибегают к цитатам и авторитетным мнениям, навешиванию ярлыков и созданию тревожных эмоциональных образов с целью дискредитировать Мелони и ее партию.

Реакция СМИ оказалась настолько острой, что редакция немецкой качественной прессы FAZ была вынуждена опубликовать статью, в которой автор отмечает «неадекватную» реакцию в Европе на результаты выборов в Италии – „ Es war schon übergriffig, dass die Präsidentin der EU-Kommission kurz vor der Wahl präventiv mit Rechtsstaatsverfahren gegen das Land drohte. Dass Politiker in Deutschland und Frankreich, dort sogar die Premierministerin, nun die Beachtung von Menschenrechten oder der Demokratie verlangen, ist alarmistisch. Söder entpartnerte im Eifer des Gefechts sogar die Forza Italia, mit der die CSU in Straßburg in einer Fraktion sitzt.“ («Чрезмерным же стало то, что незадолго до выборов президент Европейской комиссии предупредила, что против страны будут возбуждены дела по нарушению верховенства закона. То, что политики в Германии и Франции, в том числе премьер-министр, требуют соблюдения прав человека или демократии, вызывает тревогу. На Западе Зедер даже отрекся от партии «Вперед, Италия», с которой ХСС входит в одну фракцию в Страсбурге») – и указывает на то, что жители Италии голосовали демократично и их решение нужно уважать: „Wenn sich unter 35 Millionen Bürgern in einer demokratischen Wahl eine Mehrheit für drei rechte Parteien entscheidet, dann hat das der Rest der EU zuallererst einmal zu respektieren.“ («Если на демократических выборах среди 35 миллионов граждан большинство проголосует за три правые партии, то это, прежде всего, то, что остальная часть ЕС должна уважать»).

Политический плюрализм и свобода мнений являются основой демократического общества, однако сегодня в западных СМИ все, что не соответствует леволиберальной картине мира, обозначается праворадикальными и даже экстремистским. Подтверждением этому служит острая и преимущественно негативная реакция европейских политиков и средств массовой информации на результаты выборов в Италии: «Так, премьер-министр Франции Элизабет Борн, ссылаясь на слова главы Еврокомиссии (ЕК) Урсулы фон дер Ляйен, заявила, что в ЕС есть «определенный набор ценностей», которые все должны соблюдать, в частности «в области прав человека, уважения других, уважения права

на аборт». Глава МИД Испании социалист Хосе Мануэль Альбарес, комментируя победу госпожи Мелони, был менее сдержан в оценках. «Это момент неопределенности, а в моменты неопределенности популизм всегда приобретает значение и всегда заканчивается одинаково – катастрофой», – дал неутешительный прогноз господин Альбарес. Госпожа фон дер Ляйен и вовсе не стала ждать выборов, а еще накануне заявила, что у Европы есть «инструменты» для борьбы с Италией, если дела пойдут в «трудном направлении», напомнив, что ЕК принимает меры против правых правительств Польши и Венгрии... Евро-союз волнует вопрос соблюдения либеральных ценностей, жесткая позиция по мигрантам, ЛГБТ-сообществу, инициативы Мелони по поводу каких-то ограничений в отношении мечетей и так далее» [10]. Статистический анализ зарубежной прессы показал, что 80 % авторов статей негативно настроены в отношении результатов выборов в Италии, в то время как только 20 % из них настроены нейтрально и пытаются сгладить негативные реакции других источников.

И.П. Лысакова пишет о необходимости через СМИ формировать дискурс гуманизма, уважения другого и признания неизбежной и необходимой инаковости другого и других, корректности и совместной ответственности, настроенности на конструктивное взаимодействие и движение к согласию через диалог [11, с. 242].

Список литературы

1. Федотова Л.Н. *Контент-анализ в арсенале социологии. Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования.* Часть 2. М.: Изд-во Моск. ун-та; 2004. 416 с.
2. Маслова Е. *По-братски. В Италии пришли к власти постфашисты. Почему их считают наследниками Муссолини и стоит ли их бояться?* URL: https://lenta.ru/articles/2022/10/08/it_conserv [дата обращения: 06.11.2022].
3. Clarke S., Voce A. Italian election 2022: live official results. *The Guardian.* 2022. URL: <https://www.theguardian.com/world/ng-interactive/2022/sep/25/italian-election-2022-live-official-results> [дата обращения: 05.11.2022].
4. Italy election: who's running, who will win, and why does it matter? *The Guardian.* 2022. URL: <https://www.theguardian.com/world/2022/sep/08/italy-election-analysis-far-right-brothers-of-italy-coalition-eu> [дата обращения: 29.10.2022].

5. Radikale Rechte feiert „Nacht des Stolzes“. *Tagesschau*. 2022. URL: <https://www.tagesschau.de/ausland/europa/wahl-italien-115.html> [дата обращения: 20.10.2022].
6. Wie ist der Rechtsruck bei der Italien-Wahl zu erklären? *WDR*. 2022. URL: <https://www1.wdr.de/nachrichten/italien-waehlt-neues-parlament-100.html> [дата обращения: 21.10.2022].
7. Chi ha vinto le elezioni, come e perché: un'analisi finale. *Agenzia Giornalistica Italia*. 2022. URL: <https://www.agi.it/politica/news/2022-10-01/elezioni-politiche-risultati-analisi-youtrend-18277507/> [дата обращения: 08.11.2022].
8. Rechtsbündnis von Giorgia Meloni triumphiert. *Deutschlandsfunk*. 2022. URL: <https://www.deutschlandfunk.de/italienwahl-104.html> [дата обращения: 23.10.2022].
9. Merlo G. Tornal'opposizione del “tanto peggio tanto meglio”? *Huffpost*. 2022. URL: www.huffingtonpost.it/blog/2022/10/08/news/torna_l'opposizione_del_tanto_peggio_tanto_meglio-10369633/ [дата обращения: 17.10.2022].
10. Братоцентристская коалиция. Как результат парламентских выборов в Италии испугал и обрадовал Европу. *Коммерсантъ*. 2022. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5581981?ysclid=lev0r9wksm343678281> [дата обращения: 04.03.2023].
11. Лысакова И.П. *Язык газеты и типология прессы. Социолингвистическое исследование*. СПб.: Филологический факультет СПбГУ; 2005. 256 с.

References

1. Fedotova L. N. *Content-Analysis as a Tool in Sociology. Language of Mass Media as an Object of Interdisciplinary Studies*. Part 2. М.: Izd-vo Mosk. un-ta; 2004. 416 p. (In Russ.)
2. Maslova E. *Like Brothers. Post-fascists Took Office in Italy. Why Are They Considered Successors of Mussolini and Should We Be Afraid of Them?* Available from: https://lenta.ru/articles/2022/10/08/it_conserv [accessed: 06.11.2022]. (In Russ.)
3. Clarke S., Voce A. Italian election 2022: live official results. *The Guardian*. 2022. Available from: <https://www.theguardian.com/world/ng-interactive/2022/sep/25/italian-election-2022-live-official-results> [accessed: 05.11.2022]. (In Eng.)
4. Italy election: who's running, who will win, and why does it matter? *The Guardian*. 2022. Available from: <https://www.theguardian.com/world/2022/sep/08/italy-election-analysis-far-right-brothers-of-italy-coalition-eu> [accessed: 29.10.2022]. (In Eng.)
5. Radikale Rechte feiert „Nacht des Stolzes“. *Tagesschau*. 2022. Available from: <https://www.tagesschau.de/ausland/europa/wahl-italien-115.html> [accessed: 20.10.2022]. (In Germ.)
6. Wie ist der Rechtsruck bei der Italien-Wahl zu erklären? *WDR*. 2022. Available from: <https://www1.wdr.de/nachrichten/italien-waehlt-neues-parlament-100.html> [accessed: 21.10.2022]. (In Germ.)
7. Chi ha vinto le elezioni, come e perché: un'analisi finale. *Agenzia Giornalistica Italia*. 2022. Available from: <https://www.agi.it/politica/news/2022-10-01/elezioni-politiche-risultati-analisi-youtrend-18277507/> [accessed: 08.11.2022]. (In Ital.)
8. Rechtsbündnis von Giorgia Meloni triumphiert. *Deutschlandsfunk*. 2022. Available from: <https://www.deutschlandfunk.de/italienwahl-104.html> [accessed: 23.10.2022]. (In Germ.)
9. Merlo G. Tornal'opposizione del “tanto peggio tanto meglio”? *Huffpost*. 2022. Available from: www.huffingtonpost.it/blog/2022/10/08/news/torna_l'opposizione_del_tanto_peggio_tanto_meglio-10369633/ [accessed: 17.10.2022]. (In Ital.)
10. Brothercentrist coalition. How the result of the Parliamentary elections in Italy frightened and delighted Europe. *Kommersant*. 2022. Available from:

<https://www.kommersant.ru/doc/5581981?ysclid=lev0r9wksm343678281>[accessed: 04.03.2023].(In Russ.)

11. Lysakova I.P. *Language of Newspaper and Typology of Press. Sociolinguistic Study*. SPb.: Filologicheskij fakul'tet SPbGU; 2005. 256 p. (In Russ.)

Автор публикации

Доржиева Долгорма Цырендашиевна –
доцент

*Байкальский государственный университет
Иркутск, Российская Федерация*

Email: english1253@mail.ru

Универсальюк Елена Александровна –
доцент

*Байкальский государственный университет
Иркутск, Российская Федерация*

Email: elenauniv@mail.ru

**Раскрытие информации о конфликте
интересов**

*Автор заявляет об отсутствии
конфликта интересов.*

Информация о статье

Поступила в редакцию: 09.01.2023

Одобрена после рецензирования: 20.02.2023

Принята к публикации: 28.02.2023

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о рецензировании

«Казанский лингвистический журнал» благодарит анонимного рецензента (рецензентов) за их вклад в рецензирование этой работы.

Author of the publication

Dolgorma Dorzhieva –
Associate Professor

*Baikal State University
Irkutsk, Russian Federation*

Email: english1253@mail.ru

Elena Universalyuk –
Associate Professor

*Baikal State University
Irkutsk, Russian Federation*

Email: elenauniv@mail.ru

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Article info

Submitted: 09.01.2023

Approved after peer reviewing: 20.02.2023

Accepted for publication: 28.02.2023

The author has read and approved the final manuscript.

Peer review info

Kazan Linguistic Journal thanks the anonymous reviewer(s) for their contribution to the peer review of this work.

**ФИЛОЛОГИЯ. ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ, ПРИКЛАДНАЯ И
СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА
PHILOLOGY. THEORETICAL, APPLIED AND COMPARATIVE
LINGUISTICS**

Научная статья
УДК 811.111

Филологические науки
<https://doi.org/10.26907/2658-3321.2023.6.1.111-122>

**ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ТРАКТОВОК КРАСНОГО
ЦВЕТА В БРИТАНСКОЙ И АМЕРИКАНСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ
(по материалам опроса искусственных билингвов)**

А.В. Дымова¹, О.Ю. Яценко²

Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Россия

¹*dym.alyona@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2931-5199>*

²*sunny1.3@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1197-7186>*

Аннотация. В статье представлены результаты экспериментального исследования трактовок красного цвета в британской и американской лингвокультурах, которое проводилось на материале рок-дискурса этих лингвокультур и состояло из трех этапов: подготовительного, экспериментального, заключительного. Цель – установить, соответствуют ли психофизические, лингвокультурные и лексикографические данные об этом цвете в британской и американской лингвокультурах, идентифицированные на подготовительном этапе, действительному восприятию и трактовке красного цвета искусственными билингвами, владеющими английским языком. По результатам первого блока экспериментального этапа (открытый вопрос) ответы респондентов разделены на две группы: изобразительные толкования и метафорические ассоциации. Большинство из них соответствуют данным подготовительного этапа. На второй стадии этого этапа все из трех трактовок красного цвета («энергия», «революция / радикальность», «опасность»), определенные на подготовительном этапе, были успешно установлены респондентами при анализе предложенных обложек британского и американского рок-дискурсов. Для каждой из шести исследованных рок-обложек удалось установить дополнительные трактовки красного цвета. На третьей стадии экспериментального этапа (закрытый вопрос) все трактовки красного цвета, определенные на подготовительном этапе с помощью психофизических, лингвокультурных и лексикографических данных, были так или иначе выбраны респондентами, что подтвердило их релевантность в отношении исследуемых лингвокультур.

Ключевые слова: красный цвет; лингвокультура; английский; рок-дискурс; обложка; трактовка; эксперимент

Для цитирования: Дымова А.В., Яценко О.Ю. Экспериментальное исследование трактовок красного цвета в британской и американской лингвокультуре. *Казанский лингвистический журнал*. 2023;6(1): 111–122. <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2023.6.1.111-122>

Original article

Philology studies
<https://doi.org/10.26907/2658-3321.2023.6.1.111-122>

**EXPERIMENTAL STUDY ON THE COLOUR RED INTERPRETATIONS IN
BRITISH AND AMERICAN LINGUOCULTURES
(based on a survey of artificial bilinguals)**

A.V. Dymova¹, O.Yu. Yatsenko²

Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia

¹*dym.alyona@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2931-5199>*

²*sunny1.3@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1197-7186>*

Abstract. The article presents the results of an experimental study on the interpretations of the colour red in British and American linguocultures, which was carried out on the material of the rock discourse of these linguocultures and consisted of three stages: preparatory; experimental; final. The goal was to establish whether the psychophysical, linguocultural and lexicographic data about this color in the British and American linguocultures, identified at the preparatory stage, correspond to the actual perception and interpretation of the red color by speakers of English as a second language. According to the results of the first block of the experimental stage (open question), the respondents' answers were divided into two groups – associative definitions and metaphorical associations. Most of them correspond to the data of the preparatory stage. In the second part of this stage, all of the three interpretations of red (“energy”, “revolution / radicalism”, “danger”), identified at the preparatory stage, were successfully established by the respondents when analyzing the proposed covers of British and American rock discourse. For each of the six studied rock covers, it was possible to establish additional interpretations of red. In the third part of the experimental stage (closed question), all interpretations of the color red, determined at the preparatory stage with the help of psychophysical, linguocultural and lexicographic data, were somehow chosen by the respondents, which confirmed their relevance in relation to the studied linguocultures.

Keywords: colour red, linguoculture, English, rock discourse, album cover, interpretation, experiment.

For citation: Dymova A.V., Yatsenko O.Yu. Experimental Research on the Colour Red Interpretations in British and American Linguocultures. *Kazan Linguistic Journal*. 2023;6(1): 111–122. (In Russ.). <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2023.6.1.111-122>

В настоящей статье освещаются результаты экспериментального исследования трактовок красного цвета в британской и американской лингвокультурах. Исследование проводилось на материале рок-дискурса этих лингвокультур и трактовок красного цвета, которые наиболее актуальны для него.

Исследованию цвета посвящено внушительное количество лингвистических исследований, например: цвет в конкретном дискурсе [1], цвет при описании конкретного объекта [2], экспериментальные исследования восприятия объектов одного цвета [3] и проч. Многие из них обращены к лингвистике цвета в контексте именно английского языка, например: литературные произведения [4], цветоименования [5]. Тем не менее, изучение цвета по-прежнему представляет собой актуальную сферу исследований. Это объясняется как многообразием условностей восприятия и анализа цвета, так и разнообразием лингвокультур, а также дискурсов, в которых функционирует тот или иной цвет. Говоря о рок-дискурсе, выбранном для настоящего экспериментального исследова-

дования, мы отмечаем, что исследователи нередко говорят о его потенциале в настоящее время для различного рода научных изысканий [6, 7]. Актуальность обращения к рок-дискурсу представляется нам и в его высокой степени метафоризации, благоприятной для анализа трактовок цвета.

В целом, в исследовании приняло участие 120 респондентов, говорящих на английском языке, которые прошли подготовленный нами опрос. Участники экспериментального исследования в равной степени профессионально связаны как с лингвистическими (например, перевод и межкультурная коммуникация, лингвистика, преподавание иностранных языков), так и нелингвистическими специальностями. Независимо от их специальности, уровень владения английским языком респондентов (в соответствии с CEFR) представлен в следующем процентном соотношении: A2 (15%), B1 (20%), B2 (40%), C1 (15%), C2 (10%). Опрошенные представляют следующие регионы: Россия – 40%; Азия (например, Китай, Япония, Вьетнам) – 45%; Европа (например, Финляндия, Германия, Италия) – 15%.

Данное экспериментальное исследование состояло из следующих этапов:

1. Подготовительный – отбор обложек альбомов рок-дискурса, изучение психофизических, лингвокультурных и лексикографических интерпретаций красного цвета в исследуемых лингвокультурах и составление перечня трактовок этого цвета;

2. Экспериментальный:

а) определение цветовых ассоциаций англоговорящих респондентов. Испытуемые были опрошены на предмет лексем, которые приходят им на ум при виде красного цвета. По своей форме данный вопрос был открытым;

б) исследование ассоциаций на уровне обложек рок-альбомов. Респонденты должны были назвать лексем, при помощи которых они могли бы интерпретировать использование красного цвета в контексте предложенных обложек британских и американских рок-альбомов;

в) установление цветовых ассоциаций респондентов при помощи закрытого вопроса. Опрашиваемым был предложен список трактовок красного цвета, из которых нужно было выбрать те, которые ассоциируются у них с красным в англоязычных лингвокультурах. Перечень трактовок был составлен на подготовительном этапе.

3. Заключительный – сбор, систематизация и интерпретация полученных данных в ходе предыдущих этапов, а также их аналитическая обработка в ходе написания статьи по итогам исследования.

Таким образом, цель настоящего исследования заключается в том, чтобы установить, соответствуют ли психофизические, лингвокультурные и лексикографические данные об этом цвете в британской и американской лингвокультурах действительному восприятию и интерпретации красного цвета искусственными билингвами, владеющими английским языком. В работе были использованы следующие методы: описание, сравнение и сопоставление; контекстуальный, дефиниционный анализ и когнитивно-дискурсивный анализ; опрос и ассоциативный эксперимент.

В рамках подготовительного этапа на основе психофизических, лингвокультурных и лексикографических данных были вычленены основные трактовки красного цвета в британской и американской лингвокультурах (см. Таблица 1). Интересно, что некоторые из представленных трактовок можно выделить из нескольких рассматриваемых источников.

Результаты, полученные на экспериментальном этапе, сравнивались с трактовками, установленными на подготовительном этом этапе. Примечательно отмечаемое сходство трактовок в двух исследуемых лингвокультурах.

Таблица 1.

Трактовка красного цвета на основе психофизических, лингвокультурных и лексикографических данных (подготовительный этап)

Трактовка	Источник
психофизические	
энергия	влияние на уровне биологических процессов, например [8, 9]: повышение кровяного давления, мускульное напряжение и проч.
возбуждение	
тепло	

лингвокультурные	
опасность	дорожный знак «Stop», запрещающий сигнал
грех	пролитие крови, облик дьявола
национальное самоопределение	Юнион Джек, Звездно-полосатый флаг
революция / радикальность	коммунизм, социализм
милитарность	парадный мундир
лексикографические	
противозаконность	<i>a red card, to be caught red-handed</i>
злость	<i>to see red, red-hot anger</i>
смущение	<i>to have a red face / ears</i>
торжественность	<i>to roll out the red carpet, red-letter day</i>
обман	<i>a red herring</i>
жестокость / насилие	<i>to be red in tooth and claw</i>
финансовые трудности	<i>to be in the red</i>
веселье	<i>to paint the town red</i>

Как следует из результатов первого блока экспериментального этапа (см. Таблица 2), ответы респондентов можно условно разделить на две группы – изобразительные толкования и метафорические ассоциации. Лексемы, отнесенные в первую группу, определяют красный цвет с помощью реального предмета этого цвета. Важно, что все наиболее распространенные изобразительные толкования (например, *blood, fire, wine*), предложенные опрошенными – те же, что и были выделены нами на подготовительном этапе.

Таблица 2.

Ассоциации респондентов с красным цветом (открытый вопрос, экспериментальный этап)

Изобразительные толкования		Метафорические ассоциации	
кровь (<i>blood</i>)	10,2%	эмоции / чувства (<i>passion, unrestraint, enthusiasm, anxiety, aggression, anger, rage, love, stress</i>)	19,5%
пламя (<i>fire, the sun</i>)	6,4%	энергия (<i>energy, strength</i>)	13,7%
еда (<i>apple, strawberries, ketchup, tomato, cherry, watermelon, wine, jam</i>)	5,2%	опасность (<i>danger, warning, attention</i>)	11%
страны (<i>China, the USSR, flag</i>)	4,8%	революция / радикальность (<i>revolution, rebellion</i>)	9%
реалии Великобритании (<i>double-decker, telephone box</i>)	1,5%	жестокость / насилие (<i>violence, fight, war, death</i>)	7,4%
одежда / косметика (<i>lipstick, shoes, dress</i>)	1%	здоровье (<i>health, beauty</i>)	2,9%
цветы (<i>rose</i>)	0,8%	успех (<i>success</i>)	2,9%
		веселье (<i>fun</i>)	2,3%
		время года (<i>autumn</i>)	1,4%
Итого:	29,9%	Итого:	70,1%

Согласно Таблице 2 преимущество приведенных метафорических ассоциаций отражает нашу интерпретацию трактовок красного цвета на подготови-

тельном этапе. Более того, примечателен тот факт, что метафорические ассоциации составили большинство (70,1%) в общем скопе ответов респондентов.

Второй шаг экспериментального этапа, связанный с комментированием применения красного цвета в контексте обложек альбомов британского и американского рок-дискурсов, был проведен в отношении 6 контекстов и 3 трактовок («энергия», «революция / радикальность», «опасность»). Все обложки отбирались исходя из популярности трактовок красного цвета в исследуемых рок-дискурсах, предварительно определенных с помощью когнитивного дискурсивного, компонентного и дефиниционного анализа.

Первая рассмотренная трактовка представлена Рис. 1 и 2 для британского и американского рок-дискурсов соответственно – «энергия». Обе обложки изображают объекты (машина, световой поток), которые наделены красным цветом и передвигаются на высокой скорости. Идея закладывается как на иконическом уровне (например, машина, обгоняющая лошадь), так и на вербальном (например, *desperate* – “ready to do anything”, “moved”).

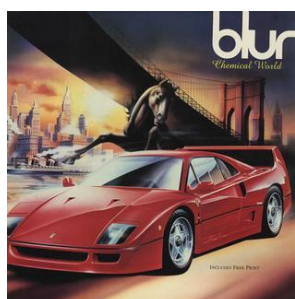

Рис. 1. Blur *Chemical World*, 1993

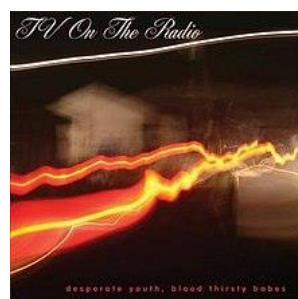

Рис. 2. TV on the Radio *Desperate Youth, Blood Thirsty*, 2004

Все ответы участников в отношении красного цвета на Рис. 1 и 2 можно разделить на две категории: 1) ответы, связанные с трактовкой «энергия»; 2) иные ответы. Большинство всех ответов (65%) про Рис. 1 относятся к первой категории, которая представлена такими частотными ответами, как *energy*, *(super) fast*, *(high) speed*, *action*, *power* и проч. Остальные 35% ответов относятся ко второй категории, например: *prosperity*, *luxury*, *rich*, *money*, *glamour*, *expensive* и проч., и отражают иную трактовку цвета в этих лингвокультурах – «роскошь / богатство».

Целых 89% ответов, данных в отношении Рис. 2, также относятся к первой категории: *speed, energy, electricity, (fast) lightning, thunder, fire, heat* и проч. Лишь 11% предложенных ответов относятся ко второй категории: *danger, pain, blood, hurt, violence* и проч., и, очевидно, отражают трактовку «опасность» и «жестокость / насилие».

Таким образом, исходя из ответов респондентов, можно выделить в данном случае корреляцию не только между красным цветом и трактовкой «энергия», составившую большинство ассоциаций и установленную нами на подготовительном этапе, но и трактовками «роскошь / богатство», а также «опасность» и «жестокость / насилие».

Следующая из рассмотренных трактовок – «революция / радикальность». Рис. 3 и 4 представлены лексемами, относящимися к семантическому полю протеста. Лексема *rise* либо сопровождается красным цветом на фоне, либо окрашена в этот цвет. Обращение именно к этой трактовке цвета подтверждается как на вербальном уровне композиции (Рис. 4 – *It's our time to change it all/ Rise and Revolution*), так и на иконическом (Рис. 3 – вскинутый вверх кулак).

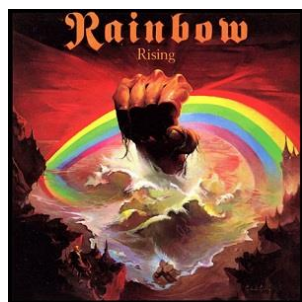

Рис. 3. Rainbow Rising, 1976

Рис. 4. Skillet Rise, 2013

Интерпретация респондентами красного цвета на Рис. 3 и 4 может быть также разделена на две категории: 1) ответы, связанные с трактовкой «революция / радикальность»; 2) иные ответы. Только 47% ответов про Рис. 3 могут быть отнесены к первой категории: *revolt, political pressure, a call for action, uprising, rebellion* и проч. Трактовка красного цвета, идентифицированная нами на подготовительном этапе, хоть и была ясна определенному проценту опрошенных, но, вероятно, не была наиболее очевидной в рамках данного контекста. Ответы второй категории (53%) составили следующие частотные варианты:

power, strength, wrath, control, war, blood, violence, hell, apocalypse, sin и проч. Таким образом, респондентами была так же вычленена трактовка «энергия», «злость», «жестокость / насилие» и «грех».

Лексемы, предложенные в контексте Рис. 4, на 72% относятся к первой категории: *uprising, rebel, rebellion, resistance, rise up, revolution, terrorist* и проч. Среди 28% представленных ответов второй категории возможно вычленить: «злость» (*anger, hate* и проч.), «жестокость / насилие» (*war, blood, death, kill* и проч.), «опасность» (*danger* и проч.), «страх» (*fear, scary, dreadful, horror* и проч.). Результаты однозначно показали, что трактовка, идентифицированная нами на подготовительном этапе, считается опрошенными легче.

Третьей для изучения была выбрана трактовка «опасность». На Рис. 5 опасность заключается в возможном трагическом исходе от употребления наркотических средств (*You burn too bright/ You live too fast/ ... / You're a tragedy starting to happen*). В свою очередь, Рис. 6 представлен изображением VU-измерителя, т.е. измерителя уровня звука, стрелка которого показывает на максимум, т.е. сигнализирует недопустимо опасный уровень громкости.

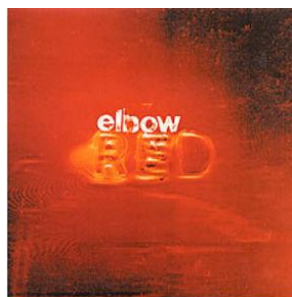

Рис. 5. Elbow *Red*, 2001

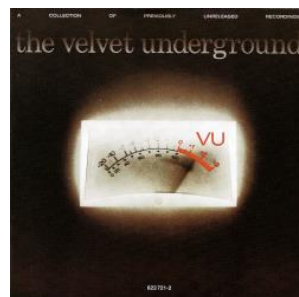

Рис. 6. Velvet Underground *VU*, 1985

Ответы в отношении Рис. 5 и 6 вновь могут быть разделены на две категории: 1) ответы, связанные с трактовкой «опасность»; 2) иные ответы. Лишь 44% предложенных для Рис. 5 лексем были отнесены к первой категории: *danger (warning)* и проч. Примечательно, что ответы второй категории так или иначе взаимосвязаны с трактовкой «опасность», поскольку могут выступать ее причиной или следствием: «жестокость насилие» (*blood, suffering* и проч.), «энергия» (*burning, hot, fire, flame* и проч.), «паника / страх» (*confusion, madness,*

psychological pressure и проч.). Как видно из результатов, респондентам была очевидно понятна трактовка красного цвета на Рис. 5, установленная нами на подготовительном этапе, но составила лишь около половины всех ответов и также была выражена другими взаимосвязанными трактовками.

Несколько иначе ситуация представлена в отношении Рис. 6, где 91% ответов относятся к первой категории: *danger (limit, level, warning, zone), emergency, hazardous, critical, threat* и проч. При этом ответы второй категории привносят одну дополнительную трактовку красного цвета для контекста – «энергия»: *hot, (high) speed, fast* и проч.

Наконец, на заключительной стадии экспериментального этапа участникам опроса был предложен список трактовок, установленных нами на подготовительном этапе (см. Таблица 1). Задача заключалась в том, чтобы выбрать те трактовки красного цвета, которые, по их мнению, представляют наибольшую актуальность для британской и американской лингвокультур. Результаты могут быть представлены следующей диаграммой (см. Рис. 7):

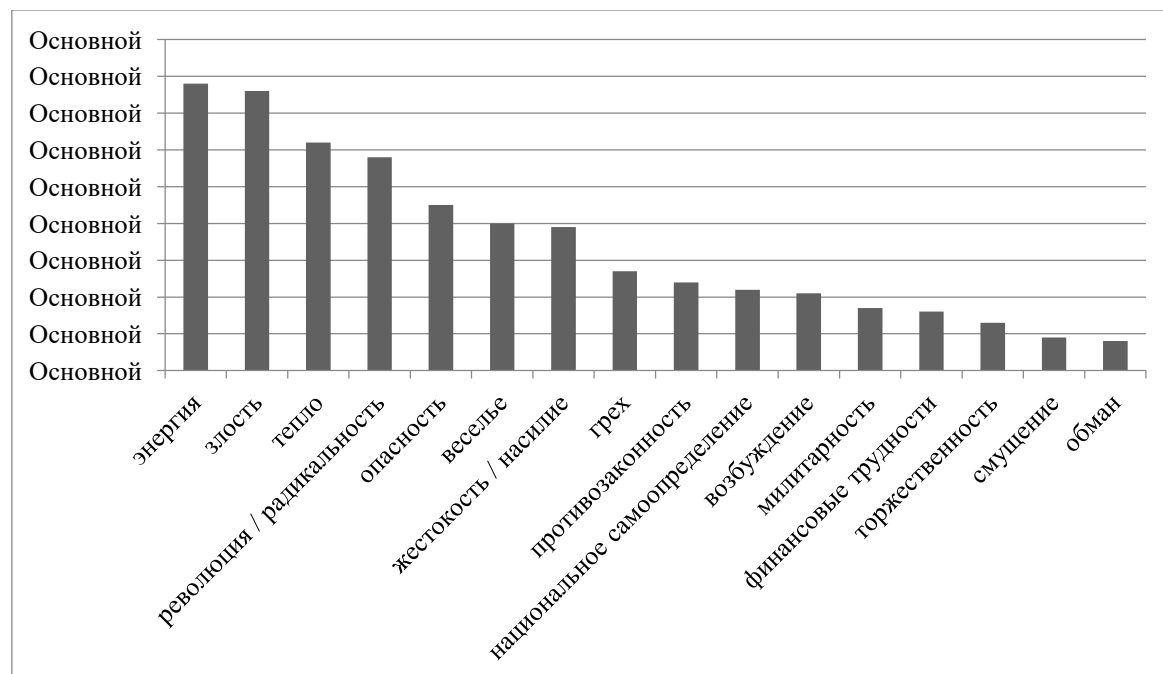

Рис. 7. Ассоциации респондентов с красным цветом (закрытый вопрос, экспериментальный этап)

Таким образом, данный этап показал, что все из установленных на подготовительном этапе трактовок в той или иной мере релевантны для исследуемых

лингвокультур. Более того, все три выбранные трактовки («энергия», «революция / радикальность», «опасность») второй стадии экспериментального этапа находятся в топ-5.

По результатам настоящего экспериментального исследования трактовок красного цвета в британской и американской лингвокультурах мы пришли к следующим выводам:

- изучив психофизические, лингвокультурные и лексикографические данные о красном цвете, было установлено 16 трактовок цвета для британской и американской лингвокультур. Преимущество этих трактовок также определяются респондентами на первой стадии экспериментального этапа (открытый вопрос). Именно метафорические ассоциации составили большинство ответов, а наиболее частотные изобразительные толкования респондентов были также установлены нами на подготовительном этапе;

- все из трех трактовок красного цвета («энергия», «революция / радикальность», «опасность»), задействованных на второй стадии экспериментального этапа, были успешно определены респондентами при анализе предложенных обложек британского и американского рок-дискурса. Для 4 из 6 рассмотренных контекстов более 60% ответов были даны в связи с трактовками красного цвета, установленными нами на подготовительном этапе. Очевидно, что более низкий процент для остальных трех контекстов связан с интегративностью этих креолизованных текстов, а также многозначностью их невербальных средств. Более того, для каждой из восьми исследованных рок-обложек удалось установить дополнительные трактовки красного цвета;

- все трактовки красного цвета, определенные на подготовительном этапе, были выбраны респондентами на третьей стадии экспериментального этапа (закрытый вопрос) в том или ином процентном соотношении. С одной стороны, это продемонстрировало релевантность данных, полученных нами на подготовительном этапе; с другой стороны, позволило установить, что трактовки, выбранные нами для анализа в контексте рок-дискурса, находятся среди лидиру-

ЮЩЕЙ ПОЛОВИНЫ ОТВЕТОВ.

Список литературы

1. Тихонова И.Б. Green technology: метафора цвета в профессиональном дискурсе. *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2022; 1(89): 129–137. URL: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2022-24-1-129-137>.
2. Высоцкая И.В. Каким бывает "цвет лица": взгляд лингвиста. *Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология*. 2022; 8(2): 281–298. URL: <https://doi.org/10.28995/2686-7249-2022-8-281-298>.
3. Rohde H., Rubio-Fernandez P. Color interpretation is guided by informativity expectations, not by world knowledge about colors. *Journal of Memory and Language*. 2022; 127. URL: <https://doi.org/10.1016/j.jml.2022.104371>.
4. Карташкова Ф.И., Беляева Л.Е. Значение цвета в английских литературных произведениях. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика*. 2022; 1: 201–212. URL: <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-1-201-212>.
5. Mylonas D., MacDonald L. Augmenting basic Colour terms in English. *Color Research & Application*. 2016; 41(1): 32–42. URL: <https://doi.org/10.1002/col.21944>.
6. Дюкин С.Г. Рок-н-ролльный дискурс как зеркало перестройки. *Диалог со временем*. 2021; 76: 265–275. URL: <https://doi.org/10.21267/AQUILO.2021.76.76.007>.
7. Von Appen R. Analyzing and Interpreting Song Forms. *The Bloomsbury Handbook of Rock Music Research*. гл. ред. и сост. А. Moore, P. Carr. Нью-Йорк: Bloomsbury Academic; 2020. с.91–106.
8. Buechner V.L., Maier M.A. Not always a matter of context: direct effects of red on arousal but context-dependent moderations on valence. *PeerJ*. 2016; 4. URL: <https://doi.org/10.7717/peerj.2515>.
9. Mentzel S.V., Schücker L., Hagemann N., Strauss B. Emotionality of Colors: An Implicit Link between Red and Dominance. *Front Psychol*. 2017; 8 (317). URL: <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2017.00317>.

References

1. Tikhonova I.B. Green Technology: Color Metaphor in Professional Discourse. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2022; 24(1): 129–137. Available from: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2022-24-1-129-137>. (In Russ.)
2. Vysotskaya I.V. Kinds of ‘complexion’: a linguist’s view”. *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies”*. 2022; 8(2): 281–298. Available from: <https://doi.org/10.28995/2686-7249-2022-8-281-298>. (In Russ.)
3. Rohde H., Rubio-Fernandez P. Color interpretation is guided by informativity expectations, not by world knowledge about colors. *Journal of Memory and Language*. 2022; 127. Available from: <https://doi.org/10.1016/j.jml.2022.104371>.
4. Kartashkova F.I., Belyaeva L.E. Colour Meaning in English Literary Pieces. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*. 2022; 1: 201–212. Available from: <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-1-201-212>.
5. Mylonas D., MacDonald L. Augmenting basic Colour terms in English. *Color Research & Application*. 2016; 41(1): 32–42. Available from: <https://doi.org/10.1002/col.21944>.
6. Dyukin S.G. Rock-discourse as the reflection of Perestroika. *Dialogue with Time*. 2021; 76: 265–275. Available from: <https://doi.org/10.21267/AQUILO.2021.76.76.007>. (In Russ.)
7. Von Appen R. Analyzing and Interpreting Song Forms. *The Bloomsbury Handbook of Rock Music Research*. ch. ed. and comp. A. Moore, P. Carr. New York: Bloomsbury Academic; 2020. pp.91–106.

8. Buechner V.L., Maier M.A. Not always a matter of context: direct effects of red on arousal but context-dependent moderations on valence. *PeerJ*. 2016; 4. Available from: <https://doi.org/10.7717/peerj.2515>.

9. Mentzel S.V., Schücker L., Hagemann N., Strauss B. Emotionality of Colors: An Implicit Link between Red and Dominance. *Front Psychol*. 2017; 8 (317). Available from: <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2017.00317>.

Автор публикации

Дымова Алена Вячеславовна –
кандидат филологических наук, доцент
Уральский Федеральный Университет
Екатеринбург, Россия
Email: dym.alyona@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0003-2931-5199>

Яценко Оксана Юрьевна –
кандидат педагогических наук, доцент
Уральский Федеральный Университет
Екатеринбург, Россия
Email: sunny1.3@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0003-1197-7186>

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 09.01.2023
Одобрена после рецензирования: 20.02.2023
Принята к публикации: 28.02.2023
Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о рецензировании

«Казанский лингвистический журнал» благодарит анонимного рецензента (рецензентов) за их вклад в рецензирование этой работы.

Author of the publication

Dymova Alyona Vyacheslavovna –
PhD in Philology, Associate Professor
Ural Federal University
Yekaterinburg, Russia
Email: dym.alyona@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0003-2931-5199>

Yatsenko Oksana Yurevna –
PhD in Pedagogy, Associate Professor
Ural Federal University
Yekaterinburg, Russia
Email: sunny1.3@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0003-1197-7186>

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Article info

Submitted: 09.01.2023
Approved after peer reviewing: 20.02.2023
Accepted for publication: 28.02.2023

The author has read and approved the final manuscript.

Peer review info

Kazan Linguistic Journal thanks the anonymous reviewer(s) for their contribution to the peer review of this work.

**ФИЛОЛОГИЯ. ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ, ПРИКЛАДНАЯ И
СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА
PHILOLOGY. THEORETICAL, APPLIED AND COMPARATIVE
LINGUISTICS**

Научная статья
УДК 81-114.2

Филологические науки
<https://doi.org/10.26907/2658-3321.2023.6.1.123-133>

**КОММУНИКАТИВНАЯ СТРАТЕГИЯ ДИСКРЕДИТАЦИИ
РОССИИ В НЕМЕЦКИХ СМИ ПРИ ОСВЕЩЕНИИ СОБЫТИЙ НА
УКРАИНЕ (МАРТ-МАЙ 2022 ГОДА)**

Н.А. Красавский

*Волгоградский государственный социально-педагогический университет, Волгоград, Россия
nkrasawski@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6467-9305>*

Аннотация. Политическая лингвистика – относительно новое филологическое направление в России. Сегодня оно активно и продуктивно развивается, обогащая своими достижениями гуманитарные и социальные науки. Результаты исследований в области политической лингвистики востребованы не только в филологии, но и в таких отраслях знания, как политология и социология. Статья посвящена рассмотрению вопроса применения коммуникативной стратегии дискредитации в современном немецком политическом дискурсе. Материал исследования – статьи, опубликованные в известных обществу газетах и журналах Германии “Focus“, “Handelsblatt“, “Tageszeitung”. Статьи посвящены оценке событий на Украине в марте – мае 2022 года. Автор устанавливает, что одной из основных коммуникативных стратегий в речевом жанре «статья» немецких СМИ, дискутирующих проблему взаимоотношений с Россией, является стратегия дискредитации. Этот факт объясняется коммуникативным замыслом адресанта нанести максимальный урон репутации своему оппоненту – Российской Федерации, настроить общественное мнение против ее руководства, обосновать современную внешнюю политику ФРГ. Лингвистический анализ текстов СМИ показывает оценочное отношение журналистов, экспертов, государственных и политических деятелей Германии к событиям на Украине, ценностные ориентиры представителей западной цивилизации, равно как и ими используемые средства языковой манипуляции сознанием читателей. Стратегия дискредитации в немецких СМИ реализуется через ряд коммуникативных тактик. Чаще всего используются тактики обвинения, оскорбления и акцентирования отрицательной информации. Читателю предлагается обоснование их активного применения экспертами, журналистами, политическими и государственными деятелями Германии. Автор статьи устанавливает основные лексико-стилистические и синтактико-стилистические средства, служащие для речевого воплощения коммуникативной стратегии дискредитации.

Ключевые слова: дискредитация; коммуникативная стратегия; коммуникативная тактика; оценка; автор; статья

Для цитирования: Красавский Н.А. Коммуникативная стратегия дискредитации России в немецких СМИ при освещении событий на Украине (март-май 2022 года). *Казанский лингвистический журнал*. 2023;6(1): 123–133. <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2023.6.1.123-133>

Original article

Philology studies

<https://doi.org/10.26907/2658-3321.2023.6.1.123-133>

**COMMUNICATIVE STRATEGY OF DISCREDITING RUSSIA USED
IN GERMAN MEDIA COVERING THE EVENTS IN UKRAINE
(MARCH-MAY 2022)**

N.A. Krasavsky

Volgograd State Socio-Pedagogical University, Volgograd, Russia
nkrasawski@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6467-9305>

Abstract. Political linguistics is a relatively new branch of philological science in Russia. It is actively and productively developing at present, enriching the humanities and social sciences with its achievements. The results of research in the field of political linguistics are in demand not only in philology but also in such areas of knowledge as political science and sociology. The article considers the question of communicative strategy of discrediting in modern German political discourse. The research material is presented by articles published in the well-known German newspapers and magazines: "Focus", "Handelsblatt", "Tageszeitung". These articles are devoted to the assessment of events in Ukraine in March – May 2022. The author establishes that one of the main communicative strategies in the speech genre of "article" in the German media discussing the problem of relations with Russia is a strategy of discrediting. This fact is explained by the sender's communicative intention to inflict maximum damage to the reputation of his opponent – the Russian Federation, to turn public opinion against its leadership, to justify modern foreign policy of Germany. The linguistic analysis of mass media's texts shows the evaluative attitude of journalists, experts, state and political figures of Germany to the events in Ukraine, value orientations of the Western civilization's representatives, as well as means of linguistic manipulation of the readers' minds used by them. The strategy of discrediting in the German media is implemented through a number of communicative tactics. The most commonly used are tactics of accusations, insult and highlighting the negative information. The reader is offered a justification for their active use by experts, journalists, German politicians and statesmen. The author of the article reveals main lexical-stylistic and syntactic-stylistic means that are used to convey communicative strategy of discrediting in speech.

Keywords: discrediting; communicative strategy; communicative tactics; evaluation; author; article

For citation: Krasavsky N.A. Communicative Strategy of Discrediting Russia Used in German Media Covering the Events in Ukraine (March-May 2022). *Kazan Linguistic Journal*. 2023;6(1): 123–133. (In Russ.). <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2023.6.1.123-133>

Факт всё возрастающего внимания лингвистов к проблемам политическо-го дискурса объясняется, на наш взгляд, с одной стороны, темпами стремительно развивающихся информационно-коммуникационных технологий, нынешние масштабы которых трудно было бы себе представить два-три десятилетия тому назад, а с другой – набирающей силу конфронтацией между целым рядом государств в последние годы, в целом нестабильностью, турбулентностью полити-

ческой ситуации в мире. Естественно, что помимо экстралингвистических причин активного и многоаспектного изучения вопросов политического дискурса – шире проблем политической лингвистики – имеет место объясняющий положение дел и факт лингвистического порядка – изучение политического дискурса, политического языка и языка политиков как в теоретическом, так и в прикладном отношении.

Посвященная вопросам политической лингвистики научная литература, в частности и российская литература последнего десятилетия, труднообозрима [1, с. 5–12; 2, с. 149–154; 3, с. 264–268; 4, с. 63–68; 5, с. 86–93; 6]. В её русле наиболее интенсивно исследуется масс-медиаальный дискурс, что обусловлено его социальной релевантностью как максимально эффективного инструмента воздействия на массовое сознание. Феномен «манипуляция» предполагает наличие таких компонентов, как интенция, планирование, стратегии и реализующие их коммуникативные тактики и приемы. Последние в свою очередь подразумевают использование адресантом определенного языкового арсенала. Очевидно, что выбор языковых средств, направленных на решение коммуникативных задач адресанта, продиктован его стремлением к эффективному воздействию на адресата.

Материалом для предлагаемой читателю статьи послужили 24 публикации СМИ Германии, вышедшие в свет в марте, апреле и мае 2022 года, время серьезного политического обострения отношений РФ и западных государств во главе с США. Немецкие журналы и газеты “Focus“, “Handelsblatt“ и “Tageszeitung“ хорошо известны как в Германии, так и за ее пределами. Они не считаются желтой прессой.

Начало российской специальной военной операции, направленное на денацификацию и демилитаризацию Украины, защиту жителей Донбасса, вызвало бурную реакцию как у многих западных политических и государственных деятелей, так и у экспертов и журналистов. Представляется, что лингвистический анализ их речевых поступков позволяет увидеть оценочное отношение к

упомянутому выше событию, в целом ценностные ориентиры представителей западной цивилизации, равно как и выявить используемые ими средства языковой манипуляции сознанием читателей.

В статье решаются следующие задачи: 1) определить основные коммуникативные тактики, реализующие стратегию дискредитации России в немецких СМИ политическими и государственными деятелями, журналистами, экспертами в освещении военных событий на Украине; 2) установить часто применяемые стилистико-риторические средства при воплощении используемых коммуникативных тактик.

Вопрос выделения в текстах и определения коммуникативных стратегий – один из дискуссионных в современной лингвистике. Обзор специальной научной литературы, посвященной проблемам коммуникативных стратегий, позволяет заключить, что к их числу, как правило, относят стратегии самопрезентации, дискредитации, эмоционального настроения реципиента информации, самозащиты, нападения, а также аргументативную и информационно-интерпретационную стратегии. Их применение обусловлено самыми различными факторами, в том числе и формами речевого общения – диалогической и соответственно монологической речью. Так, например, по утверждению О.Н. Паршиной, информационно-интерпретационная стратегия применяется преимущественно в диалогах [7, с.15].

Наш анализ политических статей, опубликованных в немецких СМИ (газетах и журналах), показывает, что чаще всего в них используются, судя по количественным показателям, стратегии дискредитации (около 40%) и самопрезентации (порядка 28%). Подчеркнем при этом, что речь идет о статьях, в фокусе внимания которых тема военных событий на Украине весной 2022 года. Тематическая направленность публикуемого материала во многом определяет, как представляется, выбор стратегий, используемых журналистами, экспертами, политическими и государственными деятелями. На страницах данной статьи мы остановимся на характеристике стратегии **дискредитации**. Она реализуется

преимущественно посредством **тактики обвинения** немецкой прессой (в том числе и считающейся или считавшейся респектабельной) России в нарушении норм международного права после начала специальной военной операции на Украине. Так, газета “Handelsblatt” указывает на факт всё расширяющегося блока НАТО и на стремление ряда европейских стран в настоящее время в него войти, причиной чему служит, по версии немецкого издания, агрессивная политика РФ: “*Moskau interessiert sich nicht für internationales Recht. Neutralität ist kein Garant mehr, in Frieden gelassen zu werden*“ [8]. Как таковых аргументов обвинения в адрес российского руководства автором не приводится: читатель ставится перед фактом военного конфликта на Украине, якобы спровоцированного действиями РФ. Многочисленные факты (в частности Минские соглашения), свидетельствующие об обратном, не упоминаются. В статье акцент ставится на отсутствии возможности у европейских государств сохранять нейтральный статус в противостоянии НАТО и России. Готовность Финляндии и Швеции стать его членами рассматривается как их стремление быть защищенными от агрессивного поведения РФ. Тактика обвинения, реализующая стратегию дискредитации российского руководства, сочетается с провокативными элементами: в статье упоминается не входящая в НАТО Молдавия, конституция которой закрепляет ее нейтральный статус: “*Die einstige Entscheidung für Neutralität dürfte das Land nun bereuen. Die letzten neutralen Staaten Europas werden auch daraus ihre Schlüsse ziehen müssen*“ [Там же]. Государства, еще не успевшие войти в Североатлантический альянс, по мысли автора, должны сделать соответствующие выводы. Примечательно провокативное использование в приведенной цитате глагола *bereuen* (сожалеть, каяться) и наречия *nun* (теперь), однозначно подчеркивающие основной пафос статьи – нынешнее недоверие к миролюбию РФ и необходимость европейских государств войти в Североатлантический альянс.

Тактика необоснованного обвинения, направленная на очернение России, в ряде случаев строится на определенных доводах (фактически псевдодоводах),

которые при этом трудно назвать серьезными, убедительными в силу отсутствия в них конкретных (реальных) фактов. Так, в казалась бы уважаемом журнале “Focus” Керстин Мюнстерманн указывает на посягательства России на украинские ценности, в целом на европейскую систему ценностей, цитируя при этом в качестве аргумента ряд немецких политиков, жестко критикующих РФ [9]. Здесь тактика обвинения сочетается с тактикой (или точнее – с приемом) ссылки на авторитет госслужащего. Журналистом приводятся слова, максимально близкие к цитате бывшего немецкого посла в Москве Рюдигера Фрайгера, обвинившего президента России в нарушении так называемых правил игры, в разрушении им диалога с Западом: “*Putin habe quasi mitten im Spiel das Schachbrett umgeworfen und den Dialog zerstört*“ [Там же]. Факты при этом бывшим дипломатом не называются. Тактика обвинения нередко комбинируется с эксплицитно выраженной манипуляцией сознанием читателей. В статье „*Vielen in der Linkapartei galt Russland lange als Friedensmacht trotz aller Widersprüche. Nun droht sie an der Frage zu zerbrechen*“ [10] журналист Паскаль Бойкер решает коммуникативную задачу убедить читательскую аудиторию в совершении преступлений российской армией на территории Украины. Вполне возможно возникновение у читателей, обладающих соответствующим образовательным цензом, ассоциативной связи между нынешними событиями на Украине и событиями 80-летней давности на этой же территории. Аргументативная тактика, по сути, и здесь отсутствует. Весьма показательны эпитеты, характеризующие стороны военного конфликта: ср.: характеристика Украины посредством эпитета с положительной коннотацией *kämpfende Ukrainer* (сражающиеся украинцы) и характеристика России через эпитеты с отрицательной коннотацией *verbrecherisch* (преступный), *völkerrechtwidrig* (противоречащий международному праву). С целью дискредитации РФ Паскаль Бойкер применяет помимо оценочных эпитетов милитарную метафору, в жесткой тональности оценивая высшее руководство нашей страны: “*Die russischen Bomben zerstören nicht nur alte Gewissheiten...*”. Данное высказывание, безусловно, для части читателей обладает

перлокутивным эффектом, поскольку в свою содержательную структуру включает лексемы с негативно-оценочными коннотациями – *Bomben* (бомбы), *zerstören* (разрушать). В эксплицитной форме читателю дается понять, что военные действия на Украине – это не только угроза ее безопасности, но и крушение всего миропорядка, любых гарантий безопасности в целом.

Стратегия дискредитации реализуется также и посредством других коммуникативных тактик – прежде всего через **тактику оскорбления и тактику акцентирования отрицательной информации**. Они, судя по статистическим показателям, кратно реже используются по сравнению с тактикой обвинения (индекс частотности ее применения около 37%). Незначительны позиции и у тактик упрека и клеветы.

Ульрих Райтц, сотрудник журнала «Focus», в статье “Deutsche Panzer für die Ukraine? Dann könnte Putin auch Berlin ins Visier nehmen” дискутирует проблему возможных поставок Германией тяжелых вооружений Украине. В своем анализе ситуации он считает уместным процитировать звучащие как персональное **оскорбление** слова министра бундесвера Кристины Ламбрехт в адрес российского президента: “*Ausweislich des Bundestagsprotokolls lautet das Lambrecht-Zitat aus der Butscha-Sitzung im Wortlaut so: “Wer so handelt wie Putin dem ist egal, ob die Leichen auf den Straßen von Butscha oder die Leichen auf den Straßen von Tiflis, Vilnius oder Berlin sind”* [11]. В данном высказывании президенту РФ приписываются в оскорбительной форме жестокость и бесчеловечность. Тактика оскорбления с элементами клеветы здесь комбинируется с тактикой обвинения.

Тактику **акцентирования отрицательной информации** проиллюстрируем на материале статьи Евы Фишер “*Russlands Angriffskrieg zeigt: militärische Neutralität ist gefährlich*” из газеты «Handelsblatt». Автор неоднократно обращает внимание на угрозы безопасности для государств с нейтральным военным статусом. Ева Фишер приводит пример с внеблочной Молдавией, давая понять читателю, какие риски и угрозы ждут эту страну в настоящее время из-за возмож-

ной российской агрессии: “Für die Republik Moldau kommt diese Erkenntnis allerdings zu spät. Moldau hatte in seiner Verfassung festgeschrieben, dass es neutral ist und keine Stationierung ausländischer Streitkräfte auf seinem Territorium duldet – also auch keine der Nato. Damit wollte man die russischen Soldaten in der abtrünnigen Region Transnistrien loswerden. Der Plan ist nicht aufgegangen” [8]. Здесь, как и во многих других случаях, стратегия дискредитации нацелена на внесение изменений в информационную и ценностную картины мира читателя.

Коммуникативные тактики, реализующие стратегию дискредитации, предполагают применение определенного языкового арсенала, включающего в себя как оценочную лексику, так и различные придающие тексту экспрессивность стилистико-риторические средства, усиливающие его перлокутивный эффект. К числу выявленных в статьях фигур речи относятся немногочисленные метафоры (*an Brücken festgehalten*), сравнения (*wie ein Fiat Uno*), прецедентные тексты (цитата из Карла Либкнехта “*Der Hautfeind steht im eigenen Land*”), игра слов (*ein Diktatfrieden hat wenig mit Frieden zu tun*). Значительно, однако, количество употребления эпитетов, обычно оценочных (*tragisch, brutal, absurd, fatal, großrussisch-zaristisch* и др.), квалифицирующих, главным образом, действия государственных деятелей. Что касается синтаксического строя текстов статей, то укажем на большое количество употребления простых распространённых предложений и значительное количество сложносочинённых предложений. Им заметно уступают по частотности применения сложноподчинённые предложения, что объясняется, на наш взгляд, редким использованием в данных материалах аргументативной базы. Авторы статей не сфокусированы на детальном анализе причинно-следственных связей при описании событий. Среди синтактико-стилистических средств отметим эмфатический порядок слов (напр., *Durchaus willkommen geheißen wurden in der Westukraine drei Abgesandte des Bundestags*), эллипсис (напр., *Und der Bundeskanzler? Waffen für die Ukraine.*), анафору (напр., *Jetzt liefert ihr schweres Gerät. Jetzt liefert ihr die Panzer und damit seid ihr automatisch Kriegspartei*), эпифору (напр., *Dass der eine o-*

der andere Steinmeier oder die eine oder andere Schwesig sich bei Putin ein klein wenig getäuscht hat, nun ja, dafür haben sie sich ja ein klein wenig entschuldigt).

Укажем, что к распространенным синтактико-стилистическим средствам мы можем причислить первые два из названных выше: эмфатический порядок слов (27 употреблений) и эллипсис (17 употреблений).

Хорошо известен факт высокой метафоричности политического дискурса. В нем, в частности, широко распространены когнитивные метафоры спорта, игры, театра, войны. Однако заметим, что тексты проанализированных статей достаточно слабо метафоризированы. Количество использованных метафор ограничено (напр., *das Schweigen der Waffen, die Axt an die Friedenspolitik legen*). Установлено, что нейтральная лексика, эксплицирующая рациональную оценку, нередко сочетается с употреблением в одном и том же текстовом пассаже с экспрессивной, коннотативно нагруженной лексикой, выражающей эмоциональную оценку.

При реализации стратегии дискредитации обнаружено высокочастотное комбинирование коммуникативных тактик обвинения и оскорбления, тактик акцентирования негативной информации и эксплицитно выраженной манипулятивной тактики. Комбинированное использование данных тактик, обладающих негативной модальностью, объяснимо коммуникативными интенциями авторов политических высказываний, их замыслом внесения четких корректив в ценностную картину мира читательской аудитории. По сути, во всех текстах имеет место имплицитная форма манипуляции сознанием читателя. Манипуляции в имплицитной форме в данных статьях значительно чаще применяются, чем эксплицитные манипуляции, что обусловлено пониманием адресанта низкой эффективности использования примитивной техники ведения «обработки» сознания адресата, осознанием того обстоятельства, что взыскательный и думающий читатель не удовлетворится прямолинейными утверждениями-призывами. Оценить же адекватно эффективность применения той или иной тактики в рамках стратегии на материале речевого жанра статьи затруднитель-

но в отличие, к примеру, от интервью, где есть ответные реплики, показана реакция адресата.

В заключение заметим, что в немецких статьях, информирующих о конфликте Украины и России, обнаруживается очевидное предпочтение их авторов феномена ценностей, а не феномена реальных фактов, их беспристрастного анализа.

Список литературы

1. Грейдина Н.Л. Когнитивные основы манипулятивных технологий (на примере анализа отражения англоязычными СМИ военной спецоперации на Украине). *Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Лингвистика»*. 2022; 19(3): 5–12.
2. Зими́на Н.В. Речевые стратегии и тактики в тексте выступления канцлера ФРГ Олафа Шольца на пресс-конференции 21 декабря 2021 г. *Известия Волгоградского государственного педагогического университета*. 2022; (8): 149–154.
3. Зюбина И.А., Матвеева Г.Г. Неэкологичное доминирование в политическом дискурсе. *Известия Волгоградского государственного педагогического университета*. 2022; (3): 264–268.
4. Хлопотунов Я.Ю. Языковые приемы реализации коммуникативной тактики обвинения в американском политическом дискурсе. *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2019; (12)1: 63–68.
5. Чудинов А.П. Российская политическая метафора в начале XXI века. *Политическая лингвистика*. 2008; (1): 86–93.
6. Иссерс О.С. *Коммуникативные стратегии и тактики русской речи*. Изд. 5-е. М.: Изд-во ЛКИ; 2008. 288 с.
7. Паршина О.Н. *Стратегии и тактики речевого поведения современной политической элиты России*: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Саратов; 2005. 48 с.
8. Russlands Angriffskrieg zeigt: Militärische Neutralität ist gefährlich, 19.06.2022. URL:<https://www.handelsblatt.com/meinung/kommentare/kommentar-russlands-angriffskrieg-zeigt-militaerische-neutralitaet-ist-gefaehrlich/28340658.html> [дата обращения 19.06.2022].
9. Machen uns nicht zur Kriegspartei wenn wir Waffen liefern, 20.06.2022.. URL:https://www.focus.de/kultur/kino_tv/focus-fernsehclub/machen-uns-nicht-zur-kriegspartei-wenn-wir-waffen-liefern_id_86743944.html [дата обращения 20.06.2022].
10. Linkspartei in der Existenzkrise: Die Linke und Putins Krieg, 17.06.2022. URL:<https://taz.de/Linkspartei-in-der-Existenzkrise/!5845373/> [дата обращения 17.06.2022].
11. Deutsche Panzer für die Ukraine? Dann könnte Putin auch Berlin ins Visier nehmen, 12.06.2022. URL:https://www.focus.de/politik/ausland/ukraine-krise/analyse-von-ulrich-reitz-teil-2-kampfpanzer-fuer-die-ukraine-dann-koennte-putin-auch-berlin-ins-visier-nehmen_id_80561505.html [дата обращения 12.06.2022].

References

1. Greydina N.L. Cognitive foundations of manipulative technologies (on the example of the analysis of the reflection of the military special operation in Ukraine by the English-language media). *Vestnik YUzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya "Lingvistika"*. 2022; 19(3): 5–12. (in Russ)
2. Zimina N.V. Speech strategies and tactics in the text of the speech of German Chancellor Olaf Scholz at a press conference on December 21, 2021. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 2022; (8): 149–154. (in Russ)

3. Zyubina I.A., Matveeva G.G. Non-ecological dominance in political discourse. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 2022; (3): 264–268. (in Russ)
4. Khlopotunov Ya.Yu. Linguistic methods of implementing communicative tactics of accusation in American political discourse. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. 2019; (12)1: 63– 68. (in Russ)
5. Chudinov A.P. Russian political metaphor at the beginning of the XXI century. *Political linguistics*. 2008; (1):86–93. *Politicheskaya lingvistika*. (in Russ)
6. Issers O.S. *Communicative strategies and tactics of Russian speech*. Publ. 5th. M.: LKI; 2008. 288 p. (in Russ)
7. Parshina O.N. *Strategies and tactics of speech behavior of the modern political elite of Russia*. Dr. phil. sciences. Saratov; 2005. 48 p. (in Russ)
8. Russlands Angriffskrieg zeigt: Militärische Neutralität ist gefährlich, 19.06.2022. Available from: <https://www.handelsblatt.com/meinung/kommentare/kommentar-russlands-angriffskrieg-zeigt-militaerische-neutralitaet-ist-gefaehrlich/28340658.html> [accessed 19.06.2022]. (In Germ.)
9. Machen uns nicht zur Kriegspartei wenn wir Waffen liefern, 20.06.2022. Available from: https://www.focus.de/kultur/kino_tv/focus-fernsehclub/machen-uns-nicht-zur-kriegspartei-wenn-wir-waffen-liefern_id_86743944.html [accessed 20.06.2022]. (In Germ.)
10. Linkspartei in der Existenzkrise: Die Linke und Putins Krieg, 17.06.2022. Available from: <https://taz.de/Linkspartei-in-der-Existenzkrise/!5845373/> [accessed 17.06.2022]. (In Germ.)
11. Deutsche Panzer für die Ukraine? Dann könnte Putin auch Berlin ins Visier nehmen, 12.06.2022. Available from: https://www.focus.de/politik/ausland/ukraine-krise/analyse-von-ulrich-reitz-teil-2-kampfpanzer-fuer-die-ukraine-dann-koennte-putin-auch-berlin-ins-visier-nehmen_id_80561505.html [accessed 12.06.2022]. (In Germ.)

Автор публикации

Красавский Николай Алексеевич –
Профессор
Волгоградский государственный социально-педагогический университет
Волгоград, Россия
Email: nkrasawski@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0001-6467-9305>

Author of the publication

Krasavsky Nikolaj Alekseevich –
Professor
Volgograd State Socio-Pedagogical University
Volgograd, Russia
Email: nkrasawski@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0001-6467-9305>

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 01.02.2023
Одобрена после рецензирования: 21.02.2023
Принята к публикации: 28.02.2023

Article info

Submitted: 01.02.2023
Approved after peer reviewing: 21.02.2023
Accepted for publication: 28.02.2023

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The author has read and approved the final manuscript.

Информация о рецензировании

«Казанский лингвистический журнал» благодарит анонимного рецензента (рецензентов) за их вклад в рецензирование этой работы.

Peer review info

Kazan Linguistic Journal thanks the anonymous reviewer(s) for their contribution to the peer review of this work.

**ФИЛОЛОГИЯ. ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ, ПРИКЛАДНАЯ И
СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА
PHILOLOGY. THEORETICAL, APPLIED AND COMPARATIVE
LINGUISTICS**

Научная статья
УДК 811.512.161

Филологические науки
<https://doi.org/10.26907/2658-3321.2023.6.1.134-147>

**О РАЗНИЦЕ УПОТРЕБЛЕНИЯ В ТУРЕЦКОМ ЯЗЫКЕ
КОНСТРУКЦИЙ С ИМЕНАМИ ДЕЙСТВИЯ -*DIĞI* / -*ACAĞI* И
УСЕЧЁННЫМ ИНФИНИТИВОМ -*MASI*.**

Ю.Е. Подлесная

Минск, Беларусь

jpodlesnaia@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-1771-4072>

Аннотация. В статье предлагается авторская трактовка употребления специфических грамматических конструкций турецкого языка, обычно вызывающих существенные трудности при изучении их русскоязычными студентами. Речь идет об именах действия *-diđi* / *-acađi* (отглагольных прилагательных “*sıfat-fiiller*”) и усеченном инфинитиве *-masi* (отглагольном существительном / отглагольном имени “*isim-fiiller*”). Цели предпринятого исследования: сравнить трактовки турецких и русских лингвистов; на основе морфологического, морфемного, семантического и синтаксического методов анализа выяснить происхождение и сущность имен действия на *-diđi* / *-acađi* и усеченного инфинитива *-masi* в турецком языке; корректно описать их в близких терминах русской грамматики; выяснить логику употребления в турецком языке и специфику их перевода на русский. В результате удалось выяснить, что *-diđi* / *-acađi* / *-masi* конструкции несомненно обладают высокой степенью специфичности и непривычностью для русскоязычных как в плане корректного понимания их сущности и морфологического соответствия, так и практического применения, однако оказалось возможным найти для них в русском языке семантически и морфологически близкие части речи и синтаксические конструкции, а также описать основную логику их употребления в качестве развернутых членов предложения (подлежащего, сказуемого, определения, дополнения, обстоятельства) и сформулировать предложения для русских тюркологов по изменениям в подходах к преподаванию данных тем.

Ключевые слова: турецкий язык; причастия; отглагольные прилагательные; имена действия; отглагольные существительные; отглагольное имя; усеченный инфинитив; развернутые члены предложения

Для цитирования: Подлесная Ю.Е. О разнице употребления в турецком языке конструкций с именами действия *-diđi* / *-acađi* и усеченным инфинитивом *-masi*. *Казанский лингвистический журнал*. 2023;6(1): 134–147. <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2023.6.1.134-147>

Original article

Philology studies
<https://doi.org/10.26907/2658-3321.2023.6.1.134-147>

**ABOUT THE DIFFERENCE IN THE USE OF CONSTRUCTIONS
WITH PARTICIPLES -*DIĞI* / -*ACAĞI* (ADJECTIVE-VERBS) AND
TRUNCATED INFINITIVES -*MASI* (NOUN-VERBS) IN TURKISH**

Y.E. Podlesnaya

Minsk, Belarus

jpodlesnaia@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-1771-4072>

Abstract. This article offers the author's interpretation of the use of specific complex grammatical constructions of the Turkish language, usually causing significant difficulties in studying them with Russian-speaking students. We are talking about participles *-dıđı / -acađı* (adjective-verbs – “sıfat-fiiller”) and truncated infinitives *-ması* (noun-verbs / verbal nouns – “isim-fiiller”).

The purposes of the study undertaken are to compare the interpretations of Turkish and Russian linguists; on the basis of morphological, morphemic, semantic and syntactic methods of analysis, to find out the origin and essence of adjective-verbs *-dıđı / -acađı* and truncated infinitive *-ması* in Turkish; correctly describe them in close terms of Russian grammar; find out the logic of use in Turkish and of translation into Russian.

As a result, it managed to find out that *-dıđı / -acađı / -ması* structures undoubtedly have a high degree of specificity and unusual for Russian-speakers both in terms of the correct understanding of their essence and morphological correspondence and practical application. However, it turned out to be possible to find for them in the Russian language semantically and morphologically close parts of speech and syntactic constructions. Also to describe the main logic of their use as detailed members of the proposal (subject, predicate, definition, object, adverbial modifier) and to formulate proposals for Russian Turkologists by changes in approaches to teaching these topics.

Keywords: Turkish language; adjective-verbs; participles; truncated infinitives; noun-verb; verbal noun; detailed parts of the sentence

For citation: Podlesnaya Y.E. About the Difference in the Use of Constructions with Adjective-verbs *-dıđı / -acađı* and Truncated Infinitives *-ması* (noun-verbs) in Turkish. *Kazan Linguistic Journal*. 2023;6(1): 134–147. (In Russ.). <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2023.6.1.134-147>

В турецком языке есть специфические части речи, не имеющие полного соответствия в русском языке, и конструкции с ними. С их пониманием и усвоением у русскоязычных студентов обычно возникают сложности. Русскоязычная литература содержит зачастую противоречивую или устаревшую с точки зрения актуальной практики языка информацию и не предлагает подробных пояснений, а содержание турецких книг по грамматике остаётся не очень понятным для русскоязычных учащихся.

К числу таких частей речи относятся *имена действия на -dıđı / -acađı* и *усечённый инфинитив -та*.

В турецкоязычных источниках приводится только общее описание *причастий -dıđ / -acak* [1, с. 515–516; 2, с. 335] и *усечённого инфинитива -та* [1, с. 473, 582; 2, с. 186]. М. Özkan кратко указывает, что и причастия, и усечённый инфинитив могут выступать в роли разных членов предложения: подлежащего, дополнения и обстоятельства [1, с. 582]. Также упоминает о том, что причастия

-dik / -acak присоединяют аффиксы принадлежности, падежей и употребляются с послелогом [1, с. 516].

Описания *-diği / -acağı* и *-ması* конструкций в турецкой литературе можно найти либо в тематических статьях [3], либо в учебниках турецкого для иностранцев подобно изданию Анкарского университета *Hitit. Yabancılar İçin Türkçe* [4, с. 117, 121, 141; 5, с. 11, 15, 91, 95, 103, 107, 115, 119, 123, 127, 132, 136, 148; 6, с. 19, 24, 29, 55, 67, 103, 107, 115, 131, 147].

П.И. Кузнецов в своем Начальном курсе употребляет термин *усечённый инфинитив* (*kısa masdar*), приводит его изменение по падежам и определяет, что он соответствует «русским глагольным именам типа «приход», «приезд» [7, с. 191]. В Завершающем курсе этот автор добавляет наименование *глагольное имя* (*eylem adı*) и описывает его как «название действия» [8, с. 105]. Далее он определяет, что глагольное имя может склоняться по падежам, присоединять притяжательный аффикс и использоваться в конструкциях, приводя некоторые из них [8, с. 106–109, 196–198].

Для *-diği / -acağı* конструкций Кузнецов использует термин *имя действия* (*-dik yapılı belirtme araçları*) [7, с. 387]. В Завершающем курсе он приводит описание некоторых таких конструкций с добавлением аффиксов принадлежности и послелогов [8, с. 19, 85, 174, 175, 276, 307, 339, 390].

В учебнике П.И. Кузнецова и Ю.В. Щеки термин *усечённый инфинитив* вообще не упоминается. Авторы используют термин *отглагольное имя на -та* и ограничиваются кратким описанием понятия [9, с. 137]. В этом же источнике формы на *-diği / -acağı* обозначены как *герундиальные*, т. е. объединяющие «свойства глагола и существительного» [9, с. 300]. Далее авторы отмечают, что формы *-diği / -acağı* могут выступать в роли развернутых членов предложения [9, с. 301] и рассматривают это подробнее [9, с. 303, 335, 360, 365, 400].

В «Практической грамматике» Ю. Щека следующим образом описывает интересные нас понятия: «Неличные формы глагола выступают как зависимые предикативные центры и включают причастия, деепричастия,

инфинитив на *-mak*, отглагольные имена на *-ma* и *-ış*, а также формы (герундии) на *-diği / -acağı* с аффиксами принадлежности» [10, с. 284]. Ю. Щека указывает, что отглагольное имя на *-ma* и усечённый инфинитив – это одно и то же [10, с. 316].

Э. Гениш относит *-diği / -acağı* и *-ması* конструкции к *глагольным формам*, так как они «выполняют в предложении роль имен существительных, прилагательных и наречий. Вместо глагольных аффиксов глагольные формы присоединяют аффиксы принадлежности, числа и падежа, однако в отличие от существительных эти слова могут иметь отрицательную форму. Таким образом, глагольные формы имеют как черты глаголов, так и черты имён» [11, с. 212]. Гениш рассматривает как два отдельных блока конструкции с *-ması* [11, с. 228–237] и конструкции с *-diği / -acağı* [11, с. 237–252, 257–261]. Для них им вводятся такие понятия, как «повелительно-желательные предложения» [11, с. 232], «придаточные изъявительные» [11, с. 237], «неопределённые придаточные» [11, с. 246]. В конце книги Э. Гениш кратко рассматривает подряд большое количество конструкций как с *-ması* и *-diği*, так и с другими частями речи (инфинитив, деепричастия) [11, с. 267–347].

Е. Г. Кайтукова относит формы на *-diği / -acağı* к *именам действия* и рассматривает их с точки зрения конкретных ролей в предложении: определение, обстоятельство, дополнение [12, с. 123, 135, 154, 198, 207; 13, с. 151]. Этот автор использует термин *усечённый инфинитив* [12, с. 151].

Таким образом, в русскоязычной литературе по данным темам пока что нет единства ни в терминологии, ни в концепции преподавания. Наши авторы строго не разграничивают понятия, достаточно произвольно пользуясь обилием терминов: *усечённый инфинитив*, *отглагольное имя*, *имя действия*, *герундиальная форма*, *глагольное имя*. В вышеупомянутых изданиях отсутствует системное изложение основных конструкций с *-diği*, *-acağı*, *-ması*. В результате студенты сталкиваются с многочисленными терминами и произвольными фрагментарными пояснениями. Такая ситуация объективно

связана с тем, что сам турецкий язык всё ещё находится в процессе активного изменения, и некоторые грамматические конструкции и категории или исчезают вовсе, или претерпевают изменения как по форме употребления, так и в трактовках лингвистов.

Данные недостатки мы постарались нивелировать в нашей книге «Справочник по грамматике турецкого языка», поставив цель кратко, полно и систематизированно объяснить, что это за части речи, как и в каких конструкциях они употребляются. Конструкции мы сгруппировали по синонимическим значениям (*причина, цель, время* и т. п.) [14, с. 263–291].

В данной статье автор ставит своей целью через параллели с русской грамматикой прояснить для русскоязычных студентов, что это за турецкие части речи, как употребляются конструкции с ними, в каких аспектах есть закономерности и логика употребления, а где нужно просто их запомнить. Начнём с определения, что это за части речи, а затем рассмотрим, какие роли в предложении они играют и по каким правилам употребляются.

Имена действия на *-diği / -acağı* происходят от простых причастий *-dik* и *-acak* (*sıfat-fiiller / partisipler / ortaçlar*). Причастия описывают простой признак действия. Причастие *-dik* – наличный по факту (*tanıdık kitap* ‘знакомая книга’), а причастие *-acak* – связанный с будущим (*okunacak kitap* ‘книга, которая будет прочитана’).

Однако в турецком, как агглютинативном языке, к простым причастиям *-dik / -acak* могут присоединяться «аффиксы» (*суффиксы*) принадлежности и падежей, а также они используются в изафетах и с послелогоми, и именно присоединение аффиксов и послелогов превращает понятные нам причастия в непростые *имена действия на *-diği / -acağı** — отглагольные формы, описывающие *разные свойства действия, связанные с другими субъектами*. Например: *bizim tanıştığımız yıl* ‘год, в котором (когда) мы познакомились’.

Ю. Щека предлагает различение причастий *-dik / -acak* и «герундиальных форм *-diği / -acağı*» [10, с. 292]. Герундиальная форма объединяет «свойства

глагола и существительного» [10, с. 317]. Автор не согласен с такой трактовкой, так как очевидно, что форма *-diği / -acağı* семантически не ограничивается сферой «глагол – существительное». Она чрезвычайно гибкая и многозначная, переводится на русский язык разными вариантами, вплоть до придаточных предложений. В турецком языке эта форма относится однозначно к *отглагольным прилагательным* [1, с. 515; 2, с. 335] и базово выполняет функцию описательную «*тот, который...*».

Э. Гениш также рассматривает эти понятия как единые [11, с. 255, 257]. Поэтому мы считаем, что разделять *-dik* и *-diği*, *-acak* и *-acağı* контрпродуктивно.

Усечённый инфинитив — это специфическая турецкая часть речи, которая образуется от инфинитива путем отбрасывания последней буквы *-k* (напр., *gelmek* → *gelme*), и относится к «*отглагольным существительным*» (*isim-fiiller / mastarlar / eylemliler*). Усечённый инфинитив выполняет две функции:

- описывает процесс совершения действия через *имя действия на -та* (*gezme* ‘гуляние’, *bekleme* ‘ожидание’).
- образует *отглагольное существительное на -та* (*dondurma* ‘мороженое’, *gözleme* ‘блинчики’, *dövme* ‘татуировка’, *basma* ‘ситец’).

В русскоязычной литературе эти две функции разделяются только у Е. Кайтуковой [13, с. 151]. Остальные авторы используют единый термин – *отглагольное имя на -та* [10, с. 390; 11, с. 212], хотя иногда встречается и термин *усечённый инфинитив* [8, с. 191; 10, с. 316; 11, с. 223].

Следует отметить, что в турецком языке очень много *отглагольных имён*: *-tak*, *-ta*, *-ış*, *-ak*, *-ga*, *-gin*, *-ici* и др. [2, с. 187–198], поэтому, по нашему мнению, для обособления формы на *-та* целесообразно использовать обобщённый термин *усечённый инфинитив*, а в случаях, требующих уточнения грамматической функции – *имя действия на -та* и *отглагольное существительное на -та*.

Усечённый инфинитив также может присоединять к себе аффиксы принадлежности, падежей, использоваться в изафетах и с послелогом: *projenin başlaması için* ‘для начала проекта’ / ‘для того чтобы проект начался’. Но в отличие от форм с *-dığı / -acağı*, усечённый инфинитив не содержит в себе указание на время события.

Таким образом, конструкции с *-dığı / -acağı* и *-ması* употребляются с одними и теми же морфемами. По этой причине для русскоязычных внешне они выглядят идентично. Постараемся прояснить ситуацию с точки зрения практики.

Первое, что важно отметить: в турецком языке конструкции *-dığı / -acağı / -ması* представляют собой отдельные части речи и являются *простыми* членами предложения, однако на русском передать их одной частью речи зачастую невозможно. При переводе на русский они становятся или *придаточными предложениями в сложноподчиненном*, или *распространёнными оборотами*. Приведём примеры того, как довольно короткое турецкое предложение становится развёрнутым в переводе на русский язык:

Eğer yeterince isterseniz çözemeyeceğiniz şey yoktur. ‘Не существует проблем, которые Вы не сможете решить, если достаточно захотите.’ (Хотя, конечно, можно выбрать и намного более лаконичный вариант: ‘При достаточном желании нет нерешаемых проблем.’ Но при этом теряется богатство смысловых нюансов исходной фразы.)

O anda Celile'nin polis olduğunu duyunca nasıl paniklediğini de hatırladım [15, с. 7]. ‘В этот момент я вспомнил, как запаниковала Джелиле, услышав, что я полицейский.’ Простое турецкое предложение с одним сказуемым превращается на русском в сложноподчинённое с тремя сказуемыми.

Далее обе эти части речи могут употребляться в роли *разных членов предложения* [1, с. 582–583]. Такие гибкость, универсальность и многозначность часто вызывают у русскоязычных затруднения в понимании, почему же во фразе выбрана та или иная конструкция.

П. Кузнецов так определяет логическую разницу между *-dik* и *-ma*: «Имена действия на *-dik / -acak* обозначают само действие, факт совершения действия; глагольное же имя на *-ma* предлагает лишь название действия» [8, с. 108]. По мнению автора, такое пояснение неточно, так как конструкции с *-diği / -acağı / -ması* переводятся на русский множеством самых разных вариантов.

На наш взгляд, главное отличие состоит в том, что *-diği / -acağı* конструкции в турецком языке являются «отглагольными прилагательными» – *sifat-fiiller*, и поэтому описывают признаки действия – что, кем, когда, как совершено или планируется. Разница *-diği* и *-acağı* содержит указание на время события.

А *-ması* конструкции являются «отглагольными существительными» – *isim-fiiller*, и описывают наименование действия – что происходит и кто субъект. Не содержат указание на время.

Обе конструкции могут быть в предложении подлежащим, сказуемым, дополнением, обстоятельством. Но усечённый инфинитив не может быть определением, а имя на *-diği / -acağı* может. В таблице 1 приведем наглядные примеры употребления обеих конструкций в роли каждого члена предложения.

Таблица 1

Варианты синтаксических ролей для *-diği / -acağı* и *-ması* конструкций

член предложения	<i>-diği / -acağı</i> конструкции	<i>-ması</i> конструкции
Подлежащее	<i>Yaptığın beklenmediktir.</i> ‘То, что ты сделал, было неожиданно.’	<i>Gelmen beni sevindirdi.</i> ‘Меня порадовало то, что ты пришёл. Твой приход меня порадовал.’
Сказуемое	<i>Herkesin merak ettiği konu onun dün ne yaptığıydı.</i> ‘Всех интересовало, что он сделал вчера.’	<i>İstediğim son şey, benim yerime kavga etmendir.</i> ‘Последнее, что я хочу, это чтобы ты ссорился вместо меня.’
Определение	<i>Giydiğin elbise mükemmel.</i> ‘Платье, которое ты надела, великолепно.’	–
Дополнение	<i>Babam benim yüzmeyi iyi öğrendiğimi fark etti.</i> ‘Отец заметил, что я научился хорошо плавать.’	<i>Babam yüzmeye başlamamı istedi.</i> ‘Отец захотел, чтобы я начал заниматься плаванием.’
Обстоятельство	<i>Sen geldiğin için parti çok neşeli geçti.</i>	<i>Gelmen nedeniyle parti çok neşeli</i>

	‘Вечеринка прошла очень весело, потому что ты пришел.’	<i>geçti</i> . ‘Благодаря твоему приходу вечеринка прошла очень весело.’
--	--	--

Может иметь место ситуация полного совпадения конструкции по форме, и вариант перевода зависит от контекста. Например: *sizin beklediğiniz zaman* ‘**когда вы** не ждали’ (обстоятельство) или ‘**время, которого вы** не ждали’ (определение).

Обе эти части речи повсеместно употребляются и вместе в одном предложении:

Beni ziyaret etmeniz beklediğim bir şeydi. ‘Ваш визит ко мне был мною ожидаем. Я ожидал, что Вы меня навестите.’

Abidin’in kadının dikkatini çekmeden bana yaklaşmaya çalıştığını sezinledim [15, с. 9]. ‘Я догадался, что Абидин старается приблизиться ко мне, не привлекая внимание женщины.’

Ю. Щека утверждает, что усечённый инфинитив тоже может быть определением [10, с. 392]. Но мы считаем, что самостоятельно отглагольное существительное никак не может выполнить функцию определения. Это имеет место лишь в изафете и, по сути, только при переводе на русский язык: *yüzme havuzu* ‘плавательный бассейн («бассейн плавания»)', *çalışma odası* ‘рабочая комната, кабинет («комната работания»)''. На турецком усечённый инфинитив остаётся отглагольным существительным, и использование его в качестве определения только подразумевается и поэтому требует изафета.

-dığı / -acağı / -ması конструкции активно употребляются в составе изафетов:

Ben vurulduğumun farkında bile değildim [15, с. 73]. ‘Я даже не заметил, что меня подстрелили.’

Alışverişten önce alacaklarımın listesini yaparım. ‘Перед шопингом я обычно составляю список своих покупок.’

Burada kalmanın sebebi var mı? ‘У тебя есть причина, чтобы оставаться здесь?’

Projenin başlaması ile boş zamanım hiç kalmadı. ‘С началом проекта у меня совсем не осталось свободного времени.’

Основные трудности для русскоязычных вызывает различие употребления *-dığı / -acağı* и *-ması* конструкций в качестве *развёрнутого дополнения* и *развёрнутого обстоятельства*.

Дополнение на *-dığı / -acağı* обычно переводится на русский придаточными *что, куда, зачем* и др.:

Babam benim yüzmeyi öğrendiğimi fark etti. ‘Отец заметил, **что** я научился хорошо плавать.’

Beni niçin aradığını anlamıyorum. ‘Я не понимаю, **зачем** ты мне звонишь.’

Дополнение на *-ması*, в основном, имеет значение *чтобы, реже что*: *Babam yüzmeyi öğrenmemi istedi.* ‘Отец захотел, **чтобы** я научился плавать.’ Для наглядности *-ması* можно перевести существительным: ‘Отец захотел «моё обучение плаванию».’

Тут часто возникает путаница, ведь теоретически любой глагол может использоваться с обеими конструкциями развёрнутого дополнения. К сожалению, никакой особой логики не удалось обнаружить. Нужно просто различать сущность этих частей речи, а также запомнить, с какими глаголами чаще используются дополнения на *-dığı / -acağı*, а с какими – дополнения на *-ması*. Иногда обе конструкции равноприменимы.

Примеры глаголов, употребляемых с именами на *-dığı / -acağı*: *söz vermek* ‘обещать’, *bilmek* ‘знать’, *düşünmek* ‘думать’, *şüphelenmek* ‘сомневаться’, *ummak* ‘надеяться’, *hissetmek* ‘чувствовать’.

İyi okuyacağıma söz veriyorum. ‘Я обещаю, что буду хорошо учиться.’

Senin bu işi artık bitirdiğini düşündüm. ‘Я думал, что ты уже закончил эту работу.’

Примеры глаголов, употребляемых с усечённым инфинитивом:

üzülmek ‘расстроиться’, *sinirlenmek* ‘нервничать’, *karar vermek* ‘решить’, *anlamak* ‘понимать’, *istemek* ‘хотеть’, *rica etmek* ‘просить’.

Vana telefon etmeni istiyorum. ‘Я прошу, чтобы ты мне позвонил.’

Böyle davranmana çok üzüldüm. ‘Я очень расстроился, что ты так себя ведёшь. Я очень огорчился такому твоему поведению.’

Примеры глаголов для обеих конструкций дополнения: *memnun olmak*

‘быть довольным’, *sevinmek* ‘радоваться’, *kırlmak* ‘расстроиться’, *beklemek* ‘ждать’.

Geldiğine / gelmene çok sevindim. ‘Я очень рад, что ты пришла. Рад твоему приходу.’

Tanıştığımızdan / tanışmamızdan çok memnun oldum. ‘Приятно познакомиться. Очень рад нашему знакомству.’

Развернутое обстоятельство также может употребляться с обеими частями речи. Здесь имеют место только конкретные грамматические формулы, отклонение от которых ведёт к грубой ошибке и искажению смысла.

Примеры развёрнутого обстоятельства с *-dığı / -acağı*: *zamanın olduğunda* ‘когда у тебя будет время’, *istediğin kadar* ‘сколько хочешь’, *bildiğim gibi* ‘как мне известно.’

Примеры развёрнутого обстоятельства с *-ması*: *onun hasta olmasıyla beraber* ‘хотя она и была больна’, *uyarmama rağmen* ‘несмотря на мои предупреждения’, *annemin beğenmesine gelince* ‘что касается симпатий моей мамы’.

Иногда развернутое обстоятельство может употребляться с обеими частями речи, и это не даёт изменения значения:

hava bozulduğundan dolayı = havanın bozulmasından dolayı ‘из-за того, что испортилась погода’

çocuğumun sağlıklı olmasından başka = çocuğumun sağlıklı olduğundan başka ‘кроме того, чтоб мой ребенок был здоров’

А иногда изменение конструкции обстоятельства с *-diği* на *-ması* даёт изменение значения:

geç kaldığın için ‘из-за того, что ты опаздываешь’

geç kalman için ‘для того, чтобы ты опоздал’

Такие ситуации необходимо детально прояснять и заучивать, поэтому в учебниках целесообразно приводить последовательное описание всех вариантов конструкций для конкретного значения развернутого обстоятельства. Например, у обстоятельства причины *из-за, по причине* могут быть 4 варианта с *-diği / -acağı* и 6 вариантов с *-ması*: *-diği için, -diğından, -diğından dolayı, -diğından ötürü, -masından dolayı, -ması dolayısıyla, -ması sayesinde, -ması yüzünden, -ması nedeniyle, -ması sebebiyle* [14, с. 275].

Заключение. Как видим, турецкий – ёмкий, лаконичный и гибкий язык, дающий большие возможности для выражения различных семантических нюансов, но его специфичность требует скрупулёзного и непредвзятого внимания к деталям, понимания имманентной логики чужого языка.

Конструкции с *-diği / -acağı / -ması* – это простые члены турецкого предложения, но на русский как правило переводятся придаточными предложениями или распространёнными оборотами.

Могут выполнять любую синтаксическую роль: подлежащее, сказуемое, определение, дополнение, обстоятельство. Используются в изафетах.

При переводе и построении фразы с *-diği / -acağı* и *-ması* необходимо понимать, что часто стоит выбор между «отглагольным прилагательным» и «отглагольным существительным».

Для построения *-diği / -acağı / -ması* конструкций нужно знать их правила, значения и формулы. Есть случаи жестко фиксированной, однозначной грамматической нормы, а есть ситуации многовариантные, где можно проявить творческую трактовку и образное мышление.

Для русскоязычной тюркологии в теме *-diği / -acağı* и *-ması* конструкций хотелось бы большего единства лингвистов в терминологии. Концепцию

преподавания можно постараться систематизировать, адаптировав к логике русского языка и унифицировать, а в учебники ввести более подробное и последовательное описание основных *-diği / -acağı / -ması* конструкций, соответствующее современной практике литературного турецкого.

Список литературы

1. Özkan M., Tören H., Esin O. Yüksek öğretimde Türk Dili Yazılı ve Sözlü Anlatım. Genişletilmiş 3 baskı. İstanbul: Filiz kitabevi; 2013. 999 s.
2. Muharrem E. Türk Dil Bilgisi. Edebiyat ve Eğitim Fakültelerinin Türk Dili ve Edebiyatı Bölümleri için. İstanbul: Bayrak basımevi; 2011. 407 s.
3. Gülsevin S. -DIK / -(Y)ACAК + İyelik Yapılarının Öznelerinde İlgi Ekinin Kullanılması Üzerine. *TEKE: Uluslararası Türkçe Edebiyat Kültür Eğitim Dergisi*. 2015. 4(3): 889–898.
4. *Yeni Hitit 1. Temel. Yabancılar İçin Türkçe*. Ders Kitabı. Editör Prof. Dr. N. Engin Uzun. Ankara: Ankara Üniversitesi Basımevi. TÖMER; 2017. 200 s.
5. *Yeni Hitit 2. Orta. Yabancılar İçin Türkçe*. Ders Kitabı. Editör Prof. Dr. N. Engin Uzun. Ankara: Ankara Üniversitesi Basımevi. TÖMER; 2008. 196 s.
6. *Yeni Hitit 3. Yüksek. Yabancılar İçin Türkçe*. Ders Kitabı. Editör Prof. Dr. N. Engin Uzun. Ankara: Ankara Üniversitesi Basımevi. TÖMER; 2009. 194 s.
7. Кузнецов П.И. *Учебник турецкого языка*. В 2 ч. Ч. 1. Начальный курс. 6-е изд., испр. М.: АСТ: Восток – Запад; 2007. 473 с.
8. Кузнецов П.И. *Учебник турецкого языка*. В 2 ч. Ч. 2. Завершающий курс. 6-е изд., испр. М.: АСТ: Восток – Запад; 2007. 510 с.
9. Кузнецов П.И., Щека Ю. В. *Учебник турецкого языка*. Начальный курс. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Восточная книга; 2010. 592 с.
10. Щека Ю.В. *Практическая грамматика турецкого языка*. Учебное издание. М.: АСТ: Восток – Запад; 2007. 666 с.
11. Гениш Эйюп. *Грамматика турецкого языка. Т. 2: времена и наклонения глаголов, виды глаголов, заложенные формы глаголов, смещение значений или времён, глагольные формы*. М.: Издательство ЛКИ; 2008. 352 с.
12. Кайтукова Е.Г. *Турецкий язык. Самоучитель*. 2-е изд., испр. М.: Живой язык; 2012. 224 с.
13. Кайтукова Е.Г. *Турецкий язык. Справочник по грамматике*. М.: Живой язык; 2007. 212 с.
14. Подлесная Ю., Палий Е. *Турецкий язык. Полный курс грамматики*. 1-е изд. Киев.: Скай Хорс; 2020. 336 с.
15. Ümit A.. *Şeytan Ayrıntıda Gizlidir*. İstanbul: Doğan Kitapçılık AŞ; 2003. 107 s.

References

1. Özkan M., Tören H., Esin O. *Written and Oral Expression of the Turkish Language in higher education*. Expanded 3 editions. İstanbul: Filiz bookstore; 2013. 999 pp. (in Turkish).
2. Muharrem E. *Knowledge of the Turkish Language*. For the Departments of Turkish Language and Literature of the Faculties of Literature and Education. İstanbul: Bayrak publishing house; 2011. 407 pp. (in Turkish)
3. Gülsevin S. -DIK / -(Y)ACAК + On the Use of the Suffix of Interest in the Subjects of the + October Possessive Constructions. *TEKE: International Journal of Turkish Literature Culture Education*. 2015. 4(3): 889–898. (in Turkish)
4. *New Hittite 1. Basic. Turkish For Foreigners*. Textbook. Editor Prof. Dr. N. Engin Uzun. Ankara: Ankara University Press. TÖMER; 2017. 200 p. (in Turkish)

5. *New Hittite 2. Medium. Turkish For Foreigners*. Textbook. Editor Prof. Dr. N. Engin Uzun. Ankara: Ankara University Press. TÖMER; 2008. 196 p. (in Turkish)
6. *New Hittite 3. High. Turkish For Foreigners*. Textbook. Editor Prof. Dr. N. Engin Uzun. Ankara: Ankara University Press. TÖMER; 2009. 194 p. (in Turkish)
7. Kuznetsov P.I. *Textbook for Turkish Language*. In 2 parts. Part. 1. The Beginner's Course. 6th edition, corrected. Moscow: AST: East – West publ.; 2007. 473 p. (in Russian)
8. Kuznetsov P.I. *Textbook for Turkish Language*. In 2 parts. Part 2. The Final Course. 6th edition, corrected. Moscow: AST: East – West publ.; 2007. 510 p. (in Russian)
9. Kuznetsov P.I., Shcheka Y.V. *Textbook for Turkish Language*. In 2 parts. Part. 1. The Beginner's Course. 5th edition. Moscow: Eastern Book publ.; 2010. 592 p. (in Russian)
10. Shcheka Y.V. *Practical Grammar of the Turkish Language*. Textbook. Moscow: AST: East – West publ.; 2007. 666 p. (in Russian)
11. Geniş Eyup. *Grammar of the Turkish Language*. Vol 2. Moscow: LKI Publ.; 2008. 352 p. (in Russian)
12. Kaytukova E.G. *Turkish Language. Self-instruction Book*. 2d edition, corrected. Moscow: Jivoy yazyk publ.; 2012. 212 p. (in Russian)
13. Kaytukova E.G. *Turkish Language. Reference Book for Grammar*. Moscow: Jivoy yazyk publ.; 2007. 224 p. (in Russian)
14. Podlesnaya Y., Paliy E. *Turkish Language. Complete course of the Grammar. Reference Book*. 1st edition. Kiev.: Sky Horse; 2020. 336 p. (in Russian)
15. Ümit A. *The Devil Is Hidden in the Detail*. İstanbul: Doğan Kitapçılık AŞ; 2003. 107 p. (in Turkish)

Автор публикации

Подлесная Юлия Евгеньевна –
кандидат политических наук
Минск, Беларусь
Email: jpodlesnaia@gmail.com

**Раскрытие информации о конфликте
интересов**

Автор заявляет об отсутствии
конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 17.11.2022
Одобрена после рецензирования: 20.02.2023
Принята к публикации: 28.02.2023

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о рецензировании

«Казанский лингвистический журнал» благодарит анонимного рецензента (рецензентов) за их вклад в рецензирование этой работы.

Author of the publication

Podlesnaya Yuliya Ev. –
PhD in political sciences
Minsk, Belarus
Email: jpodlesnaia@gmail.com

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Article info

Submitted: 17.11.2022
Approved after peer reviewing: 20.02.2023
Accepted for publication: 28.02.2023

The author has read and approved the final manuscript.

Peer review info

Kazan Linguistic Journal thanks the anonymous reviewer(s) for their contribution to the peer review of this work.

Казанский лингвистический журнал
Международный научный рецензируемый журнал
Главный редактор – С.С. Тахтарова
Выпускающий редактор – А.Р. Лисенко
Шеф-редактор – Д.Р. Сабирова
Ответственный редактор – А.А. Абдрахманова
Научные редакторы:
Ф.Л. Ратнер (педагогика)
Л.Е. Бушканец (литературоведение)
Л.Р. Сакаева (лингвистика)

Kazan Linguistic Journal
International peer-reviewed journal
Chief editor – S.S. Takhtarova
Executive editor – A.R. Lisenko
Press and editorial manager – D.R. Sabirova
Responsible editor – A.A. Abdrakhmanova
Scientific editors:
F.L. Ratner (pedagogics)
L.E. Bushkanets (literary studies)
L.R. Sakaeva (linguistics)

Дата выхода в свет: 27.03.2023. Бумага офсетная. Печать цифровая. Формат 70x108 1/16. Тираж 500 экз.

Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии Издательства Казанского университета

Адрес: ул. Профессора Нужи́на, 1/37, г. Казань, Россия, 420008

Телефон: +7 (843) 233-73-59, +7 (843) 233-73-28

Перепечатка материалов допускается только с письменного разрешения редакции

Редакция не несёт ответственности за содержание публикаций

Распространяется бесплатно

Date of publication: 27.03.2023. Offset paper. Printing is digital. Format 70x108 1/16. Edition of 500 copies

Printed from the finished layout in the printing house of Kazan University publishing House

Address: 1/37, Professor Nuzhina str., Kazan, Russia, 420008

Phone: +7 (843) 233-73-59, +7 (843) 233-73-28

Reprinting of materials is allowed only with the written permission of the editorial Board

The editors are not responsible for the content of publications

Available free of charge